

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** — доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: lham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охашика**, профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloukui@eduhk.hk; **Фарро Антонио Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдун** — доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Managing Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Gennady B. PRONCHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tllokui@eduhk.hk

Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 2 • Том 26 • 2020 •

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология и история социологии

Осипова Н.Г. Концептуализация категории общества в истории социологии: ключевые дискуссии.7

Вершинина И.А., Лядова А.В. Особенности становления социологии Латинской Америки: на примере Бразилии35

Лукашук В.И. Социология спорта: обзор традиционных зарубежных социологических парадигм и теорий49

Социальная структура, социальные институты и процессы

Радина Н.К. О биополитике власти и общества: петиции в защиту животных в России, Германии и Франции (на материалах петиций Change.org)70

Хомякова К.Л. Концепция глобального города в современной социологии.94

Новосёлова Е.Н. Снижение уровня бедности как способ повышения эффективности системы здравоохранения в России111

Политическая социология

Каневский П.С. Структура лоббистских отношений в современном мире130

Шатилов А.Б. Современное политическое лидерство: возможности и ограничения144

Экономическая социология и менеджмент

- Зубков В.И.** Влияние современных социально-экономических тенденций на развитие нестандартных форм занятости156
- Барков С.А.** Личные качества как фактор успеха в постиндустриальных социально-экономических реалиях178

Современная китайская социология

- Лян Цзянь.** Становление и предпосылки развития “общества средней зажиточности” (сяокан)193
- Лян Цзянь.** Социально-экономические факторы, влияющие на развитие “общества средней зажиточности” (сяокан) в Китае 203
- Ван Лили.** Процесс миграции крестьян в рамках системы хуоку в Китае214
- Ван Лили.** Пути и формы совершенствования миграции крестьян в города в Китае 226

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 2 • VOLUME 26 • 2020 •

APRIL — JUNE

Four Issues per Annum

CONTENTS

Theory, methodology and history of sociology

Osipova N.G. Conceptualization of the society category in the history of sociology: key discussions7

Vershinina I.A., Liadova A.V. Features of sociology's formation in Latin America: the case of Brazil.....35

Lukashchuk V.I. Sociology of sport: a review of traditional foreign paradigms and theories.....49

Social structure, social institutions and processes

Radina N.K. On the biopolitics of power and society: petitions for animal protection in Russia, Germany and France (based on Change.org petitions)70

Khomyakova K.L. The concept of the global city in modern sociology94

Novoselova E.N. Poverty reduction as a method for improving the effectiveness of the health system in Russia.....111

Political sociology

Kanevskiy P.S. Structure of lobbying relations in contemporary world.....130

Shatilov A.B. Modern political leadership: opportunities and limitations144

Economic sociology and management

Zubkov V.I. Influence of modern socio-economic tendencies on the development of non-standard forms of employment.....	156
Barkov S.A. Personal qualities as a factor of success in post-industrial social and economic realities	178

Contemporary Chinese sociology

Liang Jian. Formation and background of development “society of medium wellness” (Xiaoqiang).....	193
Liang Jian. Socio-economic factors influencing the development of “society of medium wellness” (Xiaoqiang) in China	203
Van Lili. Peasant migration process within the Hukou system in China.....	214
Van Lili. Ways and forms of improving the migration of peasant to cities in China.....	226

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-7-34

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОБЩЕСТВА В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ДИСКУССИИ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., проф. кафедры современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье выделяются и детально анализируются ключевые дискуссии, имевшие место в истории социологии в отношении категории общества и ее концептуализации: о сущности общества, о движущих силах (факторах), определяющих развитие общества, об идентификации исторических типов обществ, о методологии анализа общества.

В рамках первой дискуссии — о сущности общества, — рассматриваются подходы к сущности общества социологических номиналистов и социологических реалистов.

Вторая дискуссия, посвященная движущим силам развития общества, представлена точками зрения географических, демографических, технологических, культурных, биологических и экономических детерминистов.

Особое внимание уделяется концепции социально-исторического детерминизма, а в ее рамках — категориям общественного производства и социальной деятельности.

В третьей дискуссии, посвященной проблеме идентификации исторических видов обществ, рассматриваются стадии развития обществ по Г. Спенсеру, движение общества от варварства к цивилизации у Дж. Ст. Милля, а также приводится типологизация обществ по Э. Гидденсу.

К этой же дискуссии относятся и траектории развития индустриальных обществ. В статье рассмотрены концепция “нового индустриального общества” Дж. Гэлбрейта, представления об обществах модерна и постмодерна, идеи о “рефлексивной модернизации”. Особое внимание уделено информационному и цифровому обществам. Обозначены подходы к категории цифровизации, дано определение цифровому обществу, обозначены виды цифрового неравенства, которые приводят к особой социальной эксклюзии, снижающей жизненные шансы людей.

Четвертая дискуссия, по поводу методологии анализа общества, представлена точками зрения структурных функционалистов — Т. Парсонса и Э. Шиллза, а также системным подходом, учитывающим совокупность всех видов отношений членов общества, в современной социологии обозначается

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

понятием “социетальные отношения”. В статье подчеркивается, что именно социетальные отношения образуют социальную реальность, оказывающую существенное влияние на содержание и формы социального поведения людей и окружающий мир в условиях конкретного общества.

Автором также рассматриваются причины критического осмысления категории общества в современной социологии, а также приводятся аргументы, показывающие ее значимость.

Ключевые слова: категория общества, социологический номинализм, социологический реализм, движущие силы развития общества, детерминизм, социальная деятельность, исторические виды обществ, индустриальные общества, общества модерна и постмодерна, информационное общество, цифровое общество, социетальная система, социетальные отношения.

CONCEPTUALIZATION OF THE SOCIETY CATEGORY IN THE HISTORY OF SOCIOLOGY: KEY DISCUSSIONS

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

The article highlights and analyzes in detail the key discussions that took place in the history of sociology in relation to the category of society and its conceptualization: about the essence of society, about the driving forces (factors) that determine the development of society; on the identification of historical types of societies; about the methodology of analysis of society.

Within the framework of the first discussion — about the essence of society, approaches to the essence of society by sociological nominalists and sociological realists are considered.

The second discussion, dedicated to the driving forces of societal development, is presented from the points of view of geographic, demographic, technological, cultural, biological and economic determinists.

Special attention is paid to the concept of socio-historical determinism, and within its framework — to the categories of social production and social activity.

In the third discussion, devoted to the problem of identifying historical types of societies, the stages of development of societies according to H. Spencer, the movement of society from barbarism to civilization by J.St. Mill, and also provides a typology of societies according to E. Giddens.

The trajectories of development of industrial societies also apply to this discussion. The article examines the concept of “new industrial society” by J. Galbraith, ideas about modern and postmodern societies, ideas about “reflexive modernization”. Particular attention is paid to the information and digital societies. Approaches to the category of digitalization are outlined, a definition of a digital society is given, types of digital inequality are outlined, which lead to a special social exclusion that reduces the life chances of people.

The fourth discussion, about the methodology of analyzing society, is presented by the points of view of structural functionalists — T. Parsons and E. Shills, as well as a systematic approach that takes into account the totality of all types of relations between members of society, in modern sociology is designated by the concept of “societal relations”.

The article emphasizes that it is societal relations that form social reality, which has a significant impact on the content and forms of social behavior of people and the world around them in a particular society.

The authors also consider the reasons for the critical understanding of the category of society in modern sociology, and also provide arguments showing its significance.

Key words: *category of society, sociological nominalism, sociological realism, driving forces of the development of society, determinism, social activity, historical types of societies, industrial societies, modern and postmodern societies, information society, digital society, societal system, societal relations.*

Общество несмотря на “некоторые критические замечания”¹ остается основополагающей категорией социологической науки. Для этой категории имеются устоявшиеся дефиниции. Например, российскими социологами общество традиционно определяется как “исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся на основе постоянного изменения форм и условий их деятельности в процессе взаимодействия с органической и неорганической природой”².

В рамках обыденного познания общество, как правило, связывают с государством, трактуют его как “совокупность людей в границах одного государства” (американское общество, французское общество, российское общество и т.п.). Но из этого следует, что до появления государств общества не существовало. Научные трактовки общества, поскольку они опираются на абстракции, исходят из того, что общество объединяет “коллективы людей, порой гораздо более крупные, чем совокупность граждан одного государства”³. Общество отличает “существование между отдельными членами определенных связей, зависимостей и отношений, объединяющих их в нечто цельное”⁴. Так и в социологии “общество” — это “то социологическое понятие, которое служит для обозначения социальной тотальности, описания социального состояния в его целостности”⁵.

В истории социологии можно выделить ряд ключевых дискуссий в отношении концептуализации “общества”, результаты которых легли в основу различных теоретических направлений:

- 1) о сущности общества;
- 2) о движущих силах (факторах), определяющих развитие общества;

¹ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия социологии. М., 2018. С. 28.

² Осипов Г.В., Налетова А.Д. Общество // Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 330.

³ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 7.

- 3) об идентификации исторических типов обществ;
- 4) о методологии анализа общества.

Первую дискуссию вели социологические номиналисты и социологические реалисты (холисты), которых в свое время русский философ и социолог С.Л. Франк назвал “сингуляристами” (социальными атомистами) и “универсалистами”. Суть этой дискуссии была достаточно хорошо сформулирована С.Л. Франком: “Есть ли общество не что иное, как название для совокупности и взаимодействия между собой отдельных людей, не что иное, как нами производимое искусственное, т.е. субъективное суммирование реальности отдельных людей, или общество есть некая подлинно-объективная реальность, не исчерпываемая совокупностью входящих в ее состав индивидов?”⁶.

Известно, что социологический номинализм представляет собой теоретико-методологическую ориентацию, согласно которой источником и единственным субъектом социального является индивид и его социальное действие. Соответственно, онтологическое содержание понятий, выражающих любое социальное целое, отрицается. Для социологических номиналистов (Дж.Ст. Милль, М. Вебер, Г. Зиммель, П. Новгородцев, Л. Петражицкий и др.) характерно представление об обществе лишь как о простой совокупности отдельных индивидов.

Так, один из последователей О. Конта, британский философ и социолог Дж.Ст. Милль тяготел к социологическому “номинализму” и полагал, что “социальные законы” поведения людей в основном удастся свести к законам поведения отдельных индивидов. Общество у Дж.Ст. Милля — это механический агрегат, сумма отдельных личностей, а закономерности общественной жизни по сути — лишь законы индивидуальной человеческой природы. “Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое. Они обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним сведены”⁷, — писал этот мыслитель. В то же время он отмечал, что при обобщении взаимодействий людей возникают определенные методологические трудности, которые можно преодолеть статистической трактовкой законов человеческого поведения.

⁶ Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Париж, 1930. С. 60 (цит. по: Социология: Хрестоматия / Авт.-сост. О.Н. Козлова, Э.И. Комарова, В.В. Панферова. М., 1993. С. 20).

⁷ Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Предисл. и прил. В.К. Финна. М., 2011. Глава XVII. § 1. С. 653.

Социологический реализм (холизм) олицетворяет теоретико-методологическую ориентацию, которая исходит из приоритета целого над его частью. Для социологических реалистов (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Ковалевский и др.) характерно представление об обществе как об обладающей качественным своеобразием особой социальной целостности, свойства которой нельзя свести к свойствам составляющих ее частей. При этом сторонники социологического реализма полагают, что в социальной действительности имеют место объективные закономерности, независимые от воли и сознания людей. Так, одним из первых социологов, кто интерпретировал общество как особую целостную систему, отличную от суммы ее отдельных элементов, был Э. Дюркгейм. «Общество — не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis* (нечто в своем роде, своеобразное), наделенную особыми свойствами»⁸, — писал этот ученый.

Более четкую интерпретацию общества, сочетающую реалистический и номиналистический подходы, дал выдающийся российско-американский социолог П.А. Сорокин. Согласно П.А. Сорокину, «Ни то, ни другое из этих двух течений (социологический реализм и социологический номинализм — *прим. Н.О.*) неприемлемо. Каждое из этих двух течений в пылу спора выставляет такие положения, которые либо логически абсурдны, либо эмпирически неверны. Общество или коллективное единство, как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы взаимодействующих индивидов, существует. В качестве такой реальности *sui generis* оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но вопреки реализму общество существует не “вне” и “независимо” от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немислимо и невозможно, как невозможно всякое явление без составляющих его элементов»⁹.

В основе второй дискуссии лежит вопрос о движущих силах и основе развития общества.

Достаточно распространенной в современной отечественной социологии является следующая трактовка общества: “...общество — это определившаяся в процессе исторического развития человечества относительно устойчивая система социальных связей и отношений как больших, так и малых групп людей, поддерживаемая силой обычая, традиции, закона, социальных институтов и т.д. Эта система ос-

⁸ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1996. С. 157.

⁹ Сорокин П.А. Система социологии / Вступит. статья, сост. и комментарии В.В. Сапова. М., 2008. С. 247.

новывается на определенном способе производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ”¹⁰. Ключевыми моментами в данной трактовке служат, во-первых, представление об обществе как системе, а во-вторых, материальная основа, на которой общество как система возникает и развивается. Обозначенные моменты нуждаются в конкретизации.

Существуют качественные различия в действии сил природы и общества. Если силы природы действуют стихийно, то человек сам творит свою историю. В отличие от законов природы, законы истории прокладывают себе дорогу через разрозненные социальные действия людей, наделенных сознанием и волей. При этом каждый человек в своей деятельности руководствуется определенными целями, идеалами, ценностями и избирает конкретные средства для их достижения. Основой его целенаправленной деятельности является, прежде всего, стремление к удовлетворению материальных и духовных потребностей. Средством удовлетворения материальных потребностей человека служит общественное производство.

Общественное производство — это целесообразная деятельность людей, направленная на создание материальных и нематериальных благ путем преобразования природных ресурсов для удовлетворения их потребностей. Это постоянный процесс взаимодействия людей с природой при помощи средств труда, приводимых в движение их коллективными усилиями на основе разделения и кооперации общественного труда. Конечным результатом этого процесса, осуществляемого в исторически определенных формах экономических отношений, является создание материальных и духовных ценностей общества.

Общественное производство — это также необходимое условие и материальная форма жизнедеятельности общества. Трудно представить себе, что может произойти, если все люди, члены конкретного общества, вдруг прекратят свою общественно-производственную деятельность. Общественное производство возможно только при определенных естественных и исторических условиях.

Естественными условиями общественного производства являются природные условия (окружающая природная среда) и население. Историческими, т.е. созданными человеком, условиями служат средства труда (техника), употребление и совершенствование которых составляет характерную черту человеческой деятельности. При этом условия общественного производства могут выступать как всеобщее средство труда.

¹⁰ Осипов Г.В., Налетова А.Д. Указ. соч. С. 330.

Необходимым условием и всеобщим средством труда, а также сырьевой основой общественного производства является природная среда. Взаимодействуя с окружающей средой, человек не только оказывает воздействие на климат и почву, реки и моря, на растительный и животный мир, на рельеф местности, полезные ископаемые, атмосферу, космос, но и сам испытывает на себе их постоянное влияние. Социальные концепции, которые решающее значение в развитии общества придают искусственно измененной человеком природной среде, получили название концепций географического детерминизма.

Географический детерминизм — учение, согласно которому главной движущей силой общественного развития является географический фактор. Яркими представителями географического детерминизма были французский просветитель XVIII в. Ш.Л. Монтескье и русский ученый Л.И. Мечников.

Так, в работе “Цивилизация и великие исторические реки: географическая история развития современных обществ” Л.И. Мечников, исследуя причины возникновения цивилизаций, главное внимание обращал на географическую среду, которая, по его мнению, играет решающую роль в их формировании и генезисе. “В жарком поясе, — писал он, — несмотря на его роскошную флору и фауну, до сих пор также не возникло прочной цивилизации, которая занимала бы почетную страницу в летописях человечества. Здесь причина этого кроется в самом факте, так сказать, излишнего развития органической жизни во всех ее формах, это изобилие жизни служит в ущерб развитию энергии и умственных способностей у населения; жители жаркого пояса, получая в изобилии и почти без всяких координированных усилий со своей стороны все необходимое для материального благоденствия, по этой самой причине лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной, коллективной деятельности”¹¹.

Наряду с природным фактором важнейшим условием жизнедеятельности общества является рационально количественно регулируемое и гигиенически здоровое население. Социальные концепции, считающие численность и качество народонаселения основой социального развития, обозначаются как концепции демографического детерминизма.

Создатели демографического детерминизма, учения, объясняющего историю развития человеческого общества ростом населения, — Ж.Ж. Руссо, Т. Мальтус, Л. Гумплович — поставили вопрос о необходимости сбалансированного роста народонаселения и со-

¹¹ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 273.

ответствующих материальных ресурсов, значительного улучшения “качества населения” вследствие надлежащего социального и медицинского контроля. Иначе неизбежен “демографический взрыв”, сопровождаемый резким ухудшением “качества населения”, который может привести к непредвиденным для общества последствиям.

В частности, Т. Мальтус рассматривал рост населения как фактор, препятствующий развитию общества, приводящий к социальным бедствиям (нищете и т.п.) и революциям. Свой труд “Опыт закона о народонаселении в связи с его влиянием на будущее улучшение общества с его замечаниями о ложных рассуждениях Годвина, Кондорсе и других писателей” он посвятил исследованию важнейших последствий великого и тесно связанного с человеческой природой закона, “действовавшего неизменно со времени происхождения обществ. <...> Закон этот состоит в проявляющемся во всех живых существах постоянном стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи”¹². “В сущности, многие признавали и подтверждали факты, в которых проявляется действие этого закона, но никто не замечал естественной и необходимой связи между самим законом и некоторыми важнейшими его последствиями, несмотря на то, что в числе этих последствий должны были бы обратить на себя внимание такие явления, как пороки, несчастия и то весьма неравномерное распределение благ природы, исправление которого всегда составляло задачу людей доброжелательных и просвещенных”¹³, — писал Т. Мальтус.

На базе естественных складываются исторические условия жизнедеятельности общества. Важнейшим из них является техника или средства труда (орудия и материальные условия труда) — комплекс вещей, создаваемых человеком, которые он помещает между собой и предметом труда, и которые служат ему средством воздействия на этот предмет. Социальная роль техники состоит в том, что она, опосредуя взаимодействие природы и общества, природы и человека, является важнейшим элементом процесса труда. Процесс труда — это “целесообразная, сознательная деятельность, в процессе которой человек при помощи орудий труда осваивает, изменяет и приспосабливает к своим целям предметы природы”¹⁴.

В непосредственный процесс труда в качестве необходимого его составляющего элемента включается система научных знаний,

¹² Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. URL: http://liv.piramidin.com/politica/maltus_opyt/maltus_opyt.htm (дата обращения: 25.07.2019).

¹³ Там же.

¹⁴ Соколова Г.Н. Труд // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелкин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн., 2003. С. 1136.

овеществленная в виде технических и материальных средств труда. Фетишизация роли и места техники и науки в современном социальном развитии служит теоретической основой концепций технологического детерминизма и сциентизма.

Технологический (технический, технократический) детерминизм — учение, придающее решающее значение в общественном прогрессе развитию техники и технологий сформировался в начале XX в. как отражение возрастающей роли научно-технического прогресса и признание того, что технические достижения имеют колоссальные последствия для человека и общества. Приверженцы технологического детерминизма считают, что основной детерминантой социально-экономических и иных изменений в обществе являются более или менее крупные сдвиги в технике и технологической системе производства. Влияние этого учения затем проявилось в теории “стадий роста”, выдвинутой в 1960-х гг. У. Ростоу, в концепциях индустриального общества (Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, А. Берли и др.), постиндустриального общества (Д. Белл, Ж. Фурастье и др.), технотронного общества (Зб. Бжезинский), программированного общества (А. Турен), информационного общества (Ё. Масуда), “третьей волны” (Э. Тоффлер).

Сциентизм известен как концепция, заключающаяся в абсолютизации роли науки в системе культуры, в идейной жизни общества. В качестве образца науки сциентизм обычно рассматривает естественные и так называемые точные науки, вплоть до абсолютизации естественных наук как единственно научного знания и отрицания философско-мировоззренческой проблематики как лишенной познавательного смысла и значения. В социологии сциентизм связан с отрицанием особенностей объекта социального анализа по сравнению с объектами, исследуемыми естественными науками, с игнорированием необходимости учета ценностных моментов, с эмпиризмом и описательностью, враждебным отношением ко всяким теоретическим построениям, имеющим выход в социально-философскую проблематику, с абсолютизацией значения количественных методов в социальных исследованиях¹⁵.

В целом, на вопрос о том, что же определяет облик общества и задает вектор его развития, единого ответа у социологов нет. Например, сторонники культурного детерминизма считают, что основу общества составляют общепринятые системы ценностей и норм, соблюдение которых обеспечивает его устойчивость и неповторимость. Сторонники биологического детерминизма утверждают, что

¹⁵ Швырев В.С. Сциентизм // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. URL: iphlib.ru (дата обращения: 25.07.2019).

все социальные феномены необходимо объяснять исходя из биологических или генетических характеристик людей. Экономические детерминисты (К. Маркс и марксисты) отдавали предпочтение экономической подсистеме общества как движущей силе его развития.

Теория, анализирующая общество с позиции закономерностей взаимодействия общества и человека, экономических и социальных факторов, получила название теории “социально-исторического детерминизма”. Социально-исторический детерминизм, который также называют “социально-исторической теорией общества”, отражает специфику конкретно-исторического бытия общества.

Согласно данной концепции, общество представляет собой такую социальную целостность, которая существует, функционирует и развивается через человека и его деятельность. При этом сущность общественной жизни проявляется в практической деятельности людей. Человек осуществляет свою деятельность посредством исторически сложившихся форм взаимодействия с другими людьми, поэтому в какой бы сфере общественной жизни (экономической, политической, духовной и т.п.) его деятельность ни осуществлялась, она всегда является социальной. Социальная деятельность — “это совокупность социально значимых действий, осуществляемых субъектом (обществом, группой, личностью) в различных сферах и на различных уровнях социальной организации общества, преследующих определенные социальные цели и интересы и использующих во имя их достижения различные средства — экономические, социальные, политические и идеологические”¹⁶.

Многообразие социальных действий можно свести к четырем основным группам. К первой группе относятся действия, связанные с изменением данной социальной системы или условий деятельности. Вторую группу образуют действия, направленные на их стабилизацию. К третьей группе принадлежат действия, преследующие цель адаптации к данной социальной системе и условиям деятельности. Четвертую группу составляют интегративные действия, предполагающие включение личности, группы или какой-либо другой общности в более крупную социальную общность или систему.

Таким образом, история и социальные отношения людей не существуют и не могут существовать в отрыве от деятельности. Будучи основой социального бытия, практическая деятельность рождает новые общественные отношения, посредством которых люди приобретают свои социальные качества. Она же — объективно необходимое условие воспроизводства, сохранения и развития

¹⁶ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С. 273.

социально-экономической системы. С одной стороны, деятельность осуществляется по объективным, независимым от воли и сознания людей законам и закономерностям. С другой стороны, в ее реализации участвуют люди, избирающие в соответствии со своим социальным положением, знаниями и способностями различные пути и способы ее осуществления. Тем самым, главная особенность социально-исторического детерминизма состоит в том, что его объектом является деятельность людей, которые в то же время выступают субъектом деятельности, а социальные законы — это всегда законы практической деятельности людей, образующих общество.

Третья дискуссия связана с проблемой идентификации исторических видов обществ: никто не отрицает тот факт, что на протяжении всей истории человечества общество претерпевало определенные изменения, которые служили предметом специального социологического анализа.

Так, согласно Г. Спенсеру, общества проходят через ряд последовательных стадий всё большего усложнения — от простых, затем сложных, вдвойне сложных и, наконец, втройне сложных обществ. Этот ученый также выделил два типа обществ — воинственное и промышленное (индустриальное), в зависимости от преобладающего типа деятельности и вытекающих из этого различиях в их организации.

«В первом типе, который Г. Спенсер называет воинственным, устройство общества почти полностью сходно с устройством армии. Его самая характерная черта состоит в сильной централизации власти. Фундаментальным принципом общественной интеграции является “принудительная кооперация”. Военное общество имеет жесткую иерархическую структуру, базируется на системе статусов, в которой существует “полное подчинение каждого общественного ранга всем вышестоящим рангам, и всякий человек есть раб тех, кто выше его, и деспот над теми, кто ниже его”»¹⁷.

В этом обществе, по мнению Г. Спенсера, “первобытные люди были приведены к сотрудничеству только благодаря необходимости соединенных действий на войне. Только благодаря подчинению приказаниям подобное сотрудничество сделалось действительным. И только благодаря подобным образом начатой кооперации, стали возможны другие формы коопераций, характеризующие цивилизованную жизнь”¹⁸. В конечном счете, “военная деятельность стала причиной дифференциации классов и породила политические

¹⁷ Осипова Е.В. Патриархи социологии. М., 2011. С. 57.

¹⁸ Спенсер Г. Синтетическая философия. К., 1997. С. 340.

дифференциации”¹⁹. Суть этих политических дифференциаций состоит в следующем.

Во-первых, произошел прогрессивный переход от того состояния, при котором каждый свободный человек должен лично отбывать воинскую повинность и, сверх того, сам должен добыть себе оружие и провизию, к тому состоянию, при котором война только со временем нарушает обыденный ход промышленной жизни, сопровождается всевозрастающим разъединением военной повинности и прав свободного гражданства: военная повинность стремится перейти в денежный налог, взимаемый пропорционально собственности разного рода²⁰.

Во-вторых, постепенно уменьшилось количественное отношение сражающейся части общества к остальной его части. С переходом от кочевых привычек к оседлым возникло экономическое препятствие военной деятельности, которое возрастало по мере того, как промышленная жизнь развивалась. Причем относительная величина военного сословия уменьшилась.

В-третьих, с отделением военной организации от политической организации вообще каждая организация весьма часто стала приобретать отдельного главу.

В-четвертых, имела место внутренняя организация военного сословия. Как в первобытной орде совершается прогрессивный переход от некомбинированного сражения отдельных лиц к комбинированному сражению под руководством вождя, так, после объединения небольших обществ в большое совершается и прогрессивный переход от сражения отдельными племенами и местными группами к сражению под управлением общего главнокомандующего. А для того чтобы этот централизованный контроль был действительным, образуется система подчиненных друг другу офицеров, замещающая собой собрание первобытных глав отдельных групп, и система подразделений войска, пересекающая первоначальное деление на группы, благодаря чему возникают правильно организованные массы, имеющие несходные функции.

В-пятых, от того состояния, при котором армия, смотря по обстоятельствам, то собирается, то распускается, общество перешло к тому состоянию, при котором образуется постоянная армия. Когда, как это было в древние времена, люди соединялись для ведения небольших войн, по окончании которых опять расходились, действительная военная организация невозможна. Она делается возможной

¹⁹ Спенсер Г. Указ. соч. С. 335.

²⁰ Там же. С. 348.

только среди людей, которые постоянно собраны вместе для войны или для подготовки к войне.

В-шестых, армию начинает отличать поддержание и выработка системы отношений, основанных на положении иерархии, тогда как в остальном обществе распространяются отношения, основанные на договоре. Принудительная кооперация продолжает быть принципом военной части общества, как бы широко ни распространялась в остальной его части добровольная кооперация²¹.

В результате “специализации отправления” и “разделения труда”, который преобразует природу человека, военное общество превращается в промышленное.

Промышленное общество по Г. Спенсеру имеет исключительно мирные цели и этим принципиально отличается от общества военного типа. Главной функцией правительства является воспитание граждан. Слепое послушание властям сменяется убеждением, что главной общественной добродетелью является свобода индивида. Добровольное взаимодействие индивидов сменяет принудительную кооперацию, система договора — *иерархическую систему статусов, индустриальный общественный порядок*, основанный на обмене производственной деятельностью, предоставляет каждому гражданину полнейшую свободу действий, согласующуюся со свободой действий других индивидов. Кооперация индивидов становится добровольной. “Место силы занимают симпатия и право”²².

Вопрос о том, в каком направлении развивается общество и возможен ли прогресс человечества, также интересовал Дж.Ст. Милля. Этот ученый был убежден, что идея прогресса содержится во всяком научном представлении об общественных явлениях, следовательно, “основная задача социальной науки заключается в отыскании законов, согласно которым всякое данное состояние общества вызывает другое, следующее за ним и замещающее его”²³.

Согласно Дж.Ст. Миллю, человечество продвигается от варварства к цивилизации. Это движение вперед имеет различные формы и различную скорость в разных типах общества, хотя не исключен и определенный порядок прогресса. Однако необходимо знать, что должно быть сделано, чтобы человеческий род получил возможность продолжить путь к следующей стадии цивилизации. Он находил, что “развитие всех сторон жизни человечества зависит прежде всего от

²¹ Спенсер Г. Указ. соч. С. 349.

²² Осипова Е.В. Указ. соч. С. 57–58.

²³ Милль Дж.Ст. Указ. соч. С. 830.

развития умственной жизни людей, то есть от закона последовательных изменений в человеческих мнениях”²⁴.

Всякому значительному прогрессу в материальной цивилизации предшествовал прогресс в знании, и предвестниками важных социальных перемен были существенные изменения в образе мыслей общества. Дж.Ст. Милль был склонен полагать, что “мерой продвинутости общества служит уровень его интеллектуального состояния, а будущий его прогресс напрямую связан с продолжением развития научного знания, особенно в области социальных наук”²⁵.

Из современных типологий обществ достаточно известным является разграничение “форм общества”, проведенное британским социологом Э. Гидденсом.

Так, Э. Гидденс, сравнивая различные формы общества, выделяет досовременные общества и общества в современном мире²⁶. По мнению этого ученого, “бесконечное разнообразие досовременных обществ можно разделить на три типа, каждый из которых упоминается в описаниях антрополога М. Хэрриса: охотники и собиратели, более крупные земледельческие и скотоводческие общества, <...> неиндустриальные цивилизации или индустриальные государства”²⁷.

Согласно Э. Гидденсу, первобытные человеческие общества состояли из охотников и собирателей. Средства к существованию их члены получали от охоты, рыболовства и сбора диких съедобных растений. Около 20 тысяч лет назад некоторые группы охотников и собирателей в поисках средств к существованию начали заниматься разведением домашнего скота, а также выращиванием сельскохозяйственных культур (огородничеством)²⁸. “Первые свидетельства существования обществ, гораздо более крупных и совершенно непохожих на первобытные, относятся к шестому тысячелетию до нашей эры. С этими обществами связано появление городов, для них характерно ярко выраженное неравенство, с ними связано правление царей и императоров. Общества эти часто называют цивилизациями, так как в них существовала письменность, процветали науки и искусства. Однако поскольку там впервые появились упорядоченные формы правления, для обозначения таких обществ часто используют термин традиционные государства”²⁹.

²⁴ Милль Дж.Ст. Указ. соч. С. 845.

²⁵ Strauss L., Cropsey J. History of political philosophy. Chicago, 2012. P. 682–683.

²⁶ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 53, 61.

²⁷ Там же. С. 53.

²⁸ Там же. С. 57–59.

²⁹ Там же. С. 59.

В традиционных государствах, в отличие от первобытных обществ, существовала более сложная система специализированных профессиональных занятий (купца, придворного, солдата и т.п.), существовало также упрощенное деление на классы между группами аристократии во главе с правителем и остальным населением. Типичным для данных обществ было рабовладение. Традиционные государства заботились о развитии профессиональных армий³⁰.

Промышленная революция, начавшаяся в XVIII в. в Англии и связанная с появлением машинного производства, основанного на использовании различного рода источников энергии (пара, электричества и т.п.), запустила процесс индустриализации. Его результатом стало возникновение индустриальных обществ, коренным образом отличных от традиционных.

Так, подавляющая часть населения в таких обществах занята в промышленном производстве, а не в сельском хозяйстве; индустриальные общества гораздо больше урбанизированы: свыше 90% граждан живет в городах, размеры которых значительно превосходят размеры тех городов, которые существовали в традиционных цивилизациях. Их политические системы значительно более развиты и действенны, чем традиционные формы правления³¹.

Индустриальные общества явились первыми национальными государствами. Национальные государства — это политические общности, разделенные четкими границами, отделяющими их друг от друга и заменившими пределы традиционных государств. Правительства национальных государств обладают исключительной властью над многими сторонами жизни своих граждан и устанавливают законы, обязательные для всех, живущих в пределах их границ³².

Следует отметить, что развитие индустриальных обществ, в свою очередь, также имело целый ряд траекторий. Так, в конце 60-х гг. прошлого столетия определенную популярность получила концепция “нового индустриального общества”, обоснованная американским экономистом канадского происхождения Дж. Гэлбрейтом в работе “Новое индустриальное общество”³³. Ключевой особенностью этого нового общества является “расширенное применение новой техники” как “последовательного применения научных и иных видов систематизированных знаний для решения практических задач”³⁴. При этом наиболее важное значение применения этой современной техники

³⁰ Там же. С. 60.

³¹ Там же. С. 61.

³² Там же. С. 63.

³³ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.

³⁴ Там же. С. 47.

заключается в том, что она заставляет разделить любую задачу на ее составные части. Это ее значение имеет шесть важных следствий экономического и организационного порядка, которые, в конечном счете, “задают облик нового индустриального общества”³⁵.

Основным событием последней трети XX в. многие исследователи называют формирование постиндустриального общества. Процесс формирования постиндустриального общества основан на превращении большей части трудящихся из пролетариата в работников интеллектуальной сферы, повышении роли информации, сглаживании привычных классовых различий и возникновении социального государства. Несмотря на значительные различия в подходах к оценке нового общества и его характерных черт подавляющее большинство теоретиков постиндустриального общества (постиндустриализм) — Д. Белл, А. Турен, А. Тоффлер — отмечают, что его наиболее фундаментальным признаком является переориентация производства с создания материальных благ на предоставление услуг.

В частности, согласно Д. Беллу: “Индустриальное общество — это координация машин и людей для производства товаров. Постиндустриальное общество ориентировано на знания. <...> Если индустриальное общество определялось качеством товаров, выражающим уровень жизни, то постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым обслуживанием и услугами — здравоохранением, образованием, развлечениями и искусством, которые теперь являются желаемыми и возможными для каждого”³⁶.

В постиндустриальном обществе, как отмечает З. Бжезинский, “производственный процесс более не является основным решающим фактором перемен, влияющим на нравы, социальный строй и ценности общества”. Следствием этого глобального исторического перехода становится вытеснение человека из сферы непосредственно материального производства. Большая часть рабочей силы перемещается в сферу услуг, автоматы начинают осуществлять заверченный производственный процесс по заданным программам, в результате чего “тот факт, что люди больше взаимодействуют друг с другом, чем с машиной, становится основной характеристикой труда в постиндустриальном обществе”³⁷.

В последней четверти прошлого века в кругах зарубежных и отечественных социологов активизировались дискуссии о новом типе общества — обществе постмодерна.

³⁵ Там же. С. 48–53.

³⁶ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.

³⁷ Бжезинский Зг. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2010. С. 37.

Следует отметить, что в социальной теории термин “постмодернизм” и родственные ему понятия стали использоваться с 70-х гг. XX в. для характеристики “постсовременной исторической эпохи, отличающейся особым культурным контекстом, в рамках которого протекают весьма специфические социальные процессы”³⁸.

Действительно, научно-технический прогресс сделал относительно новыми казавшиеся прежде базовыми, абсолютно неколебимыми вещи: стало возможным изменить не только гражданство, конфессиональную или социальную принадлежность человека, но и пол. Нарастает сложность современного мира, а его целостность становится проблематичной; человеческие контакты становятся множественными, и потому нередко поверхностными. Значителен и неуправляем поток самых разнообразных сведений, обрушивающийся на современного человека. Увеличивающийся объем информации и меняющиеся формы ее подачи порождают мозаичность восприятия, трудности с концентрацией внимания, невозможность сосредоточиться, выстроить логику осмысления материала.

Средства массовой информации сильно воздействуют на осознание людьми окружающего мира и их места в нем. Они, смешивая информацию из различных частей света, позволяют индивидам как бы пересекать пространство и время, что ведет к “несвязности” ощущений: время и пространство становятся менее стабильными и понятными, менее едиными, более запутанными, непоследовательными. Таким образом, “уверенность и фиксированные стандарты постепенно заменяются неизвестностью и скептицизмом, а образы, создаваемые СМИ, подстрекают людей к поверхностному восприятию вещей, а не к познанию их сути, к цинизму, а не к вере, к жажде постоянных перемен, а не к соблюдению традиций, к ощущению сиюминутности бытия и отрицанию исторических закономерностей”³⁹.

Этим изменяющимся жизненным миром обусловлено особое умонастроение, которое часто называют постмодернизмом, а поскольку социологи являются обычными членами общества и разделяют, в той или иной мере, все свойственные остальным людям представления, то мироощущение постмодернизма в той или иной мере захватывает их, порождая новый тип социологического теоретизирования. Среди социологов, стоящих на постмодернистских позициях, т.е. считающих, что общество модерна сменила принципиально отличная от него общественная формация, постмодерн, особо

³⁸ Smart B. Modernity, postmodernity and the present // Theories of Modernity and Postmodernity / Ed. by B. Turner. L., 1990. P. 26.

³⁹ Strinati D. Postmodernism and popular culture // Sociology Review. 1992. Apr. P. 3.

выделяются французские ученые Ж. Бодрийяр и Ж. Делез, а также польско-британский исследователь З. Бауман.

Согласно З. Бауману, на смену противоречию между капитализмом и социализмом (что было характерно для прежней исторической эпохи — эпохи модерна) пришло антагонистическое противоречие между модерном и постмодерном. Для модерна были характерны стремление к упорядочению, классификации, а также различного рода разграничениям, поиску определенности и четкости, вера в рациональность, признание законов, типологий, классификаций, единой стандартизированной культуры, возможности формирования общих для всех людей интересов, норм и ценностей. Постмодерн — это плюрализм человеческой культуры, амбивалентность, неопределенность, случайность, нечто переходящее. Постмодерн выдвигает и отстаивает идею непреодолимых различий между людьми, чьи интересы, ценности и убеждения варьируют как в различных обществах, так и в рамках одного общества.

Центральным моментом в рамках дискуссии об обществе постмодерна является следующий. Означают ли все эти изменения переход к постмодерну как специфической, качественно отличной от прежней социальной системе, которая “представляется пространством хаотической и хронической неопределенности, территорией, подчиненной конкуренции, соперничеству и смещению акцентов и, следовательно, перманентно амбивалентной”?⁴⁰ Или же эти изменения следует рассматривать как внутренние, имеющие место в рамках развития глобальной и рефлексивной современности, вследствие чего более продуктивным является их анализ в терминах “рефлексивной модернизации”?

Именно этим моментом определяются различия во взглядах: сторонники концепции постмодерна понимают под ним совокупность новых социально-политических и культурных процессов, внешних по отношению к модерну; приверженцы теории рефлексивной модернизации рассматривают постмодернистские изменения как внутренние в границах последнего этапа существования общества модерна. Эти разногласия отражаются в трудах ученых, которые пытаются сформулировать новые концептуальные подходы к понятию общества и соответственно к первоосновам социологической теории, которые на данном понятии базируются⁴¹.

⁴⁰ *Baumann Z. Intimations of postmodernity. L., 1992. P. 193.*

⁴¹ Смотри подробнее: *Осипова Н.Г. Методологическая саморефлексия западной социологии на рубеже столетий // Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М., 2018. С. 441–448.*

В конце XX — начале XXI столетия в научный оборот также было введено понятие “информационного общества”. Информационным обществом обозначают социальную систему, в которой производство товаров и услуг существенно зависит от сбора, обработки и передачи информации. Если постиндустриализация сделала возможным производство огромных количеств различных товаров, то наступление эры информационных (компьютерных) технологий обеспечило возможность производить, обрабатывать и передавать неограниченное количество информации.

Дальнейший беспрецедентный прогресс в развитии компьютерной индустрии, новации в области телекоммуникаций привели к появлению цифровых технологий, задающих контуры современного общества, главными характеристиками которого становятся цифровизация, а также сетевизация, комплексность, глобальная связанность и т.п. Следует отметить, что термин “цифровизация” для социологической науки является относительно новым. Возникновение данного термина обычно связывают с работой американского ученого из Массачусетского университета Н. Негропonte, который в 1995 г. в работе “Жизнь в цифровом мире” сделал попытку описать то, что представляет собой новый цифровой мир⁴².

Как отмечают исследователи, в настоящее время термин “цифровизация” используется в узком и широком смысле. В узком смысле под цифровизацией понимается преобразование информации в цифровую форму. В широком смысле цифровизацию рассматривают как “современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни”⁴³.

Цифровое общество — это общество, инфраструктура которого функционирует посредством цифровых информационно-коммуникационных технологий, а базовой формой организации и социального взаимодействия являются сети. Цифровая экономика, цифровая политика, цифровые коммуникации, сетевая идентичность, виртуальные сообщества, киберпространство и виртуальная реальность, сетевая идентичность — далеко не полный перечень терминов, которые уже вошли в научный оборот современных социологов, занимающихся анализом цифрового общества.

⁴² *Negroponte N. Being digital. Kent, 1995.*

⁴³ *Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.*

При этом “цифровое” отнюдь не является лишь технической характеристикой. Понятие “цифровое” означает то, что жизнь современного человека, его социальные взаимодействия, культурные смыслы и значения, которыми они наполнены, определяются возможностями, предоставляемыми новейшими цифровыми технологиями. Так, Всемирная паутина, социальные медиа (сайты социальных сетей, блоги), мобильные приложения и онлайн-платформы являются не просто новейшими средствами коммуникации. Они становятся средой для социальных взаимодействий, а действия в киберпространстве органично связаны с тем, что происходит в реальном мире⁴⁴.

Наконец, достаточно важной является четвертая дискуссия — о методологии анализа общества, в которой, несмотря на наличие целого ряда сформировавшихся теоретических направлений, каждое из которых имеет собственный подход к интерпретации общества⁴⁵, последнее слово остается за структурным функционализмом (в том числе в лице его новейших ответвлений), а также системным подходом к обществу, получившим развитие на его основе.

Так, согласно ключевому теоретику структурного функционализма середины XX в. Т. Парсонсу, общество является особым, специфическим видом социальной системы. Оно “представляет собой социальную подсистему (общей системы социального действия — *Прим. Н.О.*), обладающую относительной самодостаточностью с точки зрения критериев равновесия между такими факторами, как территориально ориентированная политическая организация, доступ к экономическим ресурсам, восполнение и социализация населения и культурная легитимизация системы как независимого целого”⁴⁶.

В рамках этой дискуссии особого внимания заслуживает вопрос о том, как образуется общество, какие конкретные и в то же время уникальные элементы включает эта категория? В данной связи интересны рассуждения одного из коллег Т. Парсонса, американского исследователя Э. Шиллза.

В частности, Э. Шиллз, обосновывая макросоциологический подход к анализу общества в социологии, писал: «Говоря об американ-

⁴⁴ См. об этом, в частности: *Добринская Д.Е.* Киберпространство — территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 1. С. 52–70; *Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120; *Осипов Г.В.* Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016.

⁴⁵ См. об этом: *Осипова Н.Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М., 2018.

⁴⁶ *Парсонс Т.* Общий обзор // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 362.

ском обществе, об английском обществе, об арабских и африканских обществах, мы, конечно имеем в виду что-то совсем отличное от такой добровольной ассоциации, как кооперативное общество, или дискуссионное общество, или общество по охране памятников старины. Не имеем мы при этом в виду и “общества” богатых, красивых, влиятельных и элегантно одетых людей, <...> которых мы по сей день видим на страницах газет и журналов многих и многих стран мира»⁴⁷.

«Нет, мы подразумеваем нечто “более глубокое”, более постоянное, более укоренившееся в конститутивных свойствах человеческого бытия; мы подразумеваем нечто менее частное в своих целях, менее искусственное по своему происхождению, менее расчетливое в своих действиях, менее тривиальное, менее поверхностное. Но ведь такие качества, как глубина, последовательность, постоянство и серьезность, присущи семьям, общинам, деревням — всем тем способам организации жизни, которые социологи называют “первичными сообществами”. Однако эти последние могли бы быть признаны обществами только при наличии особых условий. Важнейшим из этих особых условий является самостоятельность: саморегулирование, самовоспроизводство, самозарождение»⁴⁸.

Что же, по мнению Э. Шиллза, входит в общества: “...наиболее дифференцированные из них состоят не только из семей и родственных групп, но также из ассоциаций, союзов, фирм и ферм, школ и университетов, армий, церквей и сект, партий и многочисленных других корпоративных органов и организаций, которые в свою очередь имеют границы, определяющие круг членов, над которыми соответствующие корпоративные власти — родители, управляющие, председатели и т.д. и т.п. — осуществляют известную меру контроля. Сюда входят также системы, формально и неформально организованные по территориальному принципу — общины, деревни, округа, города, районы, — причем все они тоже имеют некоторые черты общества. Далее сюда входят неорганизованные совокупности людей внутри общества — социальные классы и слои, занятия и профессии, религии, языковые группы, — которые обладают культурой, присущей в большей степени тем, кто имеет определенные статус или занимает определенное положение, чем остальным”⁴⁹.

По мнению Э. Шиллза, «полная самостоятельность не является абсолютно необходимым предварительным условием определения социальной системы как общества. Для того чтобы быть обществом,

⁴⁷ Шиллз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. С. 341.

⁴⁸ Там же. С. 341.

⁴⁹ Там же. С. 343.

социальная система должна обладать своим собственным “центром тяжести”, то есть она должна иметь свою собственную систему власти в рамках своих собственных границ. Кроме того, она должна иметь свою собственную культуру»⁵⁰.

Итак, согласно Э. Шиллзу, “общество — это не просто совокупность объединившихся людей, изначальных и культурных коллективов, взаимодействующих и обменивающихся услугами друг с другом. Все эти коллективы образуют общество в силу своего существования под общей властью, которая осуществляет свой контроль над территорией, обозначенной границами, поддерживает и насаждает более или менее *общую культуру*. Именно эти факторы превращают совокупность относительно специализированных изначальных корпоративных и культурных коллективов в общество”⁵¹.

Т. Парсонс определяет общество “как такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы”⁵². При этом “самодостаточность” общества имеет ряд проявлений. Так, самодостаточность в отношении среды означает стабильность взаимоотношения (с окружающими системами, прежде всего с физической средой) и способности контролировать взаимодействие в интересах своего функционирования. Два проявления самодостаточности общества относятся, соответственно, “к экономическому и политическому функционированию в отношениях с физическим окружением — через технологию и организованное использование силы при выполнении военных или полицейских функций”⁵³. Еще одно проявление самодостаточности “связано с личностными системами индивидуальных членов общества, находящихся в особого рода взаимопроникновении с его организмами”⁵⁴.

Т. Парсонс также разделял общество на четыре основные подсистемы: социетальное сообщество, воспроизводство образца, политику и экономику. Каждая из подсистем общества выполняет конкретную основную функцию и содержит структурные компоненты. Социетальное сообщество выполняет функцию интеграции общества как системы и содержит нормы, воспроизводство образца выполняет одноименную функцию и включает ценности, политика несет функциональную нагрузку целедостижения и включает кол-

⁵⁰ Шиллз Э. Указ. соч. С. 344–345.

⁵¹ Там же. С. 345.

⁵² Парсонс Т. Понятие общества // Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 20.

⁵³ Там же. С. 20.

⁵⁴ Парсонс Т. Указ. соч. С. 20.

лективы. Функцией экономики является адаптация, а структурных компонентов — роли⁵⁵.

Если опираться на современные представления, то в качестве специфической социальной системы общество обладает свойством самовоспроизводства, которое осуществляется посредством ряда необходимых дифференцированных общественных функций. Эти функции, с одной стороны, являются следствием механического разделения общественного труда, а с другой стороны, дополняя друг друга, взаимодействуя друг с другом, придают функционированию и развитию общества характер особого социального организма.

Дифференциация общественных функций сопровождается созданием различных безличностных структур (экономических, социальных, политических и других институтов, организаций), выступающих в качестве “вещных” носителей этих функций. Эти структуры заполняются людьми, обладающими определенными качествами (психологическими, профессиональными и др.), необходимыми для выполнения тех или иных функций (экономических, политических и др.). Люди, включенные в функционирование тех или иных общественных структур, осуществляют свои функции не изолированно, а взаимодействуя друг с другом. Определенным видам общественных структур соответствуют и определенные виды общественных отношений — экономические, политические, духовно-нравственные, правовые, идеологические и собственно социальные отношения.

Экономические отношения — это связи и отношения между субъектами экономики (производителями, потребителями, владельцами и пользователями благ), складывающиеся в процессе общественного производства, обмена и потребления экономических благ (например, продуктов и результатов труда, услуг, денег). Экономические отношения определяются отношением индивидов и групп к средствам производства, характером их труда, размером и способом получения доли общественного богатства.

Политические отношения возникают в результате взаимодействия социальных субъектов политического процесса (отдельных индивидов, групп, политических партий, этносов и т.п.) по поводу завоевания, осуществления и удержания политической власти. Они определяются положением индивидов и групп в системе власти, их функцией в системе государственного управления, формальным и неформальным авторитетом.

Духовно-нравственные отношения относятся к сфере сознания, определяются духовно-нравственными ценностями индивидов

⁵⁵ Парсонс Т. Подсистемы общества // Парсонс Т. Система современных обществ. С. 24.

и групп, их морально-этическими представлениями о способах и целях духовной деятельности в социуме, характере удовлетворения духовных потребностей людей. Социальные отношения — “относительно устойчивые и относительно самостоятельные связи между индивидами и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности, различающихся по социальным статусам и ролям в общественных структурах”⁵⁶. Эти отношения отражают положение индивида в обществе, а также определяют характер отношения индивидов к обществу, различным явлениям и процессам общественной жизни.

Совокупность всех видов отношений членов общества (экономических, политических, духовно-нравственных, социальных и т.п.) в современной социологии обозначается понятием “социетальные отношения”⁵⁷. Социетальные отношения образуют социальную реальность, оказывающую существенное влияние на содержание и формы социального поведения людей и окружающий мир в условиях конкретного общества.

Каждая из структур социетальной системы, будучи ее элементом, не только выполняет определенную функцию, но и придает этой системе в процессе ее отношений с другими ее структурами новое (системное) качество, несводимое к качествам ее элементов. В то же время социальная система постоянно воспроизводит социальное качество своих структур и соответственно социальные качества индивидов и групп индивидов, включенных в их функционирование, т.е. субъектов социальных отношений. Возникает тенденция адаптации к формам и способам функционирования социальной системы ее структурных и личностных элементов, что обеспечивает ее стабильность.

С конца XX в., по мере развития бурных глобализационных процессов, понятие “общество” было подвергнуто достаточно жесткой критике. Как отмечают Э. Гидденс и Ф. Саттон, «глобализация породила серьезную неудовлетворенность понятием “общество”, которое, как представляется, неспособно отразить динамику глобальных социальных изменений»⁵⁸. Более важными для формирования общественной жизни становятся действия на наднациональном уровне, и перед исследователями возникает задача поиска способов их теоретического осмысления⁵⁹. Поскольку понятие общества скорее препятствует, чем способствует осмыслению глобальных процессов,

⁵⁶ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. С. 273.

⁵⁷ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. С. 39–40.

⁵⁸ Гидденс Э., Саттон Ф. Указ. соч. С. 28.

⁵⁹ Там же. С. 31.

исследователями были осуществлены попытки выйти за “пределы обществ”. Одной, не совсем успешной, была попытка обосновать “мобильность” в качестве ключевой единицы социологического анализа, предпринятая британским исследователем Дж. Урри. Другой, более удачной, представляется попытка вернуться к новой трактовке категории “социальной реальности”, введенной в свое время Т. Парсонсом, которая в качестве единиц включает и конкретные общества, и мировое сообщество. И все же большинство социологов полагают, что понятие общества сохраняет свое фундаментальное значение для современной социологии. Так, У. Аутвейт утверждает, что общество есть коллективное представление, поэтому понятие о нем резонирует с восприятием людьми социальной реальности в той мере, в какой она проживается ими⁶⁰.

Согласно Р. Дарендорфу, “люди, как бы ни были они далеки во временном и пространственном отношении друг от друга, всегда и повсюду действуют, разговаривают и даже думают и чувствуют, вступая в известные, регулярные, более или менее надежные связи с другими людьми”⁶¹. Поэтому “они едва ли могли бы в какое бы то ни было время закрывать глаза на то, что есть такая вещь как общество”⁶².

“Непростой факт общества не только дан нам фактически повсюду (факт наличия порядков, правил, обычаев и структур — *Прим. Н.О.*), где мы находим людей: нам не по силам даже мыслить, абстрагируясь от общества”⁶³, — писал этот исследователь. С одной стороны, общество и облегчает нашу участь в силу собственной реальности и предоставляет нам возможности для самовыражения в жизни. С другой стороны, “общество — это не просто правила, наделяющие нашу жизнь надежным каркасом. Общество до такой степени вездесуще и в то же время столь упрямо, что мы постоянно с ним сталкиваемся и ссоримся; общество — это досадный факт”⁶⁴, который, как бы это ни казалось старомодным, остается важнейшей единицей социологического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.

Бжезинский Зг. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2010.

⁶⁰ Гидденс Э., Саттон Ф. Указ. соч. С. 33.

⁶¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М., 2002. С. 37.

⁶² Там же. С. 38.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 66.

- Гидденс Э. Социология. М., 1999.
- Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия социологии. М., 2018.
- Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
- Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М., 2002.
- Добринская Д.Е. Киберпространство — территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 1. С. 52–70.
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия. Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1996.
- Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. URL: http://liv.piramidin.com/politica/maltus_opyt/maltus_opyt.htm (дата обращения: 25.07.2019).
- Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.
- Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Предисл. и прил. В.К. Финна. М., 2011.
- Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010.
- Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016.
- Осипов Г.В., Налетова А.Д. Общество // Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.
- Осипова Е.В. Патриархи социологии. М., 2011.
- Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М., 2018.
- Осипова Н.Г. Методологическая саморефлексия западной социологии на рубеже столетий // Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М., 2018.
- Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
- Парсонс Т. Подсистемы общества // Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
- Парсонс Т. Понятие общества // Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
- Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
- Соколова Г.Н. Труд // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелкин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн., 2003.
- Сорокин П.А. Система социологии / Вступит. статья, сост. и комментарии В.В. Сапова. М., 2008.
- Спенсер Г. Синтетическая философия. К., 1997.
- Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Париж, 1930.
- Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10.
- Швырев В.С. Сциентизм // Электронная библиотека ИФ РАН // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru> (дата обращения: 25.07.2019).
- Шиллз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
- Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.

REFERENCES

- Baumann Z.* Intimations of postmodernity. L., 1992.
- Bell D.* Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming postindustrial society. Social forecasting experience]. M., 2004 (in Russian).
- Bzhezinskij Zg.* Vybor: mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo [Choice: world domination or global leadership]. M., 2010 (in Russian).
- Giddens Je.* Sociologija [Sociology]. M., 1999 (in Russian).
- Giddens Je., Satton F.* Osnovnye ponjatija sociologii [Basic concepts of sociology]. M., 2018 (in Russian).
- Gjelbrejt Dzh.* Novoe industrial'noe obshchestvo [The new industrial society]. M., 1969 (in Russian).
- Darendorf R.* Tropy iz utopii. Raboty po teorii i istorii sociologii [Paths from Utopia. Works on the theory and history of sociology]. M., 2002 (in Russian).
- Dobrinskaja D.E.* Kiberprostranstvo — territorija sovremennoj zhizni [Cyberspace — the territory of modern life] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2018. N 1. S. 52–70 (in Russian).
- Dobrinskaja D.E., Martynenko T.S.* Perspektivy rossijskogo informacionnogo obshchestva: urovni cifrovogo razryva [Prospects for the Russian information society: levels of the digital divide] // Vestnik RUDN. Serija: Sociologija. 2019. T. 19. N 1. S. 108–120 (in Russian).
- Djurkgejm Je.* Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. M., 1996 (in Russian).
- Frank S.L.* Duhovnye osnovy obshchestva. Vvedenie a social'nuju filosofiju [Spiritual foundations of society. Introduction to Social Philosophy]. Parizh, 1930 (in Russian).
- Halin V.G., Chernova G.V.* Cifrovizacija i ee vlijanie na rossijskuju jekonomiku i obshchestvo: preimushhestva, vyzovy, ugrozy i riski [Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2018. N 10 (in Russian).
- Mal'tus T.* Opyt zakona o narodonaselenii [Experience of the Law on Population]. URL: http://liv.piramidin.com/politica/maltus_opyt/maltus_opyt.htm (data obrashhenija: 25.07.2019) (in Russian).
- Mechnikov L.I.* Civilizacija i velikie istoricheskie reki [Civilization and great historical rivers]. M., 1995 (in Russian).
- Mill' Dzh.St.* Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoj: izlozhenie principov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya [The system of syllogistic and inductive logic: a statement of the principles of proof in connection with the methods of scientific research] / Predisl. i pril. V.K. Finna. M., 2011. Gl. XVII. § 1 (in Russian).
- Negroponte N.* Being digital. Kent, 1995.
- Osipov G.V.* Vvedenie v sociologicheskiju nauku [Introduction to sociological science]. M., 2010. S. 273 (in Russian).
- Osipov G.V., Naletova A.D.* Obshchestvo [Society] // Rossijskaja sociologicheskaja jenciklopedija. M., 1998 (in Russian).
- Osipov G.V.* Sociologicheskaja nauka v uslovijah stanovlenija cifrovoj civilizacii [Sociological science in the formation of a digital civilization]. SPb., 2016 (in Russian).
- Osipova E. V.* Patriarhi sociologii [Patriarchs of Sociology]. M., 2011 (in Russian).
- Osipova N.G.* Zapadnaja sociologija v XX stoletii: ključevye figury, napravlenija i shkoly [Western sociology in the twentieth century: key figures, trends and schools]. M., 2018 (in Russian).

Osipova N.G. Metodologičeskaja samorefleksija zapadnoj sociologii na rubezhe stoletij [Methodological self-reflection of Western sociology at the turn of the century] // *Osipova N.G.* Zapadnaja sociologija v XX stoletii: ključevye figury, napravlenija i shkoly. M., 2018 (in Russian).

Parsons T. Obshhij obzor [General overview] // *Amerikanskaja sociologija. Perspektivy, problemy, metody.* M., 1972 (in Russian).

Parsons T. Podsystemy obshhestva [Subsystems of society] // *Parsons T.* Sistema sovremennyh obshhestv. M., 1998 (in Russian).

Parsons T. Ponjatie obshhestva [The concept of society] // *Parsons T.* Sistema sovremennyh obshhestv. M., 1998 (in Russian).

Poljakova N.L. XX vek v sociologičeskikh teorijah obshhestva [XX century in sociological theories of society]. M., 2004 (in Russian).

Shillz Je. Obshhestvo i obshhestva: makrosociologičeskij podhod [Society and society: macrosociological approach] // *Amerikanskaja sociologija. Perspektivy, problemy, metody.* M., 1972 (in Russian).

Shtompka P. Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva [Sociology]. M., 2005 (in Russian).

Shvyrev V.S. Scientizm [Scientism] // *Jelektronnaja biblioteka IF RAN. Novaja filosofskaja jenciklopedija.* URL: <https://iphlib.ru> (data obrashhenija: 25.07.2019) (in Russian).

Smart B. Modernity, postmodernity and the present // *Theories of Modernity and Postmodernity* / Ed. by B. Turner. L., 1990.

Sokolova G.N. Trud [Labor] // *Sociologija: Jenciklopedija* / Sost. A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshhenko. Mn., 2003 (in Russian).

Sorokin P.A. Sistema sociologii [Sociology System] / Vstupit. stat'ja, sost. i komentarii V.V. Sapova. M., 2008 (in Russian).

Spenser G. Sintetičeskaja filosofija [Synthetic philosophy]. K., 1997 (in Russian).

Strauss L., Cropsly J. History of political philosophy. Chicago, 2012.

Strinati D. Postmodernism and popular culture // *Sociology Review.* 1992. Apr.

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-35-48

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: НА ПРИМЕРЕ БРАЗИЛИИ

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

А.В. Лядова, канд. ист. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье рассматриваются особенности становления социологии Бразилии. Авторы указывают на то, что в системе современного социологического знания исследования латиноамериканских социологов, в частности бразильских, представлены не столь широко. Тем не менее, они представляют интерес, поскольку предлагают глубокий социологический срез актуальных проблем латиноамериканского общества. Среди ключевых тем в работах бразильских социологов на этапе формирования и развития социологической науки авторы отмечают проблемы национальных отношений и поиска идентичности, социальных преобразований и социального неравенства. По мнению авторов, отличительной чертой социологии Латинской Америки, в том числе, Бразилии, является ее особая роль в становлении и развитии общества. В статье анализируется творчество таких бразильских социальных мыслителей, как Жильберту де Мелу Фрейре, Сержиу Буарке де Холанда, Фернанду де Азеведу, Флористан Фернандес. Рассматривая основные этапы развития социологии Латинской Америки, авторы отмечают, что первые этапы ее институционализации нашли отражение не только в работах «социальных мыслителей», но и в тех реформаторских проектах, которые были осуществлены в странах этого региона. По мнению авторов, работы Жильберту де Мелу Фрейре, Фернанду де Азеведу по праву могут считаться не только важной составной частью интеллектуального богатства бразильского общества, но и основой социологической науки всей Латинской Америки. Исследование наследия выдающихся бразильских социологов чрезвычайно важно для понимания многих социальных проблем и современной Бразилии, что делает изучение их творчества актуальным и сегодня.

Ключевые слова: социология Латинской Америки, социологии в Бразилии, Жильберту де Мелу Фрейре, Сержиу Буарке де Холанда, Фернанду де Азеведу, Флористан Фернандес.

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

** Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

FEATURES OF SOCIOLOGY'S FORMATION IN LATIN AMERICA: THE CASE OF BRAZIL

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

Liadova Anna V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

The article discusses the features of sociology's formation in Brazil. The authors say that in the system of modern sociological knowledge, studies of Latin American sociologists, and in particular, Brazilian ones, are not so widely represented. Nevertheless, they are a part of sociological knowledge which can help to understand the urgent social problems in Latin America. Authors note that the main themes of the early Brazilian sociology are the problems of national relations and the search for identity in postcolonial country, social changes and social inequality. According to the authors, a distinctive feature of the sociology in Latin America, including Brazil, is its special role in the formation and development of society. The article analyzes the work of Brazilian social thinkers such as Gilberto de Melu Freire, Sergio Bouarque de Holland, Fernando de Azevedo, Floristan Fernandez. The authors consider the main stages of sociology's development in Latin America and note that the first steps of this process were reflected not only in the works of "social thinkers", but also in some reform projects that were carried out in the countries of this region. According to the authors, the work of Brazilian sociologists such as Gilberto de Melu Freire, Fernando de Azevedo can rightfully be considered not only as the basis for the development of sociology in Latin America, but also as an important element of Brazilian society. The study of the heritage of outstanding Brazilian sociologists is extremely important for understanding social problems of the country in the modern era, which makes the study of their work relevant today.

Key words: sociology in Latin America, Brazilian sociology, Gilberto de Melu Freire, Sergio Bouarque de Holland, Fernando de Azevedo, Floristan Fernandez.

Становление социологической науки в странах Латинской Америки происходит лишь в начале XX в., в более поздний по сравнению с Западной Европой период. Однако было бы несправедливым считать, что происходящие в латиноамериканских обществах изменения не привлекали внимания исследователей до этого времени. По мнению доктора социологии, президента Латиноамериканской социологической ассоциации Жозе Висенте Таварес-дос-Сантоса (*José Vicente Tavares-dos-Santos*), в становлении социологии Латинской Америки можно выделить следующие периоды:

- 1) XIX в. и начало XX столетия — время социальных мыслителей, в работах которых впервые предпринимаются попытки объяснить особенности социального, политического, культурного развития, выявить закономерности, апеллируя как к своим наблюдениям, так и трудам европейских социологов;

- 2) начало XX в. — середина XX столетия — период становления социологического образования, зародившегося в школах философии, права и экономики в Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресе и др.;
- 3) 1950–1973 гг. — время институционализации социологии и оформления ее академических школ, образования научных сообществ и разработки основных направлений исследований;
- 4) 1973–1983 гг. — период диверсификации накопленного социологического знания, что нашло отражение в оформлении национальных центров социологических исследований;
- 5) 1983–2000 гг. — время “кризиса”, когда возникает потребность переосмысления достигнутого и разработки новых подходов к пониманию настоящего и прогнозирования будущего;
- 6) с 2000 г. — этап “глобализации” латиноамериканской социологии, в развитии которой начала доминировать тенденция к объединению усилий социологов не только из разных школ, но и из разных стран для поиска ответов на общие социальные вызовы, хотя, в первую очередь, внимание уделяется тем, с которыми за последние годы все чаще сталкиваются общества Латинской Америки¹.

Несмотря на особенности развития каждого из этапов истории социологической мысли Латинской Америки, можно выделить объединяющую все их черту, характеризующую специфику латиноамериканской социологии. Как отмечает профессор социологии Федерального университета Рио-де-Жанейро С. Скалон², формирование социологии в Латинской Америке всегда было очень тесно связано с происходящими социально-политическими процессами. Поэтому в странах Латинской Америки, отмеченных печатью рабства и колонизации, следствием которых стало социальное неравенство, социология нашла благодатную почву, обретя свой особый облик, отраженный в трудах национальных мыслителей.

Анализ работ латиноамериканских социологов поражает не только глубиной социологической рефлексии, но и широтой их исследовательского поля, в котором находит отражение уникальность национальной истории и культуры, происходящие социально-по-

¹ *Tavares-dos-Santos J.V., Baumgarten M.* La Asociación Latinoamericana de Sociología: una historia de sus primeros congresos // *Sociologías*. Porto Alegre. 2005. Vol. 1. N 14. P. 178–243.

² *Scalon C.* Beyond center-periphery dichotomy: sociology in the global era // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. N 5. P. 44–52. DOI:10.14515/monitoring.2018.5.06.

литические трансформации, вызванные борьбой за независимость, демократию, равноправие, сохранение культурной самобытности³. Опираясь на европейский опыт, национальные мыслители, тем не менее, выдвигают свои идеи и подходы, которые становятся важной основой для социальных преобразований.

Можно выделить несколько ключевых направлений в развитии их исследований, причем, каждое из них связано с определенным этапом развития социологической мысли и, безусловно, вскрывает насущные проблемы общественного развития в рамках определенного хронологического отрезка. Особенно наглядно эта связь прослеживается на примере работ бразильских исследователей.

Первая веха в истории социологии Латинской Америки — время “социальных мыслителей” — приходится на период активной борьбы за независимость стран Латинской Америки. Бразилия, приобретшая независимость от метрополии еще в 1822 г., несмотря на последовавшую спустя 66 лет после этого отмену рабства и провозглашение республики на протяжении всей первой половины XX в. оставалась “заложницей” политических амбиций все тех же владельцев кофейных и сахарных плантаций, что заставляет ряд исследователей описывать ситуацию того времени как “политику кофе с молоком”⁴. Опираясь на военные силы, они стремились, в первую очередь, к преумножению своих капиталов. Следствием этого стали обнищание и рост недовольства значительной части населения страны, выливавшееся в многочисленные восстания и мятежи. Необходимо отметить, что углубление социального неравенства как между отдельными социальными группами, так и регионами страны, обостряло вопрос о дальнейшем пути развития Бразилии. Многие из проблем того времени нашли свое отражение в трудах интеллектуалов, заложивших основы институционализации социологии в Бразилии.

Естественно, периодизация социологии Латинской Америки, предложенная Ж.В. Таварес-дос-Сантосом, не является универсальной для всех стран региона, история каждой из которых имеет свои особенности. В частности, бразильские исследователи Веридиана Домингос Кордейру (*Veridiana Domingos Cordeiro*) и Хуго Нери (*Hugo Neri*) выделяют шесть этапов развития социологии в своей стране⁵.

³ Grossi Porto M.S., Dwyer T. Development, dictatorship and re-democratization — trajectories of Brazilian sociology // The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions / Ed. by S. Patel. L., 2010.

⁴ Ex.: Ribeiro Viscardi C.M. O teatro das oligarquias: uma revisão da política do café com leite. Belo Horizonte, 2012. P. 23–326.

⁵ Domingos Cordeiro V., Neri H. Sociology in Brazil: a brief institutional and intellectual history. Basingstoke, 2019. P. 7–92.

Они предлагают те временные границы основных этапов развития социологии в Бразилии, которые учитывают особенности именно ее истории:

1. До 1930-х гг., когда в центре внимания исследователей находится изучение формирования национального государства в Бразилии и особенностей бразильского общества. Это своего рода социологическое воображение в доинституционализированном контексте, поскольку речь пока идет еще не столько о социологии, сколько о социальной мысли. Под влиянием позитивизма и социал-дарвинизма целый ряд бразильских исследователей приступает к изучению социальных проблем, связанных с колониальным прошлым, отменой рабства, урбанизацией, идентичностью и расовым смешением. Бразильскими интеллектуалами создается традиция эссеистики, объединившей литературу, историю и социологию. Наиболее яркими фигурами того времени являются Сильвиу Ромеру (*Silvio Romero*, 1851–1914), Эуклидес да Кунья (*Euclides da Cunha*, 1866–1909), Нина Родригес (*Nina Rodrigues*, 1862–1906), Франсиску Жозе де Оливейра Виана (*Francisco José de Oliveira Viana*, 1883–1951).

2. 1930–1940-е гг. — институционализация социологии, которая сопровождается созданием академической и научной среды, стремительным распространением социологических идей. Социология, став частью системы высшего образования в конце 1920-х гг., стремится определить свое предметное поле и основные направления исследований. Именно с 1930-х гг. начинается ее официальная история, тесно связанная с социальными, политическими и экономическими переменами в стране. Эссеистика продолжает оставаться традицией бразильской социологии и на данном этапе, особенно ярко проявляясь в трудах Жильберту де Мелу Фрейре (*Gilberto de Mello Freyre*, 1900–1987) и Сержиу Буарке де Холанда (*Sérgio Buarque de Holanda*, 1902–1982).

3. 1950–1960-е гг. — социология в золотую эру консолидации. Данный период является чрезвычайно продуктивным для бразильской социологии по той причине, что в это время первое поколение исследователей, прошедших курс обучения бразильским общественным наукам, занимает академические должности и начинает реализацию своих собственных проектов. В центре внимания бразильских социологов оказываются такие темы, как национальная идентичность, расовый вопрос и экономическое развитие. Один из самых ярких представителей этого поколения — Флорестан Фернандес (*Florestan Fernandes*, 1920–1995) — не только укрепляет позиции социологии в Бразилии, но и старается обосновать ее основные принципы: неприемлемость прежней традиции эссеистики, а также

использования социологических исследований в политических целях. Политизацию социологии предлагал другой видный социолог того времени — Геррейру Рамос (*Guerreiro Ramos*, 1915–1982). В этот период довольно заметной становится и Мария Изаура Перейра де Кейроз (*Maria Isaura Pereira de Queiroz*, 1918–2018), внесшая значительный вклад в развитие сельской социологии в Бразилии.

4. 1964–1985-е гг. — время диктатуры, сложное для общественных наук и рискованное для их представителей. Многие социологи, как и представители других общественных наук, после установления диктатуры подверглись репрессиям, были вынуждены покинуть систему высшего образования, а также лишись финансовой поддержки государства на проведение своих исследований. Некоторые из них справились с ситуацией, найдя новые источники финансирования, в частности, зарубежные фонды, предложившие создание независимых исследовательских институтов и систему индивидуальных грантов. Тем не менее, ряд социологов были изгнаны из Бразилии и продолжили свои исследования проблем Латинской Америки за пределами страны.

5. 1985–2000-е гг. — восстановление социологии в условиях новой демократии. В середине 1980-х гг. социология вновь заняла достойное место в общественной жизни страны, в частности, помогая пересматривать образовательные программы, которые стали некритичными и консервативными за время диктатуры. Неудивительно, что одним из направлений научных исследований в социологии становится изучение авторитаризма, оказавшего значительное влияние как на науку, так и на общество в целом.

В эти годы происходит значительное расширение предметной области бразильской социологии, которая стремится наверстать время, упущенное в период диктатуры. Изучение процессов демократизации страны провоцирует исследование социальных движений, которые способствовали этим политическим и историческим изменениям. Среди социологов также растет интерес к городским движениям и движениям “меньшинств” (экологическим, феминистским, движениям ЛГБТ и т.п.), которые начинают активно отстаивать свои права в бразильском обществе. В 1990-е гг. также значительно выросло число исследований религии, культуры, образования, тела, гендера и сексуальности, которые прежде не были столь широко представлены в бразильской науке.

В 1995–2003 гг. президентом Бразилии был Фернанду Энрики Кардозу (*Fernando Henrique Cardoso*), социолог по образованию и ученик Ф. Фернандеса, смело сочетавший веберизм с функционализмом. Однако его образование не помешало ему наложить вето

на проект закона об обязательном включении социологии во все программы высшего образования в 2001 г., что еще раз свидетельствует о том, что путь социологии в Бразилии никогда не был легким, даже в период, когда ее представитель возглавлял страну.

6. 2010-е гг. — современное состояние социологии, которое характеризуется выходом науки на новый уровень. Это плодотворное десятилетие для развития социальных и гуманитарных наук, которые получили дополнительное финансирование после инвестиций в высшее образование, начавшихся в 2003 г., благодаря чему были расширены федеральные университеты и принята программа “Наука без границ”. Наиболее популярными направлениями в современной бразильской социологии являются социология знаний, социология сельского хозяйства, социология развития, городская социология, теория и история социологии, социология здоровья, социология труда, политическая социология, социология культуры, социология образования, социология религии, а также исследования насилия, инвайронментальные исследования, гендерные исследования, изучение расовых отношений и исследования социальных движений⁶.

Очевидно, что в рассмотренной выше периодизации, предложенной бразильскими социологами В. Домингос Кордейру и Х. Нери, нашли свое отражение политические события, имевшие место в истории их страны, где социология менялась параллельно изменениям в обществе. Необходимо отметить, что на бразильскую социологию серьезное влияние оказали труды европейских и американских коллег, но невозможно не заметить и наличие целого ряда самобытных работ, опирающихся как на эмпирические, так и теоретические исследования.

Внутри бразильского социологического сообщества довольно распространенным является тезис, согласно которому ключевым для становления социологии в Бразилии стало время с конца XIX в. до середины XX столетия⁷. Бразильская социальная мысль и социология того времени позволяют понять специфику науки в данной стране, где у социологии были как периоды взлета, так и довольно сложные времена.

В центре внимания данной статьи находятся Жильберту де Мелу Фрейре, Сержиу Буарке де Холанда, Фернанду де Азеведу и Флорестан Фернандес — общепризнанные пионеры бразильской социологии, которые, к сожалению, пока не слишком хорошо знакомы российскому читателю.

⁶ Domingos Cordeiro V., Neri H. Op. cit. P. 7–92.

⁷ Ibid. P. 2.

Ярким примером попытки проанализировать аутентичные социальные реалии бразильского общества служат работы Жильберту де Мелу Фрейре (*Gilberto de Mello Freyre*, 1900–1987), которого по праву считают “виднейшим бразильским социологом”⁸. Одна из главных тем его произведений — поиск национальной идентичности в постколониальном обществе.

В своем оригинальном социологическом исследовании “Усадьбы и бараки” (“*Casa-Grande e Senzala*”)⁹, опубликованном в 1933 г., он рисует подробную картину социальной жизни страны, рассматривая особенности ее быта, нравов и социальных отношений¹⁰. Необходимо отметить, что выделяя характерные черты бразильского общества, Ж. Фрейре рассматривает наследие португальских колонизаторов как важную его часть, которую нельзя игнорировать. Тем самым, он развивает идеи мультикультурализма, подчеркивая все преимущества, которые дает смешение культур, и указывает на особенности формирования на их основе национальной идентичности в постколониальной стране. Размышляя о неоднородности Бразилии, социолог высказывается против одностороннего подхода к анализу колониального прошлого и ставшего его результатом настоящего. Он настаивает на том, что необходимо не столько стремиться выявить различия между культурами, сколько найти между ними сходство, которое, по мнению Ж. Фрейре, и должно быть фундаментом для построения будущего общества¹¹. Тем самым он демонстрирует, что отрицание колониального наследия не является конструктивным. Бразилии, наоборот, следует принять свое прошлое и максимально использовать те возможности, которое оно дает, для построения будущего.

Если на раннем этапе развития социологии в Бразилии ключевым становится поиск национальной идентичности как основы построения нового общества, то позднее на первый план выходят такие вопросы, как социальное неравенство и социальные аспекты

⁸ Осипова Н.Г. Социология в странах Азии, Африки и Латинской Америки: ключевые фигуры (Окончание) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 24–42; Oliveira A. Thirty years later: the actuality of Gilberto Freyre to think Brazil // Revista del CESLA. International Latin American Studies Review. 2017. N 20. P. 341–352.

⁹ Традиционно название работы переводится как “Господа и рабы”, поскольку именно таким образом оно было переведено на английский язык. Однако более точный перевод — “Усадьбы и бараки”: *Casa-Grande* обозначает господский дом, а *Senzala* — жилище рабов.

¹⁰ Freyre G. The masters and the slaves: a study in the development of Brazilian civilization. Oakland, 2011.

¹¹ Braudel F. A travers un continent d’histoire: le Brésil et l’œuvre de Gilberto Freyre // Mélanges d’histoire sociale. 1943. Vol. 4. P. 3–20. DOI:10.3406/ahess.1943.3085.

урбанизации. Следует отметить, что по этим темам уже был накоплен солидный материал на предыдущем этапе. В частности, необходимо указать на вклад в данное направление исследований еще одного основоположника бразильской социологии Сержиу Буарке де Холанда (*Sérgio Buarque de Holanda*, 1902–1982). Среди его произведений наибольшую известность получила изданная в 1936 г. работа “Корни Бразилии” (*“Raízes do Brasil”*)¹². По мнению ее автора, Бразилия как страна, сложившаяся в ходе европейской колонизации, не должна следовать “слепому” подражанию привнесенных моделей общества и государства, предлагаемых европейскими философами и социологами. Бразилии необходим поиск своего собственного пути развития, эффективность которого С.Б. де Холанда связывает с преодолением социального и политического неравенства. Для сокращения социального неравенства и построения общества равных возможностей он предлагает воспользоваться преимуществами урбанизации, с помощью которой можно преодолеть эксклюзию, а как следствие, и ограничения в отношении сельского населения¹³. Переселение значительного числа людей в города, с точки зрения С.Б. де Холанда, поможет сгладить социальное неравенство, ставшее следствием труднодоступности отдельных районов страны. Тем самым, природно-климатическое разнообразие Бразилии рассматривается им как одна из причин неравенства, которая может быть если не устранена, то хотя бы минимизирована на основе социологических исследований.

Тема социального неравенства находит свое отражение и в работах Фернанду де Азеведу (*Fernando de Azevedo*, 1894–1974), с именем которого связывают становление социологического образования в Бразилии. Следует отметить, что первое учебное заведение, где преподавали социологию и готовили экспертов в области публичного менеджмента, было открыто в Бразилии в 1933 г. в Сан-Паулу¹⁴. Его название — “Свободная школа социологии и политики” (*ELSP — Escola Livre de Sociologia e Política*) — отражало стремление к формированию самостоятельного подхода к изучению социальных процессов. По мнению Ф. Азеведу, именно через просвещение лежит путь к преодолению социального неравенства, характерного для бразильского общества. Кроме того, для достижения республиканских идеалов Бразилии важна и подготовка соответствующих государственных менеджеров, обладающих необходимыми знаниями и умениями социального “модельера” (администратора). Эти идеи нашли отра-

¹² *Holanda S.B. Roots of Brazil. Notre Dame, 2012. P. IX–XIX.*

¹³ *Costa S. O Brasil de Sérgio Buarque de Holanda // Sociedade e Estado. 2014. Vol. 29. N 3. P. 823–839. DOI:10.1590/S0102-69922014000300008*

¹⁴ *Grossi Porto M.S., Dwyer T. Op. cit. P. 201.*

жение в так называемом “Манифесте пионеров нового образования” (*“Manifesto dos Pioneiros da Educação Nova”*, 1932)¹⁵.

Чтобы оценить все новаторство этой концепции, следует вспомнить, что несмотря на провозглашенные после установления в 1889 г. республики, предполагавшей всеобщую свободу и равенство, Бразилия довольно долго оставалась страной глубоко неравных возможностей. Причина этого коренилась в существовавшей социальной иерархии, основы которой поддерживались, в том числе, и сложившейся системой образования. Возможность получить образование была привилегией немногочисленного правящего класса, что способствовало формированию интеллектуальной элиты, из которой уже рекрутировалась элита политическая, так как наличие образования рассматривалось как обязательное условие поступления на государственную службу.

Соответственно, Ф. Азеведу считал, что введение общедоступного образования должно стать первым и важным шагом по преодолению социального неравенства¹⁶. “Социализация образования” — вот к чему, по его словам, необходимо стремиться в первую очередь: «Новое образование приобретает новую цель, выходящую за пределы классовых ограничений, оно приобретает более гуманный характер и выполняет свою истинную социальную функцию, направленную на формирование на основе демократических принципов “иерархии способностей”, включающей все социальные группы, что открывает равные образовательные возможности. Оно имеет своей целью заложить основу для того, чтобы “направлять естественное и целостное развитие человека на каждом этапе его жизненного пути”, в соответствии с его мировоззрением»¹⁷. Активная деятельность Ф. де Азеведу и его последователей по развитию образования и преподаванию социальных наук послужила основой последующей институционализации социологии в середине XX в., а также предопределила многие направления исследований.

Окончательное оформление академической социологии происходит в университетах Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и других штатов и фиксируется образованием Латиноамериканской социологической ассоциации (ALAS) в 1950 г. во время проведения конгресса Международной социологической ассоциации в Цюрихе. Уже год спустя

¹⁵ O Manifesto Dos Pioneiros Da Educação Nova (1932) // Revista HISTEDBR Online. 2006. Numero especial. P. 188–204. URL: http://www.histedbr.fe.unicamp.br/revista/edicoes/22e/doc1_22e.pdf (accessed: 15.12.2019).

¹⁶ Azevedo F. et al. A reconstrução educacional no Brasil: ao povo e ao governo — Manifesto dos Pioneiros da Educação Nova (1932). São Paulo, 1932.

¹⁷ O Manifesto Dos Pioneiros Da Educação Nova (1932). P. 191.

в Буэнос-Айресе была проведена первая самостоятельная встреча социальных мыслителей Латинской Америки. Как отмечает Мария Стелла Гросси Порту (*Maria Stela Grossi Porto*), профессор социологии Бразильского университета, конгрессы Латиноамериканской социологической ассоциации стали настоящей дискуссионной площадкой для бразильских социологов¹⁸. Более того, в это же время было образовано и Бразильское социологическое общество¹⁹.

Ключевой фигурой этого периода становится Флористан Фернандес (*Florestan Fernandes*, 1920–1995). Его роль в развитии социальных наук Бразилии стоит отметить особо, так как она уникальна: выходец из бедной семьи, он смог на своем личном примере продемонстрировать значение образования и знания в становлении нового общества. По мнению исследователей, его деятельность предопределила векторы развития бразильской социологии на целые десятилетия²⁰. Как указывает Октавио Янни (*Octávio Ianni*), профессор социологии Университета Сан-Паулу, социология Ф. Фернандеса не только открыла новые горизонты для теоретического осмысления и интерпретации социальной реальности, но позволила критически переоценить уже накопленные знания²¹.

Предложенная в работах Ф. Фернандеса интерпретация социального развития Бразилии позволяет по-новому взглянуть на историю бразильского народа. Он представляет собой результат смешения коренного населения, потомков португальских завоевателей, оказавшихся здесь вследствие рабства африканцев, европейских, арабских и азиатских иммигрантов, приехавших на американский континент в поисках лучшей жизни²². Таким образом, история Бразилии — это переплетение колониализма и рабства, урбанизации и индустриализации, восстаний и социальной борьбы.

Поэтому значительное число работ бразильского социолога посвящено исследованию причин и последствий социальных преобразований, а также их особенностей в Бразилии²³. Рассматривая развитие бразильского общества, Ф. Фернандес опирается на теорию модернизации, в рамках которой анализируется процесс перехода от

¹⁸ *Grossi Porto M.S., Dwyer T. Op. cit. P. 203.*

¹⁹ *Ibid. P. 202.*

²⁰ *Nascimento Arruda M.A. A sociologia de Florestan Fernandes // Tempo Social. 2010. Vol. 22. N 1. P. 9–27. DOI:10.1590/S0103-20702010000100001*

²¹ *Ianni O. A sociologia de Florestan Fernandes // Revista USP. 1996. N 29. P. 21. DOI:10.11606/issn.2316-9036.v0i29p26-33*

²² *Ibid. P. 23–25.*

²³ *Fernandes F. Fundamentos empíricos da explicação sociológica. São Paulo, 1967; Idem. A revolução burguesa no Brasil (ensaios de interpretação sociológica). Rio De Janeiro, 1975; Idem. A sociologia numa era de revolução social. São Paulo, 1976.*

традиционного общества к индустриальному. Однако в отличие от своих предшественников, Ф. Фернандес гораздо более критически оценивает возможности и последствия этих трансформаций, что дает основание считать его основоположником критической школы бразильской социологии²⁴. Отмечая незавершенность процесса модернизации, бразильский социолог предлагает новое прочтение проблемы социального неравенства в Бразилии во второй половине XX в. В данном контексте особый интерес представляет его видение урбанизации, сопровождающей переход от традиционного общества к индустриальному.

По мнению Ф. Фернандеса, стремительное увеличение городского населения в Бразилии привело к социальной дезинтеграции и сегрегации отдельных социальных групп населения. Действительно, урбанизация в Бразилии имела существенные отличия от аналогичных процессов в других странах Латинской Америки. Во-первых, необходимо указать на то, что скорость урбанизации была высокой: уже к 1950 г. более трети населения страны превратилось в городских жителей, что было обусловлено ростом экономики и промышленного развития²⁵. Во-вторых, население концентрировалось в крупных городах страны, которых в середине XX в. было не так много, что привело к формированию несбалансированной урбанистической системы.

Особо стоит отметить Сан-Паулу — город, заметно выделявшийся по темпам своего роста. Сан-Паулу был первым по-настоящему буржуазным городским центром Бразилии, в котором господствовал меркантильный дух экономического либерализма, что делало его особенно привлекательным и превращало в центр притяжения как внутренних, так и внешних мигрантов. Однако по мнению Ф. Фернандеса, бывшим работникам плантаций и сельским жителям Бразилии он демонстрировал далеко не самые привлекательные свои стороны: для жизни в городах у них не было ресурсов, квалификации и “психологической гибкости”²⁶. Воспитанные в патриархальных традициях, они оказались не конкурентоспособными по сравнению с европейскими иммигрантами. Результатом этого стали “структурная дезадаптация” и “социальная дезорганизация”, маргинализация этих групп населения, что впоследствии послужило основой их активной включенности в криминальные структуры²⁷. Данные на-

²⁴ Ianni O. Op. cit. P. 25.

²⁵ Martine G., McGranahan G. Brazil's early urban transition: what can it teach urbanizing countries? Working paper. L.; N.Y., 2010. P. 5.

²⁶ Fernandes F. A Integração do negro na sociedade de classes. São Paulo, 1978.

²⁷ Nascimento Arruda M.A. The contemporary relevance of Florestan Fernandes // Sociologia & Antropologia. 2018. Vol. 8. N 1. P. 47–68. DOI:10.1590/2238-38752016v8i2

блюдения бразильского социолога легли в основу социологических исследований города в 1970-х гг., одним из главных объектов которых стало изучение проблемы социального неравенства и эксклюзии в урбанистическом пространстве.

Подводя итоги, можно отметить, что в первые десятилетия социология в Бразилии существовала как всеобъемлющая дисциплина, которая пыталась описать и объяснить широкий круг социальных проблем. Целью бразильской социологии было, прежде всего, понимание социальной реальности Бразилии с ее специфическими проблемами. Развитие социологии в стране было обусловлено не столько появлением новых теоретических и методологических подходов, сколько социальными, культурными и политическими проблемами бразильского общества, которые определили и основные этапы науки.

Таким образом, становление бразильской социологии было тесно связано с происходившими в обществе социальными изменениями, что создало благоприятную почву для социологической рефлексии. Новая наука, институционализация которой приходится на середину XX в., превратилась в действенный инструмент построения нового бразильского общества, что обусловило оригинальный путь ее развития, в процессе которого происходило теоретическое осмысление социальной реальности, в первую очередь, через исследования проблем национальной идентичности, социального неравенства и социальных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Осинова Н.Г. Социология в странах Азии, Африки и Латинской Америки: ключевые фигуры (Окончание) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1.

REFERENCES

Azevedo F. et al. A reconstrução educacional no Brasil: ao povo e ao governo — Manifesto dos Pioneiros da Educação Nova (1932). São Paulo, 1932.

Braudel F. A travers un continent d'histoire: Le Brésil et l'œuvre de Gilberto Freyre // Mélanges d'histoire sociale. 1943. Vol. 4. P. 3–20. DOI:10.3406/ahess.1943.3085.

Costa S. O Brasil de Sérgio Buarque de Holanda // Sociedade e Estado. 2014. Vol. 29. N 3. P. 823–839. DOI:10.1590/S0102-69922014000300008

Domingos Cordeiro V., Neri H. Sociology in Brazil: a brief institutional and intellectual history. Basingstoke, 2019.

Fernandes F. A Integração do negro na sociedade de classes. São Paulo, 1978.

Fernandes F. A revolução burguesa no Brasil (ensaios de interpretação sociológica). Rio De Janeiro, 1975.

Fernandes F. A sociologia numa era de revolução social. São Paulo, 1976.

Fernandes F. Fundamentos empíricos da explicação sociológica. São Paulo, 1967.

Freyre G. The masters and the slaves: a study in the development of Brazilian civilization. Oakland, 2011.

Grossi Porto M.S., Dwyer T. Development, dictatorship and re-democratization — trajectories of Brazilian sociology // The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions / Ed. by S. Patel. L., 2010.

Holanda S.B. Roots of Brazil. Notre Dame, 2012.

Ianni O. A sociologia de Florestan Fernandes // Revista USP. 1996. N 29. P. 21. DOI:10.11606/issn.2316-9036.v0i29p26-33

Martine G., McGranahan G. Brazil's early urban transition: what can it teach urbanizing countries? Working paper. L.; N.Y., 2010.

Nascimento Arruda M.A. A sociologia de Florestan Fernandes // Tempo Social. 2010. Vol. 22. N 1. P. 9–27. DOI:10.1590/S0103-20702010000100001

Nascimento Arruda M.A. The contemporary relevance of Florestan Fernandes // Sociologia & Antropologia. 2018. Vol. 8. N 1. P. 47–68. DOI:10.1590/2238-38752016v8i2

O Manifesto Dos Pioneiros Da Educação Nova (1932) // Revista HISTEDBR On-line. 2006. Numero especial. P. 188–204. URL: http://www.histedbr.fe.unicamp.br/revista/edicoes/22e/doc1_22e.pdf (accessed: 15.12.2019).

Oliveira A. Thirty years later: the actuality of Gilberto Freyre to think Brazil // Revista del CESLA. International Latin American Studies Review. 2017. N 20.

Osipova N.G. Sociologiya v stranah Azii, Afriki i Latinskoj Ameriki: klyuchevye figury (*Okonchanie*) [Sociology in Asia, Africa and Latin America: Key Figures] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2014. N 1 (in Russian).

Ribeiro Viscardi C.M. O teatro das oligarquias: uma revisão da política do café com leite. Belo Horizonte, 2012.

Scalon C. Beyond center-periphery dichotomy: sociology in the global era // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2018. N 5. P. 44–52. DOI:10.14515/monitoring.2018.5.06.

Tavares-dos-Santos J.V., Baumgarten M. La Asociación Latinoamericana de Sociología: una historia de sus primeros congresos // Sociologias. Porto Alegre. 2005. Vol. 1. N 14.

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-49-69

СОЦИОЛОГИЯ СПОРТА: ОБЗОР ТРАДИЦИОННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ И ТЕОРИЙ

В.И. Лукашук, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры государственного и корпоративного управления Академии маркетинга и социально-информационных технологий (ИМСИТ), ул. Зиповская, д. 5, Краснодар, Российская Федерация, 350010*

В настоящее время в связи с глубинной трансформацией спорта возникает потребность в поиске новых теоретико-методологических подходов к его изучению. Отмечено, что в российской социологии спорта основной акцент делается не столько на вопросы социологического характера, сколько на проблемы самого спорта, развития его отдельных видов; работы преимущественно носят эмпирический характер. Такое положение сегодняшнего состояния социологии спорта требует коррекции в плане более пристального внимания к теоретическим подходам данной науки. В статье рассмотрена эволюция протосоциологических подходов к изучению социальной сущности спорта, а также проанализированы основные зарубежные теоретические концепции, оказавшие существенное влияние на развитие социологии спорта. В рамках классической социологии рассмотрены взгляды Т. Веблена и М. Вебера. Развивая свои идеи о классовой обусловленности спорта, Т. Веблен доказывает, что для представителей «индустриальных классов» увлечение спортом не является значимым и их страсть к спорту имеет развлекательный и эпизодический характер. М. Вебер в своих взглядах на социальную природу спорта акцентирует внимание исключительно на политической функции этого феномена как специфического рычага социального контроля. Среди исследований, оказавших значительное влияние на развитие направлений социологии спорта, связанных с определением социокультурной роли спорта, рассмотрены взгляды Х. Ортеги-и-Гассета и Й. Хёйзенги. Показано, что при изучении спорта как социального явления ученые обращаются к различным социологическим парадигмам и теориям: структурному функционализму, структурализму, теории конфликта, феноменологии, теории фигурации, символическому интеракционизму. Кратко охарактеризованы взгляды наиболее ярких представителей каждой из них. Кратко охарактеризован экзистенциальный подход К. Ясперса в понимании социальной сущности спорта. Отмечено, что последние годы особой популярностью среди социологов спорта пользуются постмодернистские теории.

Ключевые слова: спорт, протосоциология спорта, социология спорта, социологическая парадигма, социологическая теория.

* Лукашук Виталий Игоревич, e-mail: luka81@list.ru

SOCIOLOGY OF SPORT: A REVIEW OF TRADITIONAL FOREIGN PARADIGMS AND THEORIES

Lukashchuk Vitalii I., Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Academy of Marketing and Social Information Technologies, Zipovskaya Street, 5, Krasnodar, Russian Federation, 350010, e-mail: luka81@list.ru

The sphere of sport is deeply transformed now, so there is a need for new theoretical approaches to it analyses. It is noted that modern Russian sociologists are mostly focused not on the consideration of sociology of sport problems but on the kind of sport description. This situation in the field of sociology of sport requires closer attention to the theoretical paradigms. The article is devoted to the analysis of protosociological and sociological theories to the sociology of sport study. The main sociological theories of sport study as complex and controversial phenomenon of modern society are systematized. The points of view of T. Veblen, M. Weber, J. Ortega y Gasset, J. Huizinga are considered as protosociological theories of the sociology of sport. It is shown, that T. Veblen develops ideas about class conditioning of sport. He argues that the passion for sport is not very serious for the "industrial class" and their interest in sport is episodic. M. Weber, studying the social nature of sport, focuses on the political function of this phenomenon, considers it as a specific mechanism of social control. The theories of J. Ortega y Gasset and J. Huizinga are considered as the studies that have had the greatest influence on the development of sociocultural approach in sport sociology. J. Ortega y Gasset considers the changes in sociocultural priority, which was the work in nineteenth century and a game in twentieth century, as the reason of sport progressive development in the twentieth century. J. Huizinga identifies the game with order. Moreover, the game is an important social mechanism for maintaining discipline in the collective and society. According to J. Huizinga, sport is away from the cultural processes in modern society. The reason of this is the isolation of modern sport from high spiritual culture, ritual festivals and religious cults. It is shown that the social role of sport is analyzed in the scientific literature from the positions of different theories: structural functionalism (C. Stevenson), structuralism (P. Bourdieu), conflict theory (G. Lushen, J. Loy), theory of figuration (N. Elias), symbolic interactionism (G. Stone, J. Macionis). The essence of each of these theories is briefly described. It is emphasized that each theory has its own methodological possibilities for describing different problems of functioning and development of modern sport. The views of the most prominent sociologists of each theory are shortly characterized. K. Jaspers existential theory in understanding social essence of sport is analyzed. It is noted that recently postmodern theories have been especially popular among sport sociologists.

Key words: sport, protosociology of sport, sociology of sport, sociological paradigm, sociological theory.

Введение

Спорт является предметом размышлений и исследований на протяжении всей истории общественной мысли. Еще в 1921 г. М. Шелер отмечал: "Вряд ли какой другой феномен в мире заслуживает сегодня в такой же степени глубокого социально-философского и психологического изучения, как спорт. Спорт безмерно вырос в своем значении, но изучению смысла спорта не уделяется должного

внимания”¹. По мнению И.В. Бабанова и Е.А. Гришиной современный “спорт существует в конкретном социальном контексте, он находится под влиянием множества факторов, которые теснейшим образом переплетены и взаимообусловлены”².

Трансформация современного общества способствует дифференциации спортивных практик, усложнению социальных связей, приводит к изменению характера взаимоотношений между спортом и другими социальными институтами и явлениями. На иных экономических и правовых принципах создаются новые модели спортивной деятельности, активно используются доступные поведенческие программы, способствующие формированию установок личности на здоровый образ жизни. Трансформация спорта высших достижений связана с глубокими сдвигами в современном социуме. Стремительными темпами развивается еще одна новая отрасль индустрии спорта — спортивный инжиниринг, который включает в себя как фундаментальные, так и прикладные разделы многих наук (физики, биомеханики, математики и т.д.). Процессы глобализации в некоторой мере были стимулированы также развитием современного спорта.

Все это говорит о том, что спорт в современных условиях превратился в индустрию, особенностью которой является тот факт, что она включает в себя как некоммерческую составляющую, нацеленную на получение социального эффекта, так и коммерческую, целью которой является достижение экономического эффекта. Если конечным результатом некоммерческой деятельности в индустрии спорта является некоммерческий продукт — проведение спортивных соревнований, в результате которых возникает социальный эффект в виде единения людей, стремление к миру, здоровому образу жизни путем вовлечения в спорт и т.д., то конечным результатом коммерческой деятельности является коммерческий продукт (услуга), производство которого сопровождается возникновением экономического эффекта.

В связи с глубинной трансформацией спорта возникает потребность в поиске новых теоретико-методологических подходов к его изучению. Несмотря на это исследования спорта в отечественной социологии проводятся не с той степенью интенсивности, с которой их следовало бы проводить, исходя из весомой социальной значи-

¹ Цит. по: Быховская И., Мильштейн О. Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 312.

² Бабанов И.В., Гришина Е.А. Современный спорт — проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 116.

мости этого феномена³. По мнению Р. Эдельмана, это происходит потому, что “социолог спорта не интересен социологам, потому что они не интересуются спортом. А спортсмены не интересуются социологией”⁴.

Среди огромного многообразия вопросов, которые в последние годы возникают перед учеными, обращающимися к анализу спорта, особое место занимают методологические проблемы. При этом до сих пор некоторые авторы настаивают на том, что научным фундаментом изучения феномена спорта следует считать теорию физической культуры⁵. Многие исследователи, описывая социальную сущность спорта, активно используют категориальный аппарат культурологии, подразумевая интеграцию теории физической культуры в общую теорию культуры личности и общества⁶. В современной отечественной социологической литературе о спорте стали чаще появляться работы, авторы которых акцентируют внимание на необходимости развития социологии спорта⁷. Особо следует подчеркнуть, что в российской социологии спорта основной акцент делается не столько на вопросы социологического характера, сколько на проблемы самого спорта, развития его отдельных видов; работы преимущественно носят эмпирический характер. Такое положение сегодняшнего состояния социологии спорта требует коррекции в плане более пристального внимания к теоретическим подходам данной науки.

Значительную роль в развитии отечественной социологической проблематики спорта сыграли работы советских ученых и опубликованные на русском языке работы авторов, в которых рассматривались

³ Лукашук В.И. Особенности менеджмента в индустрии спорта в современных условиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 168.

⁴ Эдельман Р., Бондаренко С., Кильдюшов О. Спорт помогает ответить на фундаментальные вопросы: интервью с Робертом Эдельманом // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 282.

⁵ См., например: Барчуков И.С., Нестеров А.А. Физическая культура и спорт. М., 2006; Барабанова В.Б. Спорт как проекция культурных смыслов // Философия права. 2007. № 2. С. 81–84.

⁶ См., например: Лигостаева Н.Д., Матвеева А.В. Спорт как репрезентация культурных смыслов // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 8. С. 92–100; Бельский В.Ю., Титов П.Б., Рязанцев А.А. Осмысление феномена спорта и концепта телесности в современных российских исследованиях // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6. С. 267–273.

⁷ См., например: Быховская И., Мильштейн О. Указ. соч. С. 284–319; Сироткина И. Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 320–339; Росенко С.И., Дерюгин П.П., Милецкий В.П. Современная социология физической культуры и спорта // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 171–172.

вопросы, связанные с природой спорта как социального феномена⁸, спортом как составляющей образа жизни⁹, влиянием спорта на качество жизни¹⁰ и взаимоотношением людей в социуме¹¹.

Несмотря на значительный вклад российских ученых в изучение социальной сущности спорта доминирующей сегодня остается зарубежная традиция социологических исследований в сфере социологии спорта. Исходя из этого западные социологические теории, описывающие спорт как социальный феномен, его роль, функции в обществе, трансформацию ценностей традиционного спорта, результаты конкретных социологических исследований и выводы, получаемые из них, нуждаются в осмыслении.

В силу изложенных выше обстоятельств в данной работе сделана попытка анализа и систематизации традиционных зарубежных социологических парадигм и теорий как основ для изучения всего многообразия этого противоречивого феномена и его статуса в современном обществе.

Протосоциологические подходы к изучению спорта

Развитие и концептуализация социологии спорта — процесс длительный и идущий до сих пор, корни же его можно найти в XIX и даже XVIII в., когда в Великобритании и Северной Америке были опубликованы работы П. Бэкфорда “Размышления об охоте на зайцев и лис” (1796), П. Эгена “Боксиана” (1812) и, что более важно, работы, посвященные изучению истории развития футбола, регби и атлетики М. Шермана (1887, 1889). Несмотря на то что эти работы не получили широкого распространения в академических кругах и не были предназначены для чтения студентами, тем не менее они стали основой научного изучения спорта в Великобритании и исследований в других странах в XX в. Затем на рубеже XIX в. Т. Веблен описал американский колледжский спорт в своей “Теории досугового класса” (1899), а несколько позже М. Вебер рассматривал противодействие английских пуритан спорту в своей знаменитой работе “Протестантская этика и

⁸ Пономарев Н.И. Физическая культура как элемент культуры общества и человека. СПб., 1996; Столяров В.И. Социология физической культуры и спорта. М., 2005.

⁹ Пономарева Т.А. Физическая культура и спорт в системе ценностных ориентаций учащейся молодежи // Теория и практика физической культуры. 2007. № 5. С. 68–69; Томпсон Р. Спорт и идеология в современном обществе // Спорт и образ жизни: Сб. статей / Под ред. В.И. Столярова, З. Кравчика. М., 1979. С. 152–163; Нива Т. Функции спорта в современном обществе // Спорт и образ жизни. С. 125–133.

¹⁰ Воль А. Спорт и качество жизни // Спорт и образ жизни. С. 22–35.

¹¹ Бредемайер Б. Мораль и занятия спортом // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. Ч. 2 / Под ред. В.И. Столярова, Е.В. Чеснокова, Е.В. Стопниковой. М., 2005. С. 56–58.

дух капитализма” (1904, 1905). У.Г. Самнер посвятил часть раздела в работе “Народные обычаи” (1906) “популярному спорту”, а В. Уоллер написал в “Социологии обучения” (1932) об объединяющей функции спорта в системе высшего образования США. Однако несмотря на исторический интерес, который вызывают эти работы, ни одна из них не была посвящена изучению спорта как такового. Спорт рассматривался в них в рамках социологического анализа более широкой проблематики. Таким образом, упомянутые работы могут рассматриваться как протосоциология спорта. Социология спорта как специальное исследование, посвященное социальной сущности спорта, и как предмет анализа целой книги выделилась только в 1921 г., когда Х. Риссе, ученик Т. Адорно, опубликовал работу, которая так и называлась “Социология спорта”.

Как было отмечено выше, среди исследований, которые значительно повлияли на развитие социологических исследований досуга, рекреации и особенно спорта в США, заметное место занимает социология Т. Веблена, изложенная в работе “Теория праздного класса” (1899). Социально-экономическая теория общества Т. Веблена строится на анализе досуга и свободного времени различных социальных классов и групп. Ее стержнем является положение о том, что классовая природа общества определяется принадлежностью его социальных классов к средствам досуга и свободного времени. Согласно Т. Веблену, имеется некий “праздничный класс”, который исключен из сферы производства и имеет отношение только к потреблению. Тем не менее, он определяет развитие общества в экономической и духовной сферах. Это положение обуславливает фон всех его рассуждений о социальном и экономическом развитии общества, включая и такие институты, как досуг, рекреация и спорт.

Т. Веблен обращается к проблемам спорта в контексте социальных задач образования и воспитания личности и социальных отношений в целом. По мнению ученого, спорт, наделенный чертами хищничества, возвращает людей к архаическому состоянию, поэтому через спорт невозможно воспитать положительные черты характера. Иллюстрацией данного тезиса могут служить рассуждения Т. Веблена о футболе: “Плодами культуры, реализуемыми в футболе, являются экзотическая дикость и коварство. В футболе восстанавливается в своих правах темперамент раннего варварства и вместе с тем происходит подавление как раз тех нравственных качеств, которые полезны для общества и экономики”¹². Социолог считает, что некоторые качества, развиваемые в процессе занятий спортом, такие

¹² Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 256.

как сила, чувство товарищества, могут быть полезны для индивида, но вредны для общества: “Уверенность в своих силах и чувство товарищества замечательны, но такое обозначение соответствующих качеств является несколько вольным, разговорным. С иной точки зрения их можно было бы назвать свирепостью и приверженностью своему клану”¹³. Эти черты присущи различным представителям общества, однако, праздным классом они культивируются, а другими представителями общества, жизнь которых далека от праздности, эти черты часто вытеснены в бессознательное.

Ученый видит в спортивном соревновании такие негативные явления, как запугивание, обман, фальшь. Технические правила соревнований, деятельность спортивного судьи, нахождение элементов допустимого обмана, а также поиск стратегических преимуществ формируют основу “мошеннической практики”, которая не является случайной чертой спорта. Т. Веблен резко утверждает, что занятия спортом содействуют воспитанию мошеннических наклонностей, а распространение мошеннических практик в обществе в свою очередь располагает людей к спорту.

Развивая свои идеи о классовой обусловленности спорта, его подчинении интересам правящих классов, Т. Веблен стремится доказать, что для представителей “индустриальных классов” (пролетариата и крестьянства) увлечение спортом не является значимым и что их пристрастие к спорту имеет развлекательный и эпизодический характер. Согласно Т. Веблену, взаимосвязь спорта и “индустриального класса” не имеет “прочного экономического характера”, который присущ взаимосвязи спорта и “праздного класса”. Он отмечает, что спорт оказывает влияние на размеры, направление, стандарты и идеалы коллективной экономической жизни общества, определяемой, конечно, интересами “праздного класса”.

Завершая краткий обзор концепции Т. Веблена, следует подчеркнуть, что она оказала влияние на становление таких направлений социологии спорта, которые концентрируются на изучении спортивного досуга, анализе свободного времени различных социальных групп.

Теория М. Вебера о рационализации как важнейшей характеристике капиталистического общества была положена и в основу социологических концепций о рационализации спорта. М. Вебер доказывал, что в ходе процесса исторического развития рационализируются как все виды деятельности, так и тип мышления

¹³ Там же. С. 257.

людей¹⁴. При капитализме иррациональное действие вытесняется рациональным, т.е. практически в любой сфере социальной жизни рациональность становится основным принципом. Эти положения, разработанные ученым, дали теоретическую основу для объяснения технологических преобразований, приведших к бюрократизации спорта, они позволили рассматривать его в категориях экономических отношений. Например, А. Ингхем с соавторами¹⁵ отмечают, что “технологическая рациональность” организационной деятельности способствует развитию бюрократического контроля в современном спорте, который приводит к принуждению и усилению эксплуатации спортсменов. Происходит углубление разрыва между спортсменами и спортивной деятельностью, отчуждение спортсмена как от самой деятельности, так и от общества в целом. Очевидно, что спортсмен становится предметом торга, поскольку оценивается исключительно в категориях своей ценности: экономической, соревновательной либо социальной.

Следует отметить, что спорт как объект изучения не попадает в поле зрения М. Вебера, однако во многих своих работах ученый пишет об использовании правящими классами различных социальных институтов для обеспечения дисциплины и порядка в обществе. Например, в работе “Протестантская этика и дух капитализма” М. Вебер приходит к общему выводу о том, что различные формы игровой деятельности способствуют воспроизводству аппаратов подавления в обществе, а степень проявления этой роли игры зависит от конкретных социально-исторических условий¹⁶. В другой своей работе “Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии”¹⁷ ученый рассматривает различные социальные рычаги поддержания порядка в обществе, которые он объединяет категорией “*charisma*”, включающей все явления и события, которые захватывают и увлекают воображение масс и вселяют чувство преданности лидеру. Одними из средств воспитания дисциплины, по мнению ученого, являются муштра и различные виды физической деятельности, в том числе и соревновательной. Соревнование М. Вебер рассматривает как особый социальный институт, который играет важную роль в физической и психической готовности личности и полностью определяет поведение

¹⁴ Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990.

¹⁵ Ingham A.G., Howell J., Schilperroot T. Professional sports and community: a review and exegesis // Exercise and Sport Science Reviews. 1987. N 15. P. 427–465.

¹⁶ Вебер М. Указ. соч.

¹⁷ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. I. Социология / Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М., 2016.

индивида. Согласно М. Веберу, игра как социальный институт использовалась правящими классами для воспроизводства отношений с позиций силы¹⁸.

Эти положения М. Вебера позже были взяты на вооружение социологами спорта при изучении таких явлений и тенденций, как политизация и идеологизация спорта, трансформация социально-ценностных оснований спорта и др.

Среди исследований, оказавших значительное влияние на развитие направлений социологии спорта, связанных с определением социокультурной роли спорта, видное место занимают работы Х. Ортеги-и-Гассета и Й. Хёйзинги.

Х. Ортега-и-Гассет, анализируя роль спорта в развитии общества, утверждал, что “спортивная деятельность представляется первостепенной и созидательной, наиболее возвышенной, серьезной и важной частью жизни, в то время как труд занимает второе место как ее производная и осадок. Более того, жизнь существует только в пределах первого, остальное представляется относительно механическим и чисто функциональным”¹⁹. Стремительное развитие спортивных практик Х. Ортега-и-Гассет связывает с распространением в XX в. игрового, спортивно-праздничного ощущения жизни, отмечая при этом, что в XIX в. основным социокультурным приоритетом была работа. Позже Х. Ортега-и-Гассет пересмотрел свое отношение к спорту, подвергнув его резкой критике: “За короткое время мы увидели, насколько поднялась на страницах газет волна спортивных игр, потопив почти все корабли серьезности... Торжество спорта означает победу юношеских ценностей над ценностями старости... Европа вступает в эпоху ребячества”²⁰.

Й. Хёйзинга оспаривает спортивно-игровую теорию Х. Ортеги-и-Гассета. Акцентируя внимание на том, что издавна развиваются различные испытания физической силы или быстроты (плавание, бег, гребля и т.п.), ученый отмечает, что “эти формы состязания лишь в незначительной степени принимают характер организованных игр”²¹. Наряду с этими формами состязаний естественным образом развиваются игры с системой правил, которые со временем детализируются и ужесточаются, появляется “натренированная сыгранность постоянных команд; самоуправление с его духом локальной взаимности и солидарности; несомненное стремление к все возрастающей систематизации и дисциплинированности игры,

¹⁸ Вебер М. Избранные произведения.

¹⁹ Ortega y Gasset J. *Histori as a system*. N.Y., 1961. P. 83.

²⁰ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

²¹ Хёйзинга Й. *Homo ludens: Статьи по истории культуры*. М., 1997. С. 263.

в связи с чем что-то в ее чисто игровом содержании на долгое время утрачивается и начинает предполагать разделение на профессионалов и любителей”²². По мнению ученого, в современной культуре спорт “остается бесплодной функцией, в которой древний игровой фактор по большей части уже успел отмереть”²³. Указывая на социальные функции спорта, Й. Хёйзинга отмечает, что его значение как основной игровой формы современности постоянно увеличивается и связано со структурой социальной жизни общества. Именно потребностями общества объясняет он создание спортивных организаций.

Идеи Й. Хёйзинги о том, что игра находится за пределами реального, дали основание его последователям сформулировать тезис о том, что игра, а вместе с ней спорт и физическое воспитание представляют возможность ухода, бегства от реальной жизни. Характерным для Й. Хёйзинги является отождествление игры с порядком. При этом она выступает как важный социальный инструмент поддержания дисциплины в коллективе и обществе. Отождествление игры с ритуалом, с одной стороны, и порядком — с другой, представляет собой важное для социологической науки и практики спорта положение, поскольку оно дает основание рассматривать спорт и физическое воспитание как важные инструменты социального порядка и контроля. Значение исследования Й. Хёйзинги для социологии спорта велико и в настоящее время. Теория Й. Хёйзинги продолжает оказывать влияние на научное мировоззрение социологов спорта, досуга, рекреации, специалистов физического воспитания.

Традиционные парадигмы социологии спорта

Вторая половина XX в. характеризуется активным развитием структурно-функциональной парадигмы в социологии спорта. Во второй половине XX в. эта парадигма (преимущественно в толковании Т. Парсонса) преобладала в англоязычных странах. Многими учеными освещались социальные функции спорта; его даже наделяли новыми, практически сакральными функциями. Одним из ярких представителей структурно-функциональной парадигмы в социологии спорта является К.Л. Стивенсон, который характеризовал общество как “переплетение взаимосвязанных элементов. Эффективность действий этих элементов — и тем самым всего общества — зависит от того, насколько этот процесс поддерживается системой воззрений и моделями поведения населения”²⁴. Методология данной парадигмы

²² Там же. С. 321–322.

²³ Там же. С. 323.

²⁴ *Стивенсон К.Л.* Спорт как современный социальный феномен: функциональный подход // Спорт и образ жизни. С. 61.

позволила ученому выделить основные социальные функции спорта и объяснять их, базируясь на представлении об “общественной интеграции”. К.Л. Стивенсон понимает интегративную функцию спорта как вовлечение в коллектив, который в свою очередь вовлечен в общую социальную структуру. Такой способ ученый определяет как интеграция второго уровня. Вовлеченный в общество коллектив обладает той же системой воззрений, что и общество в целом. Исходя из этого, интеграция в определенный коллектив подразумевает также и интеграцию в определенную социальную систему воззрений. По мнению К.Л. Стивенсона, спорт — “такой институционализированный механизм, который удовлетворяет данную общественно-интегративную функцию; это происходит через механизмы, которые были обозначены как общественные функции спорта”²⁵.

Данная теория в современной интерпретации позволяет рассматривать спорт как социальную систему, производящую особые отношения, воспроизводимые специфическими социальными действиями. В процессе применения методологии данной парадигмы первоочередной задачей для ученых является исследование новых функций и дисфункций современного спорта, соотношения социальной системы и системы личности, статусно-ролевого комплекса акторов спортивной деятельности.

Заслуживает внимания структурный анализ спорта П. Бурдые, который исследует “систему объективных отношений”, “независимо от объекта”: “Чтобы социология спорта могла существовать, прежде всего нужно заметить, что следует анализировать не отдельный вид спорта в отрыве от совокупности спортивных практик, но пространство всех видов спорта как систему, каждый элемент которой получает различное значение. Иначе говоря, чтобы понять какой бы то ни было вид спорта, нужно определить позицию, занимаемую им в пространстве всех видов спорта”²⁶. Для определения такого пространства П. Бурдые предлагает совокупность “индикаторов”, таких как «с одной стороны, распределение занимающихся каким-то видом спорта по их позиции в социальном пространстве, распределение разных федераций по числу их членов, богатству, социальным характеристикам руководителей и т.п., а с другой стороны — по типу отношения к телу, которого требует данный вид спорта или которому он способствует, в зависимости от того, подразумевается ли непосредственный контакт “в захвате” как в классической борьбе

²⁵ Там же. С. 62.

²⁶ Бурдые П. Программа для социологии спорта // Бурдые П. Начала. М., 1994. С. 257.

или регби, или, напротив, такой контакт исключается, как в гольфе, допускается только посредством мяча, как в теннисе, или посредством инструмента, как в фехтовании»²⁷. Автор отмечает необходимость установления связи пространства видов спорта с социальным пространством, отображающимся в нем. Каждой “спортивной практике” присущи свойства, определяемые отношением между двумя пространствами: “пространством определенного вида спорта” (предложением) и “пространством социальных позиций” (спросом). По мнению П. Бурдье, “история спортивных занятий может быть только структурной историей”²⁸, так как следует принимать в расчет постоянные изменения, вызванные, например, становлением нового вида спорта или развитием существующего. Ученый подчеркивает, что “приоритетом приоритетов является построение структуры пространства видов спорта, эффекты от которого будут регистрироваться в исследованиях, посвященных отдельным видам спорта”²⁹.

Следуя логике построения теории П. Бурдье, современные социологи спорта могут исследовать трансформацию отношений в поле спорта, его специфические закономерности.

Конфликтологическая парадигма в социологии спорта, которая базировалась преимущественно на концепциях Л. Козера и Р. Дарендорфа, в понимании которых конфликт — это неизбежная часть целостности социальных взаимоотношений людей, представлена работами Г. Люшена, Л. Лоя, С. Гульденпфеннига и др.

Г. Люшен в своих размышлениях исходит из того, что “потенциально в спорте существует насилие”³⁰, поэтому он может быть источником социальных конфликтов. Развивая конфликтологическую парадигму в социологии спорта, Г. Люшен вводит дефиницию “порядок в спорте”, который обуславливается степенью таланта, наследственностью и возможностью заниматься спортом, что, в свою очередь, определяется принадлежностью к определенному социальному классу. Автор отмечает наличие в спорте определенной иерархии, устанавливаемой по результатам спортивных выступлений и отражающей социальную стратификацию общества. Такой “порядок в спорте”, по мнению ученого, приводит к социальным конфликтам, проявляющимся в различных формах внутри спортивных организаций и между ними.

²⁷ Там же. С. 258.

²⁸ Там же. С. 259.

²⁹ Там же. С. 260.

³⁰ Люшен Г. Спорт и культура // Спорт, духовные ценности, культура. М., 1997. Вып. 2. С. 137.

Д. Лой с соавторами рассматривает спорт преимущественно как социальную систему, имеющую сложную структуру, которая включает индивидов, взаимодействующих друг с другом в соответствии со своими убеждениями, стандартами и имеющимися средствами коммуникации. Социальными системами можно считать и две соревнующиеся команды, и отца с сыном, занимающихся рыбалкой, и инструктора по гольфу, дающего урок новичку³¹. По мнению ученых, причиной конфликта соревнующихся команд является социальное окружение. В случае обострения отношений “индивид–среда” субъект начинает ощущать внутреннюю дисгармонию и дискомфорт; пытаясь устранить их, индивид совершает активные действия, чтобы приспособиться к среде, в процессе чего и возникают конфликты.

Конфликтологическую парадигму можно считать отправной точкой для таких направлений исследования в социологии спорта, как функциональный анализ конфликтов в спорте, описывающий основные закономерности поведения конфликтных систем, структурный анализ конфликтов в спорте, раскрывающий основные закономерности строения конфликтных систем, концепции управления спортивными конфликтами, позволяющими раскрыть закономерности регулирования поведения конфликтных систем.

С позиций феноменологической социологии (основателем социологического направления которой является А. Шюц) описывает спорт Х. Ленк, который отмечает, что спорт представляет собой культурный феномен на естественной биологической основе. По мнению ученого, спорт — это символический мир, опосредствованный языком жестов. Символизм и символический язык спорта становятся существенными элементами в повседневной жизни, взаимных отношений между соревнующимися сторонами. Спорт предоставляет огромные возможности для самовоспитания, самосовершенствования, самоопределения, выступает как одна из важных специфических сфер самореализации личности. “Эмоциональная непосредственность спортивного действия обладает определенной аналитической ценностью и как социально-психологическая и как опытная категория”³². Спортивные соревнования, по мнению Х. Ленка, представляют возможность для осуществления на практике первичных самопроизвольных (спонтанных) движений. Для личности возникает возможность выразить себя в социальной обстановке, а также активно самостабилизироваться посредством

³¹ Loy J., Kenyon G., McPherson B. Sport, culture and society: a reader for the sociology of sport. Philadelphia, 1981.

³² Ленк Х. Отчуждение и манипуляция личностью спортсмена // Спорт и образ жизни. С. 118.

действия. «Соревновательный спорт может служить средством разрешения социальных проблем путем создания мифа о деятельности, связанной с наслаждением жизнью, мифа, который как бы заменяет жажду приключений, в котором мы видим также символическое выражение “войны ролей”, такой характерной для нашей социальной жизни»³³.

Феноменологический подход в социологии спорта позволяет исследователям погрузиться в изучение повседневной жизни и понять смысл, который индивиды вкладывают в ситуацию общения; он открывает возможности изучения механизма построения иерархии престижа в спортивной деятельности, исследовать факторы, на основании которых в сознании индивидов формируются социальные представления о различных видах спортивной деятельности, о профессиональных сообществах или отдельных профессионалах, как происходит вторичная социализация участников спортивной деятельности. Данная парадигма позволяет изучать на микроуровне такие процессы, которые невозможно анализировать с помощью пространственных количественных методов исследования. Это и система взаимодействия между чиновниками, тренерами и спортсменами, и внутренние конфликты в спортивной среде, и мотивы, ценности, потребности, цели, интересы субъектов спортивной деятельности.

Одним из первых исследователей, которые исходили из концепции символического интеракционизма (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Блумер и др.) при анализе спорта, является Г. Стоун, который анализирует зрелищную составляющую спорта и показывает, как под действием экономических факторов возрастает роль “презентации” спортивного соревнования³⁴.

Рассматривая спорт как интеракцию, Дж. Масионис отмечает, что “на микроуровне спортивное событие является сложной драмой, развивается при непосредственном общении людей... Вооруженные парадигмой символического интеракционизма, мы склонны рассматривать спорт не столько как систему, сколько как непрерывный процесс”³⁵.

Символический интеракционизм позволяет изучать спорт как знаково-символическую систему, транслирующую социально значимую информацию и систему ценностей, глубже разобраться в особенностях спортивной коммуникации, понять механизмы самореализации и самовыражения ее участников.

³³ Там же. С. 123.

³⁴ Stone G. American sports: play and display // Chicago Review. 1955. N 9 (3). P. 83–100.

³⁵ Масионис Дж. Социология. СПб., 2004. С. 49.

Основные современные теории социологии спорта

С позиций фигурационной социологии анализирует спорт Н. Элиас. Его теория основывается на концепции всеобщего процесса цивилизации (разработанной им же в 1938 г.), который привел к повышению качества социальных стандартов с одновременным усилением необходимости строгого и более последовательного самоконтроля людей за своими чувствами и поведением. Он объясняет, как связаны между собой в ходе цивилизационного процесса развитие структур и организационных форм спорта с тенденциями в развитии организации труда и структур социального действия³⁶. Формы игр и физической активности не только подверглись влиянию этого общего процесса, но и сами сыграли активную роль в нем. Подчеркивая важность цивилизационного процесса для развития спорта, Н. Элиас считает, что «любая, имевшая место за последние 200 лет трансформация досуга вообще или состязательных игр в частности, является «следствием» индустриализации. Неявное полагание причинных связей такого рода заранее затемняет суть проблемы. Очевидно, продуктивнее предполагать другую возможность, например, рассматривать индустриализацию и преобразование определенных форм досуга в спортивные состязания как взаимосвязанные тенденции и составные моменты целостного процесса трансформации общества в его современную форму»³⁷. Н. Элиас выделяет также некоторые тенденции современного спорта, которые на первый взгляд, противоречат «цивилизационной» парадигме. Он признает, что прогресс не обязательно является однонаправленным и внутри общего цивилизационного процесса можно выявить так называемые децивилизационные вмешательства. Для объяснения массовых сцен насилия, например в современном футболе, Н. Элиас и Э. Даннинг ввели термин «потребности в возбуждении»³⁸.

Согласно теории фигурации, внутренняя природа личности неотделима от внешнего социального окружения; действия, поведение, мотивы людей в любой сфере, в том числе и спорте, могут быть постигнуты только сквозь призму понимания, что отношения между людьми не являются статическими, происходит постоянная смена фигураций, каждая из которых обладает собственным смыслом и значимостью. Теоретическое значение теории Н. Элиаса для социологии спорта состоит в том, что она предлагает рассматривать

³⁶ Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема // Логос. 2006. № 3 (54). С. 41–62.

³⁷ Там же. С. 44

³⁸ Elias N., Dunning E. Quest for excitement: sport and leisure in the civilizing process. Oxford, 1986. P. 275.

систему спорта как результат множества динамичных процессов, накладывающихся друг на друга. Процесс “спортизации”, описанный ученым, затрагивает все новые и новые аспекты социальной жизни, что побуждает социологов спорта открывать для себя каждый раз новые направления исследований.

Изучение социальной сущности спорта с позиций экзистенциальной социологии базируется на взглядах К. Ясперса, рассматривающего спорт как область, в которой индивид “ощущает действительность своего существования”³⁹. Ученый считает, что “самобытие как жизненная сила находит выход в спорте как остатке возможного удовлетворения непосредственного существования в дисциплине, пластичности, ловкости. Подчиненная воле телесность убеждается в своей силе и своем мужестве; открытый силам природы индивид обретает близость к миру в его элементах”⁴⁰. Спорт как явление массовой культуры рассматривается К. Ясперсом как организованная деятельность, которая обязательно подчинена жестким правилам игры. Такой спорт, по его мнению, направлен прежде всего на то, “чтобы отвести в иную сферу инстинкты, которые могут стать опасными для аппарата. Заполняя свободное время, спорт служит успокоению масс”⁴¹. К. Ясперс всех участников спортивного действия разделяет на две категории. Первая — спортсмены, имеющие своей целью ощутить превосходство над соперником и установить новый рекорд. Такая цель имеет смысл только в условиях публичности, в которых возможна оценка и успех. Вторая — зрители, восхищающиеся победами, рекордами спортсменов как героизмом, которые тайно надеются на то, что когда-нибудь и они смогут достичь значительных успехов. Современный спорт, по мнению К. Ясперса, стал мировоззрением; вовлекаясь в эту деятельность человек старается избавиться от нервного напряжения и стремится к достижению определенных целей, “но связанная с трансцендентностью субстанция, здесь отсутствует”⁴². Поэтому для обретения себя человеку одного спорта недостаточно.

В последние годы особой популярностью среди социологов спорта пользуются постмодернистские теории, основанные на теоретических рассуждениях М. Фуко, Ж. Бодрийяра, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Лакана и др. С этим направлением связано множество публикаций по социологии спорта, имеющих отношение в основном к разработке гендерной проблематики в спорте, осмыслению виртуализации спор-

³⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 325.

⁴⁰ Там же. С. 330.

⁴¹ Там же. С. 331.

⁴² Там же. С. 332.

тивных событий, функционированию спортивных коммуникаций, глобализации и т.п.

Заключение

Рассмотренные в данной статье социологические парадигмы и теории являются традиционными и, на мой взгляд, наиболее эффективными при изучении социальной сущности спорта. Каждая из них предоставляет свои методологические возможности для описания тех или иных проблем функционирования и развития современного спорта. Многообразие теорий и концепций, с одной стороны, показывает, что сложно преодолеть противоречия между макро- и микросоциологическими подходами к изучению различных сторон спорта, а с другой — позволяет анализировать его как сложное многомерное и социально значимое явление современности.

Вряд ли возможно в рамках одной статьи осветить все вопросы, затрагиваемые зарубежной социологией спорта, ведь помимо всего прочего социология спорта еще и идеологизированная научная дисциплина. Поскольку спорт всегда был не только феноменом культуры, но и фактором политики, социология не могла оставить без внимания и данный аспект его изучения. Этому посвящены многочисленные статьи зарубежных авторов, изучение которых необходимо выделить в отдельное исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабанов И.В., Гришина Е.А. Современный спорт — проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 116–124. DOI: 10.7868/S0132162518060107

Барабанова В.Б. Спорт как проекция культурных смыслов // Философия права. 2007. № 2. С. 81–84. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15207368_90830209.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Барчуков И.С., Нестеров А.А. Физическая культура и спорт. М., 2006.

Бельский В.Ю., Титов П.Б., Рязанцев А.А. Осмысление феномена спорта и концепта телесности в современных российских исследованиях // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6. С. 267–273. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22776662> (дата обращения: 12.11.2019).

Бредемайер Б. Мораль и занятия спортом // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. Ч. 2 / Под ред. В.И. Столярова, Е.В. Чеснокова, Е.В. Стопниковой. М., 2005.

Бурдьё П. Программа для социологии спорта // Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 257–275. URL: <http://bourdieu.name/content/programma-dlja-sociologii-sporta> (дата обращения: 12.11.2019).

Быховская И., Мильштейн О. Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 284–319. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-284-319

Вдовиченко Л.Н. Второе дыхание социологии спорта // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 151–153. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24160870_37306191.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М., 1990.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. I. Социология / Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М., 2016.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

Воль А. Спорт и качество жизни // Спорт и образ жизни: Сб. статей / Под ред. В.И. Столярова, З. Кравчика. М., 1979. С. 22–35.

Ленк Х. Отчуждение и манипуляция личностью спортсмена // Спорт и образ жизни: Сб. статей / Сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. М., 1979. С. 112–125.

Лигостаева Н.Д., Матвеева А.В. Спорт как репрезентация культурных смыслов // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 8. С. 92–100. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29947782_37690713.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Лукашук В.И. Особенности менеджмента в индустрии спорта в современных условиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 168–173. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29850145_83906075.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Люшен Г. Спорт и культура // Спорт, духовные ценности, культура. М., 1997. Вып. 2. С. 135–140.

Масионис Дж. Социология. СПб., 2004.

Нива Т. Функции спорта в современном обществе // Спорт и образ жизни: Сб. статей / Под ред. В.И. Столярова, З. Кравчика. М., 1979. С. 125–133.

Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

Пономарев Н.И. Физическая культура как элемент культуры общества и человека. СПб., 1996.

Пономарева Т.А. Физическая культура и спорт в системе ценностных ориентаций учащейся молодежи // Теория и практика физической культуры. 2007. № 5. С. 68–69. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15415401_18726937.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Росенко С.И., Дерюгин П.П., Милецкий В.П. Современная социология физической культуры и спорта // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 171–172. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_11/Rosenko.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Синютин М., Тевари С., Марки В., Нонгого П. Всемирный конгресс социологии спорта “Спорт, глобальное развитие и социальные изменения” // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 3 (86). С. 203–206. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2016_3/Kongress_2016_3.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Сироткина И. Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 320–339. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-320-339

Стивенсон К.Л. Спорт как современный социальный феномен: функциональный подход // Спорт и образ жизни: Сб. статей / Под ред. В.И. Столярова, З. Кравчика. М., 1979. С. 58–65.

Столяров В.И. Социология физической культуры и спорта. М., 2005.

Томпсон Р. Спорт и идеология в современном обществе // Спорт и образ жизни: сб. статей / Под ред. В.И. Столярова, З. Кравчика. М., 1979. С. 152–163.

Хёйзинга Й. Homo ludens: Статьи по истории культуры. М., 1997.

Эдельман Р., Бондаренко С., Кильдюшов О. Спорт помогает ответить на фундаментальные вопросы: Интервью с Робертом Эдельманом // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 275–283. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-275-283

Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема // Логос. 2006. № 3 (54). С. 41–62.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

REFERENCES:

- Babanov I.V., Grishina E.A.* Sovremennyyi sport — problemy i protivorechiya [Modern Sports — Problems and Contradictions] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2018. N 6. P. 116–124. DOI: 10.7868/S0132162518060107 (in Russian).
- Barabanova V.B.* Sport kak proektsiya kul'turnykh smyslov [Sport as the Projection of Cultural Symbols] // Filosofiya prava [Philosophy of Law]. 2007. N 2. P. 81–84. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15207368_90830209.pdf (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).
- Barchukov I.S., Nesterov A.A.* Fizicheskaya kul'tura i sport [Physical Culture and Sport]. М., 2006 (in Russian).
- Belski V. Yu., Titov P. B., Ryazantsev A. A.* Osmyslenie fenomena sporta i kontsepta telesnosti v sovremennykh rossiiskikh issledovaniyakh [Understanding the Phenomenon of Sport and the Concept of Physicality in Modern Russian Studies] // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry [Education. Science. Scientific Staff]. 2014. N 6. P. 267–273. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22776662> (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).
- Bourdieu P.* Programma dlja sociologii sporta [Program for Sociology of Sports] // Bourdieu P. Nachala [Choses Dites]. М., 1994. P. 257–275. URL: <http://bourdieu.name/content/programma-dlja-sociologii-sporta> (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).
- Bredemeier B.* Moral' i zanyatiya sportom [Morality and Sport for all] // Khrestomatiya po sotsiologii fizicheskoi kul'tury i sporta [Chrestomathy on Sociology of Physical Culture and Sports]. P. 2. / Pod red. V.I. Stolyarov, E.V. Chesnokov, E.V. Stopnikova. М., 2005. P. 56–58 (in Russian).
- Bykhovskaya I., Milstein O.* Sovetskaya sotsiologiya sporta: start I... eshche raz start (sub'ektivnye zametki s pretenziei na ob'ektivnost') [The Soviet Sociology of Sport: Start and... Start Once Again (Subjective Notes with a Claim to Objectivity)] // Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]. 2017. Vol. 16. N 2. P. 284–319. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-284-319 (in Russian).
- Edelman R., Bondarenko S., Kildyushov O.* Sport pomogaet otvetit' na fundamental'nye voprosy: Interv'yu s Robertom Ehdel'manom [Sport Helps to Answer Fundamental Questions: Interview with Robert Edelman] // Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]. 2017. Vol. 16. N 2. P. 275–283. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-275-283 (in Russian).
- Elias N.* Genezis sporta kak sociologicheskaya problema [The genesis of sport as a sociological problem] // Logos. 2006. N 3 (54). P. 41–62 (in Russian).
- Elias N., Dunning E.* Quest for excitement: sport and leisure in the civilizing process. Oxford, 1986.

Huizinga J. Homo ludens: Stat'i po istorii kul'tury [Homo Ludens: the Study of the Play Element in Culture]. M., 1997 (in Russian).

Ingham A.G., Howell J., Schilperoot T. Professional sports and community: a review and exegesis // Exercise and Sport Science reviews. 1987. N 15. P. 427–465.

Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The Origin and Goal of History]. M., 1991 (in Russian).

Lenk H. Otchuzhdenie i manipulyaciya lichnost'yu sportsmena [Alienation, Manipulation and the Self of the Athlete] // Sport i obraz zhizni: Sb. statei [Sport and Way of Life: a Digest of Articles] / Pod red. V.I. Stoljarov, Z. Krawczyk. M., 1979. P. 112–125 (in Russian).

Ligostaeva N.D., Matveeva A.V. Sport kak reprezentatsiya kul'turnykh smyslov [Sport as a Representation of Cultural Meanings] // Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya [Sustainable Development of Science and Education]. 2017. N 8. P. 92–100. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29947782_37690713.pdf (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).

Loy J., Kenyon G., McPherson B. Sport, culture and society: a reader for the sociology of sport. Philadelphia, 1981.

Lukashchuk V.I. Osobennosti menedzhmenta v industrii sporta v sovremennykh usloviyakh [The features of sports management in the industry of sports in modern society] // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika. Sotsiologiya. Menedzhment [Proceeding of Southwest State University. Economy, Sociology, Management]. 2017. Vol. 7. N 2 (23). P. 168–173. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29850145_83906075.pdf (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).

Lushen G. Sport i kul'tura [Sport and Culture] // Sport, dukhovnye tsennosti, kul'tura [Sport, Spiritual Values, Culture]. M., 1997. N 2. P. 135–140 (in Russian).

Macionis J. Sociologiya [Sociology]. SPb., 2004 (in Russian).

Niva T. Funktsii sporta v sovremennom obshchestve [Functions of Sport in modern Society] // Sport i obraz zhizni: Sb. statei [Sport and Way of Life: a Digest of Articles] / Pod red. V.I. Stoljarov, Z. Krawczyk. M., 1979. P. 125–133 (in Russian).

Ortega y Gasset J. Histori as a system. N.Y., 1961.

Ortega y Gasset J. Ehstetika. Filosofiya kul'tury [Aesthetics. Philosophy of Culture]. M., 1991 (in Russian).

Ponomarev N.I. Fizicheskaya kul'tura kak ehlement kul'tury obshchestva i cheloveka [Physical Education as the Element of the Society Culture and a Man]. SPb., 1996. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15415401_18726937.pdf (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).

Ponomareva T.A. Fizicheskaya kul'tura i sport v sisteme tsennostnykh orientatsii uchashcheisya molodezhi [Physical Culture and Sports in System of Valuable Orientations of Learning Youth] // Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury [Theory and Practice of Physical Culture]. 2007. N 5. P. 68–69 (in Russian).

Rosenko S.I., Deriugin P.P., Miletskiy V.P. Sovremennaya sotsiologiya fizicheskoi kul'tury i sporta [Sociology of physical culture and sport today] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 2017. N 11. P. 171–172. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_11/Rosenko.pdf (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).

Sinyutin M., Tewari S., Marki V., Nonongo P. Vsemirnyi kongress sotsiologii sporta "Sport, global'noe razvitie i sotsial'nye izmeneniya" [World Congress of Sociology of Sport "Sport, Global Development, and Social Change"] // Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2016.

Vol. XIX. N 3 (86). P. 203–206. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2016_3/Kongress_2016_3.pdf (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).

Sirotkina I. Natsional'nye modeli fizicheskogo vospitaniya i sokol'skaya gimnastika v Rossii [National Models of Physical Education and the Sokol Gymnastics in Russia] // Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]. 2017. Vol. 16. N 2. P. 320–339. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-320-339 (in Russian).

Stevenson C. Sport kak sovremennyyi sotsial'nyi fenomen: funktsional'nyi podkhod [Sport as a Contemporary Social Phenomenon: a Functional Explanation] // Sport i obraz zhizni: Sb. statei [Sport and Way of Life: a Digest of Articles] / Pod red. V.I. Stoljarov, Z. Krawczyk. M., 1979. P. 58–65 (in Russian).

Stolyarov V.I. Sotsiologiya fizicheskoi kul'tury i sporta [Sociology of Physical Culture and Sport]. M., 2005 (in Russian).

Stone G. American sports: play and display // Chicago Review. 1955. N 9 (3). P. 83–100.

Thompson R. Sport i ideologiya v sovremennom obshchestve [Sport and Ideology in Contemporary Society] // Sport i obraz zhizni: Sb. statei [Sport and Way of Life: a Digest of Articles] / Pod red. V.I. Stoljarov, Z. Krawczyk. M., 1979. P. 152–163 (in Russian).

Vdovichenko L.N. Vtoroe dykhanie sotsiologii sporta [Second Breath of Sociology of Sport] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2015. N 9. P. 151–153. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24160870_37306191.pdf (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).

Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [The theory of the leisure class]. M., 1984 (in Russian).

Weber M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works] / Pod red. Yu.N. Davydov. M., 1990 (in Russian).

Weber M. Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii: V 4 t. T. I. Sotsiologiya [Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Vol. I. Soziologie] / Pod red. L.G. Ionin. M., 2016 (in Russian).

Wohl A. Sport i kachestvo zhizni [Sport and the Quality of Life] // Sport i obraz zhizni: sb. statei [Sport and Way of Life: a Digest of Articles] / Pod red. V.I. Stoljarov, Z. Krawczyk. M., 1979. P. 22–35 (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-70-93

О БИОПОЛИТИКЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ПЕТИЦИИ В ЗАЩИТУ ЖИВОТНЫХ В РОССИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕТИЦИЙ CHANGE.ORG)*

Н.К. Радина, докт. полит. наук, проф., проф. департамента социальных наук
Высшей школы экономики, ул. Большая Печерская, 25/12, г. Нижний Новгород,
Российская Федерация, 603155*

В исследовании в контексте биополитики власти и общества содержится кросс-культурное сравнение петиционной активности населения России, Германии, Франции, посвященной защите животных. Материалом стали цифровые архивы международной цифровой платформы Change.org (22452 русскоязычные петиции, территориально связанные с Россией, 1036 немецкоязычных петиций, территориально связанных с Германией, 15887 франкоязычных петиций, территориально связанных с Францией). Онлайн-петиции Change.org не обладают законодательной силой, однако, согласно сложившейся практике, органы власти по итогам общественных дискуссий могут решить проблемы, изложенные в петициях.

Использование программного обеспечения AntConc позволило в общем архиве идентифицировать петиции в защиту животных. Выяснилось, что среди поданных петиций петиций о животных в ФРГ — 12%, в России — 9, во Франции — 8%. Среди победивших петиций 25% петиций о животных в ФРГ, 16 — в России и 10% во Франции. Феномен поддержки петиций в защиту животных со стороны власти в исследовании получил название “имитационный постгуманизм”. Было высказано предположение, что “имитационный гуманизм” в обществах с высоким уровнем жизни населения свидетельствует о заинтересованности власти в общественной поддержке, в обществах с низким уровнем жизни — о дефицитном социальном развитии.

* **Радина Надежда Константиновна**, e-mail: rasv@yandex.ru

Автор статьи благодарит Демина Романа, Егорову Алину, Вдовину Викторину, Ширгину Елену и Артюхову Татьяну — выпускников бакалаврской образовательной программы “Фундаментальная и прикладная лингвистика” (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде) за помощь в обработке эмпирического материала.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00140-А “Электронная петиция как фрейм социальной и политической мобилизации (российская и кросскультурная перспективы)”.

Согласно результатам исследования, петиций в защиту домашних животных создается в два раза больше независимо от лингвокультурного дискурса, чем в защиту диких. Диких животных защищают от убийства и насилия (во время охоты, опытов, эксплуатации в зоопарках и цирках) и в ряде случаев рассматривают в контексте экологического дискурса. Домашних животных защищают от жестокого обращения, требуют регламентации отношений между людьми, обладающими животными (ответственное обладание), а также защиты людей от животных.

Высказывается предположение, что потенциально гражданская активность в защиту животных может быть связана с экологическим активизмом.

Ключевые слова: биополитика, биоэтика, электронные петиции, защита животных, постгуманизм, Change.org

ON THE BIOPOLITICS OF POWER AND SOCIETY: PETITIONS FOR ANIMAL PROTECTION IN RUSSIA, GERMANY AND FRANCE (BASED ON CHANGE.ORG PETITIONS)

Radina Nadezhda K., Doctor of Political Science, Professor at the Department of Social Science, National Research University Higher School of Economics, st. Bolshaya Pecherskaya, 25/12, Nizhniy Novgorod, Russian Federation, 603155, e-mail: rasv@yandex.ru

The study in the context of the biopolitics of power and society suggests a cross-cultural comparison of the petitional activity of the population of Russia, Germany, France, devoted to the protection of animals. The material was composed of archives of the international digital platform Change.org (22452 Russian-language petitions geographically connected with Russia, 1036 German-language petitions geographically connected with Germany, 15887 French-language petitions geographically connected with France). Online petitions of Change.org do not have legislative force, however, according to the established practice, the authorities, following the results of public discussions, can solve the problems stated in the petitions.

The use of AntConc software allowed us to identify petitions for the protection of animals in the general archive. It turned out that the number of petitions filed about animals in Germany was 12%, in Russia — 9, in France — 8%. Among the ‘winning’ petitions there are 25% of them about animals in the Federal Republic of Germany, 16 — in Russia and 10% — in France. The phenomenon of petition support for animal protection by the authorities in the study was called ‘imitative posthumanism’. It was suggested that ‘imitative humanism’ in societies with a high standard of living of the population indicates the interest of the authorities in public support, in societies with a low standard of living it testifies to the deficient social development.

According to the results of the study, there are twice as many petitions for the protection of domestic animals, regardless of the linguocultural discourse, compared to those submitted to defend wild animals. Wild animals are protected from murder and violence (during hunting, experiments, exploitation in zoos and circuses) and in some cases are considered in the context of environmental discourse. Pets are protected from harsh treatment, require regulation of relations between people who own animals (responsible possession), as well as protection of people from animals.

It is suggested that potential civic engagement in the protection of animals may be associated with environmental activism.

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00140-A.

Key words: *biopolitics, bioethics, electronic petitions, animal welfare, posthumanism, Chang.org.*

До последнего времени животные в Российской Федерации были защищены Конституцией РФ (статья 9 об охране природных ресурсов и статья 35 о праве частной собственности), Гражданским кодексом РФ (статья 230 о безнадзорных животных, статья 231 о праве собственности на безнадзорных животных, статья 232 о расходах и вознаграждении за содержание безнадзорных животных и статья 229 о возмещении расходов, связанных с находкой) и Уголовным кодексом РФ (раздел IX, глава 25, статья 245 о жестоком обращении с животными).

В ноябре 2010 г. в первом чтении Государственной Думой РФ был принят закон “Об ответственном обращении с животными”, а в декабре 2018 г. закон был принят в третьем чтении и вступил в силу. Новый закон запрещает убийство животных (домашних и диких, живущих под присмотром человека) и пропаганду насилия над ними, а также определяет правила их содержания¹. Все долгие годы доработки закона активисты зоозащитного движения, добиваясь принятия закона, выступали с протестами, пикетами и даже голодали².

В том же 2018 г. Министерство строительства РФ подготовило приказ “Об утверждении правил и норм содержания общего имущества в многоквартирном доме”, названном журналистами “лазейкой для кошек”, в котором сообщается, что по решению общего собрания жильцов на все проходы многоквартирного дома могут быть установлены сетки с размером ячеек 0,5 см и хотя бы на одном — с размером ячейки в 15 см, для того чтобы бездомные кошки могли беспрепятственно посещать городские подвалы³.

Иронические и/или участливые тексты российских и зарубежных журналистов о животных и российских законодательских новостях маркируют зоны “биополитической активности” общества

¹ Щербак А. В России впервые приняли закон о защите животных. Что в нем написано // Tass.ru. 2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5925917> (дата обращения: 06.07.2019).

² Дума не могла принять зоозащитный закон много лет // Lenta.ru. 2019.19.12. URL: <https://lenta.ru/brief/2018/12/19/zivotina/> (дата обращения: 06.07.2019).

³ Егоршева Н. Минстрой оставил лазейку для кошек в подвалах многоэтажек // Rg.ru. 2018.24.07. URL: <https://rg.ru/2018/07/24/minstroj-ostavil-lazejku-dlia-koshek-v-podvalah-mnogoetazhek.html> (дата обращения: 06.07.2019).

и правительства. Журналисты указывают и на “кошачье лобби” в лице депутата “Единой России”, председателя комитета Госдумы по экологии Владимира Бурматова, который, “заступаясь за кошек”, по мнению журналистов, может достичь успехов быстрее, чем со своими инициативами против опасных промышленных выбросов⁴.

Законотворческая активность общества и власти, регламентирующая жизнь животных, характерна не только для России. Так, в феврале 2018 г. во время активных дискуссий, связанных с Brexit, Комитетом по петициям Великобритании для обсуждения в Вестминстерском зале в ответ на продолжающиеся кампании граждан Великобритании, призывающих к запрету экспорта живых животных, прибывающих “на мясо”, была выбрана электронная петиция 200205, касающаяся экспорта на убой сельскохозяйственных животных после того, как Великобритания покинет Европейский Союз⁵. Общество выступает в защиту животных, правительства поддерживают или игнорируют общественные инициативы, однако вся эта общественная, гражданская, политическая активность указывает на значимость биополитических проблем, на роль биополитики в общем политическом контексте.

Цель статьи — идентификация и анализ основ биополитики в контексте общества (в контексте общественных ценностей и практик) и в контексте биополитических приоритетов и практик государственной власти, а также кросс-культурное сравнение общественных и правительственных биополитических практик России с практиками европейских стран на материале электронных петиций международного портала для подачи онлайн-петиций Change.org, посвященных защите животных.

Власть и биополитика: ключевые концепции

Биополитика представляет собой “интеллектуальную/научную программу”, группу теорий и концепций, а также форму власти, ориентированную на управление жизнью и населением⁶.

Исторически биополитические идеи восходят к Аристотелю (384–322 до н.э.), который в “Истории животных” дает исходное

⁴ Локишин П. Как московские кошки превратились в инструмент политики // Die Welt. 2019.04.01. URL: <https://www.inopressa.ru/article/04Jan2019/welt/katzen.html> (дата обращения: 06.07.2019).

⁵ Ares E., Webb D., Ward M., Sutherland N. Debate on an e-petition relating to ending the export of live farm animals after the UK leaves the EU // Number CDP 2018/0042. 2018. 20 Febr. URL: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CDP-2018-0042> (accessed: 06.07.2019).

⁶ Laurette T.L., Walsh M.B. The competing meanings of “biopolitics” in political science // Politics and the Life Sciences. 2012. N 1–2 (31).

определение человека в качестве “общественного (политического) животного”⁷, и поддерживаются рядом исследователей, включая Рудольфа Челлена (Rudolf Kjellen) (термин “биополитика” впервые начал употребляться в 1920-е гг.)⁸, Роберта Морли, опубликовавшего в 1938 г. эссе о биополитике⁹, Линтона Колдуэлла с программной и “пионерской” статьей¹⁰, задающей весь спектр дальнейших изысканий биополитиков¹¹, Мишеля Фуко, который считал тело гражданина биополитической реальностью, а медицину — биополитической стратегией¹².

В настоящее время сложились три основные традиции в изучении биополитики, дискурсивно практически не связанные¹³:

- биополитика как наука о биологических основах политического и социального;
- биополитика как особая властная практика, как “приватизация” властью “голой жизни” или человеческого капитала;
- биополитика как пересечение современных биологических и политических проблем, объединяющее биологию и политические науки.

Теоретические рамки первой традиции, в которой человек рассматривается как продукт биологической эволюции и акцентируется этологический подход к деятельности человека, включают несколько школ: американскую (Л. Колдуэлл, А. Сомит, Т. Виджел, С. Петерсон, Р. Мастерс, П. Корнинг, В. Эндерсон и др.), германскую (Х. Флор, В. Тённесманн, П. Майер и др.), греческую (А. Влавиянос-Арванитис и

⁷ Шафигуллин В.А. Из истории развития биополитических знаний // Ученые записки Казанской государственной Академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. Материалы всероссийской научно-практической конференции “Актуальные проблемы научного и кадрового обеспечения инновационного развития АПК” (29–31 мая 2012 г.). Казань, 2012.

⁸ Фомин-Шахов О. Биополитический контроль элит // Развитие и экономика. 2013. № 8.

⁹ Morley R. Bio-politics: an essay in the physiology, pathology and politics of the social and somatic organism. L., 1938.

¹⁰ Caldwell L.K. Biopolitics // Yale Review. 1964. N 54.

¹¹ Олескин А.В. Биополитика. М., 2007; Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска). М., 2009.

¹² Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. Дисциплина. М., 1999; Он же. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005; Он же. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб., 2007; Он же. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010.

¹³ Радина Н.К. Психология и биополитика: о перспективах междисциплинарных исследований // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6.

др.)¹⁴. В России продвигается биологами, а с конца 1980-х гг. имеет активно действующую научную площадку на биологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова и известна во многом благодаря работам М.В. Гусева, А.Т. Зуба, А.В. Олескина.

Теоретические рамки второй традиции (политическая приватизация человеческого капитала или “голой жизни”) в основе имеют работы Мишеля Фуко, рассматривающего биополитику как особую властную практику. Мишель Фуко мыслит биовласть шире (шире, чем просто биотехнологии) и напрямую связывает ее с понятием человеческий капитал, который создается благодаря педагогическим, психологическим и медицинским практикам, включая материнскую заботу о ребенке: “...отношения между матерью и ребенком, которые можно назвать формативными и воспитательными в самом широком смысле, можно проанализировать в терминах инвестиции, стоимости капитала, выгоды от вложенного капитала, экономической и психологической выгоды”¹⁵.

В качестве задачи биополитики Фуко определяет проблематизацию всех областей воспитания, культуры, образования вокруг человеческого капитала, при этом индивида рекомендуется рассматривать как предприятие, как инвестора, поскольку именно жизненные условия обеспечивают доход от капитала.

Традиции биополитики как политической приватизации индивида раскрываются в работах Дж. Агамбена, Ж. Бодрийяра, А. Негри, М. Хардта и др. В рамках данной традиции Дж. Агамбеном было предложено понятие “голая жизнь” (собственно биологическая жизнь), при помощи которого он анализирует тоталитарные общества, где “голая жизнь” выступает объектом манипуляций со стороны власти¹⁶.

Третье направление биополитических идей (биологический уровень современных политических проблем) формируется на основе необходимости власти отвечать на вызовы современной науки, биомедицинских технологий и т.п.

Проблемы детской и взрослой эвтаназии и трансплантологии, киборгизация человеческого тела, клонирование человека, генная инженерия и биологическое оружие — новые темы биополитики, требующие рефлексии, анализа и практического действия со стороны власти как на уровне законодательной активности, так и в общей политической практике.

¹⁴ Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии. Философские, политологические и практические аспекты. М., 2001.

¹⁵ Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. С. 306.

¹⁶ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.

Общество и биополитика: этическая регуляция отношений с животными

При формулировании координат биополитических стратегий не власти, а общества, выясняется, что данные стратегии в научных работах рассматриваются не в терминах управления (биополитики), а в терминах отношений и этической регуляции (биоэтики). Первоначально этика отношений человека с животным строилась на хозяйственной полезности и божественной атрибуции животных¹⁷. В качестве базовых регуляторов выступали религиозные аксиомы, представленные в религиозных трактатах (в буддизме, христианстве, исламе и т.д.), содержащие описания, регламентирующие поведение человека с животными в контексте нравственного долга и идеи ценности любой жизни¹⁸. Правила бытовой этики в отношении с животными конституировал и фольклор, особенно в отношении тех животных, которые непосредственно оказывались включенными в хозяйственный уклад человека¹⁹.

Научная рациональность XIX в. усложняет этическое поле отношений человека и животных, предлагая животным в рефлексивном поле позицию Другого, которая используется человеком как точка отсчета для самопонимания, для осмысления природных, социальных и культурных человеческих особенностей (философские практики для самопонимания общества²⁰), а также для формирования ответственности перед живым-Другим-(не)человеком в контексте вивисекции, опытов над животными, в контексте становления борьбы за права животных (правозащитные практики)²¹.

Философия о животных для общества как бы разъясняет указания на идентичность Другого-животного (анонимного животного

¹⁷ Радина Н.К. Сравнительный анализ электронных петиций в защиту животных на цифровых платформах РОИ и Change.org // Социум и власть. 2019. № 1 (75).

¹⁸ Бибалаева Л.Н. К вопросу об отношении человека к животным в мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. 2010. № 202.

¹⁹ Балистрери К. Об анималистической литературе // Детские чтения. 2013. № 1 (3); Текеева Л.К. Домашние животные в традиционном мировоззрении тюркоязычных народов Северного Кавказа (XIX — начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (1).

²⁰ Кременцов Н.Л. Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений // Этология и зоопсихология. 2010. № 2. URL: <http://www.rbcu.ru/information/269/17389/> (дата обращения: 28.10.2019); Тимофеева О.В. “Мы” и “они”: Сообщество после гуманизма // Вопросы философии. 2016. № 6.

²¹ Берегой Н.Е. Чарльз Дарвин, вивисекция и история викторианской науки // Историко-биологические исследования. 2009. № 1 (1); Боровик М.А., Михель М.А. Движения по защите животных: история, политика, практика // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 2 (8).

множества) как суть человеческого бессознательного (в работах З. Фрейда, Ж. Лакана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари)²². Животные в данной оптике оказываются не внешней, а внутренней институцией человеческого “Я”, воплощением бессловесной и нерелексивной стороны человеческой психики, утверждая этику постгуманизма, направленную не только на людей, но и на окружающий мир в целом.

Таким образом, если власть стремится к управлению жизнью (и “населением”/обществом), что и представляют биополитические концепции, то общество, как правило, с “жизнью” взаимодействует (без необходимости прямого управления), нуждаясь более в биоэтике, нежели биополитике.

Методы и материалы исследования

Теоретически представляемое исследование опирается на функционанскую ветку биополитики, рассматривая жизнь животного как аналог “голой жизни” и как отражение общественного бессознательного.

Петиции (на русском, английском, французском и немецком языках) были извлечены из цифровых архивов международной платформы для подачи петиций Change.org за период 2012–2017 гг. и далее отсортированы по территориальному признаку. В результате в анализе было задействовано 22452 петиции на русском языке, территориально связанные с Россией (после отбраковки в анализе победивших петиций — 918), 1036 петиций на немецком языке, территориально связанных с Германией (победивших петиций — 193), 15887 петиций на французском языке, территориально связанных с Францией (после отбраковки из-за отсутствия метаданных в анализе победивших петиций — 570 текстов).

Международная цифровая платформа для подачи онлайн-петиций Change.org действует в 196 странах мира, петиции создаются на 14 языках. Change.org независима от каких-либо правительств (созданные петиции носят для власти необязательный характер даже в случае значительной поддержки онлайн-голосованием), отражает активность общества и особенности его взаимодействия с властью.

Выбор Change.org обусловлен доступностью цифровых архивов и возможностью получения основной информации о петиции (время и регион создания петиции, число голосующих в поддержку, результат петиции). Результативность петиции на платформе по итогам голосования определяет создатель петиции, руководствуясь фактами о решении проблемы, сформулированной в петиции. По-

²² Тимофеева О.В. Указ. соч.

скольку, как правило, петиции обращены к органам власти разных уровней, победившие петиции фактически указывают на те вопросы, задачи, проблемы, которые власть в диалоге с обществом решает более охотно и последовательно.

В каждом языковом сегменте петиции о животных были отобраны на основе методов корпусной и компьютерной лингвистики (семантический анализ при помощи AntConc и тематическое моделирование на основе TopicMiner). Эти петиции сравнивались в контексте противопоставления поданных и победивших петиций.

В исследуемых странах сложились разные традиции в области защиты животных (и на уровне государственного законодательства, и на уровне общественных движений), поэтому интерес общества к защите животных и готовность власти поддерживать петиции в защиту животных связывались в исследовании именно с социокультурными и политическими основаниями, формирующими биополитическую оптику социума и власти.

Результаты: поданные и победившие петиции о животных (Россия, Германия, Франция и Великобритания)

Среди созданных петиций на Change.org (независимо от страны) петиции о животных выделяются и формируют вполне заметную группу, не сливаясь с петициями экологической проблематики. Власть также вполне охотно поддерживает петиции о животных, не оставляя их без внимания. Тем не менее, интерес к петициям о животных отличается в разных странах (см. рис.).

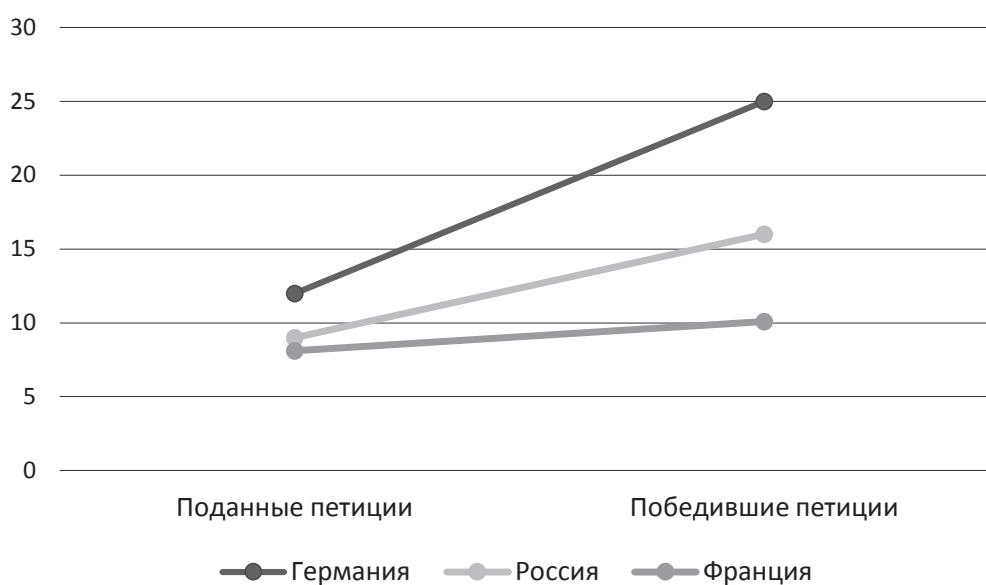

Рис. Сравнительный анализ поданных и победивших петиций о животных: Германия, Россия, Франция (%)

В относительных показателях самый высокий интерес к проблемам животных (судя по петициям на Change.org) — в Германии (всего проанализировано 1036 петиций, 193 победивших). В данную тематическую группу вошли петиции, призывающие к улучшению содержания с животных, к предотвращению жестокого обращения с ними, включая запрет на косметику, которая тестируется на животных, сохранение естественной среды обитания орангутангов, запрет на насилие в отношении животных на Facebook, прекращение экспериментов над крысами, запрет на эксплуатацию дикой природы в цирке и даже призывающие запретить катания на лошадях и пони в парках.

Властные инстанции, к которым обращаются податели петиций, охотно идут навстречу создателям петиций о животных: среди победивших (решивших задачу, поставленную в петиции) четверть — именно петиции о проблемах животных (во всем мире, не только в Германии).

Sara La Porta (id 11208548), “EU-Kommissar für Gesundheit und Lebensmittelsicherheit: Herr Vytenis Andriukaitis: Palmöl-Verbot zum Erhalt des natürlichen Lebensraumes der Orang Utans!” (48 участников кампании).

Lars Lachmann — NABU-Vogelschutzexperte (id 1311565) am 23.09.2013, “Stop the massive bird slaughter in Egypt!” (57732 участника кампании).

Steffi Rink (id 11387318) am 27.05.2017, “Tati Neuhaus: Stoppt die Doghunter in der Ukraine”(693 участника кампании).

Martina Grosse (id 5879470) am 07.02.2016, “Please help the bears in Zoo in Kaliningrad!” (56238 участников кампании).

Петиции в защиту животных доминируют в семи федеральных землях (Бавария, Баден-Вюртемберг, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Саар, Тюрингия). И если в Восточной Германии защита животных — одна из значимых, но не лидирующих проблем (на уровне поданных петиций), то в Западной — это тематика-лидер, потеснившая проблему прав человека. В Западной Германии за изучаемый период из 130 победивших петиций 32 были посвящены животным (25%), а в Восточной Германии — из 63 победивших — 14 о проблемах животных (22%). Таким образом, если современная этическая система западных земель Германии не антропоцентрична, а биоцентрична и немецкое общество на западе стремится к ценностям постгуманизма, то немецкая бюрократическая машина на всей территории ФРГ работает “как машина” без особых различий на западе и востоке.

В России (всего петиций 22452, проанализированных победивших 918) тенденция внимания к жизни животных сохраняется: каждая десятая петиция — о животных, а среди поддержанных петиций — о животных более 15%.

Андрей Попов (id5248778) из Москвы, от 23.12.2015, “Ужесточить наказание за жестокое обращение с животными!!!” (577 участников кампании).

Динара Скавронская (id9006959) из Мурманска, от 25.11.2016, “Краснокишечные дикие олени Мурманской области в опасности! Мы против истребления фауны!” (58392 участника кампании).

В России защита животных на уровне создания петиций ни в одном федеральном округе не становится лидирующей: ценности российского общества исключительно антропоцентричны и гуманистичны в классическом понимании. Тем не менее, в некоторых регионах России поддерживаются преимущественно петиции о животных. Так, в Дальневосточном федеральном округе поданные петиции о животных составляют 3,5% от общего числа петиций, однако 95% поддержанных петиций в регионе решают проблемы животных²³. Складывается впечатление, что постгуманизм в данном регионе присущ исключительно региональной власти на фоне сугубо антропоцентричных ценностей общества округа.

Во Франции (всего поданных петиций 15887, проанализированных победивших — 570) среди поданных петиций о животных — 8%, и каждая десятая петиция среди победивших — о животных.

Maguy LESUEUR (id6950705), от 03.05.2016, “Pour la presence de Maguy et Loiseau Lyre ? la guinguette 2016? St Jean de Braye” (483 участника кампании).

Vanessa MACRI (id12923472), от 01.2018, “Ministre de l’agriculture: STOP? L’abattage des canards en prevention pour toucher les subventions!” (864 участника кампании).

Во Франции петиции о животных популярны, однако доминируют среди тематик поданных петиций — социальные проблемы (16%), а с проблемами защиты животных конкурируют проблемы, связанные с экономикой (8%), экологией (8%), терроризмом (8%), дискриминацией (8%), культурой (8%) и т.д. Среди победивших петиций лидируют социальные проблемы (16%), защита животных, как и решение экологических проблем, представлена в каждой десятой победившей петиции.

²³ Радина Н.К., Крупная Д.А. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных цифровых платформ (на материале Change.org) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6.

Защита животных в петициях: кого защищают и почему?

Чтобы выяснить, кому посвящены петиции о животных, кого считают нуждающимися в защите, был проведен анализ текстов на основе методов корпусной лингвистики с использованием программного обеспечения AntConc (определялись биграммы с ключевыми словами).

В петициях немецкоязычного сегмента Change.org около 70% петиций о животных оказались посвящены домашним животным и треть — диким. Что касается успешности, поддерживаются лишь 12% инициатив (от всего объема петиций о животных) о домашних животных и 6% — о диких. В качестве объектов заботы в петициях о домашних животных в Германии выступают кошки, собаки, лошади и хомяки, а о диких животных — животные в зоопарках, слоны, медведи, кабаны, цирковые животные, львы, тигры, экзотические животные, жирафы (табл. 1).

Таблица 1

Объекты заботы в петициях о животных в Германии

Дикие животные		Домашние животные	
Объект заботы	Контекст	Объект заботы	Контекст
Животные в зоопарках, слоны, медведи, кабаны, цирковые животные, львы, тигры, экзотические животные, жирафы, крысы	Животноводство, антибиотики у животных, заповедники для медведей, браконьерство, эמודжи с животными, цирк, стресс, зоопарк, угроза исчезновения вида, опасность, смерть, охота	Кошки, собаки, лошади, хомяки	Спокойствие, природа, клеймо, запрет, смерть, вакцина, друг, собачий спорт, агрессивный, приют, перевозка, зоомагазины, опыты, работа, сельскохозяйственное животное, карнавальное шествие, ребенок, деньги, элита

Диких животных в петициях защищали от смертельной опасности (охота, браконьерство, животноводство) или от использования в качестве развлечения (стресс, цирк, зоопарк), а также от использования в опытах (лабораторных крыс).

Daniela Antela (id1423218), Donzdorf, am 29.01.2014, «Zoo Duisburg „Delfinarium“: Sofortige Zuchteinstellung und mittelfristige Schließung!» (15815 участников кампании).

Домашних животных защищали от возможности быть брошенными (приют), или умерщвленными (эвтаназия), или использованными в состязаниях (собачий спорт, агрессивный, деньги), или от условий неправильной транспортировки (перевозка) и плохого

содержания в зоомагазинах, защищали от возможности выступать объектом демонстративного потребления (деньги). Домашние животные также представлялись в контексте близких отношений с людьми (спокойствие, друг, ребенок).

Club der 4 Pfoten (id901253), Marktheidenfeld, am 01.12.2012, «Innenminister Bayern Joachim Herrmann (CSU): Polizeihund “Cabil” soll nicht eingeschläfert werden !!!» (220 участников кампании).

Русскоязычный сегмент петиций о животных на Change.org, как и немецкоязычный сегмент, содержал две трети петиций о домашних животных и треть — о диких. В качестве объектов заботы и защиты в петициях выступили дикие (тигр, волк, дельфин, кабан, медведь, зоопарк, цирк, олень, тюлень, зверь) и домашние (собаки, коровы, кошки, лошади) животные (табл. 2).

Таблица 2

Объекты заботы в петициях о животных в России

Дикие животные		Домашние животные	
Объект заботы	Контекст	Объект заботы	Контекст
Тигр, волк, дельфин, кабан, медведь, зоопарк, цирк, олень, тюлень, зверь	Травма, отлов, гибель, голод, калечить, наблюдение, рана; шоу, дрессировщик, адаптация; лежать в контейнере, гастроли, заграница, ветеринарная проверка; отстрел, охота; бешенство, клетка, содержание, травля, лес, цирк, реабилитационный центр, зоопарк, защита, издевательство; убийство, забой, добыча, разрешение, красная книга; клетка, отлов; содержание, мясо, неволя, обитать	Собаки, коровы, кошки, лошади	Питомец, убийство, жестокость, приют, защита, агрессивность, выгул, лай, безнадзорный, травма, охота, спасение, голод, отравление, приманка, насилие, убийство, регистрация, спасение, лишение, подвал, пристрой, опека, нарушение, гибель, катание, содержание, работа, спорт

Диких животных спасали от истязаний в цирках и зоопарках (травма, калечить, голод, лежать в контейнере, неволя и т.д.) и убийств (лес, охота, красная книга и т.п.).

Daria Averkina (id10250465), Москва, 2017, “Примите в России закон против использования диких животных в цирковых представлениях” (123 527 участников кампании).

Домашних животных защищали от плохого ухода (регистрация, питомец и т.п.) и безнадзорности (жестокость, приют, голод и т.п.), от эксплуатации (катание, содержание, спорт и т.п.), а также от ограничений в свободе (лишение, подвал, гибель и т.п.).

Sergeya Boeva (id1470171), 2014, “Остановить жестокие убийства собак в Ельце” (3548 участников кампании).

Защита людей от животных угадывается в некоторых биграммах (лай, безнадзорный и др.).

Необходимо отметить, что петиции о диких животных и в России, и в Германии схожи по основным проблемам: диких животных защищают от убийства во время охоты на них, а также от эксплуатации в цирках, зоопарках и других “структурах неволи”. Сравнительный анализ социальных практик, связанных с животными, описанных в петициях русскоязычного и немецкоязычного сегментов Change.org, позволяет предположить, что именно петиции о домашних животных в большей мере раскрывают суть этических рамок, регулирующих отношения общества с животными. Это касается и разнообразия

Таблица 3

Объекты заботы в петициях о животных во Франции

Дикие животные		Домашние животные	
Объект заботы	Контекст	Объект заботы	Контекст
Волки, лисы, птицы, насекомые, рептилии, тигры, дельфины, мыши, олени, кабаны	Морда, овечья шкура, злой, воет, ум, убивать, цирк, спасать, детёныши, альбиносы, с физическими недостатками, замученный, маленькие, плененные, использовать, выступление, талант, охотиться, защита, охота, семья, вредить, смерть, питаться, убийство, бойня, умерщвление, вредные, экосистема, нашествие, кишашие, маленький, тестировать, исчезновение, убивая, живые, исчез, против, вырубка, охота, убитый, беззащитный, охота, потерянные, очистка, полёт, желудки, отравления, исчезновение, инсектицид, перелетные, пение, задыхаться, гнездиться, смерть, природная среда, бедная, использованные	Собаки, щенки, кошки, котята, кролики, куры, лошади	Брошенные, живые, закрытые, кормить, миленькие, приют, пить молоко, толстый, жестокое обращение, кормить, отравляет, жестокость, питание, спорт, доверчивые, эвтаназия, боевая, разведение, раненные, спасать, любители, замученные, здоровье, страдать, кастрация, резать, мертвый, ангорские, терять, экосистема, отравляют, клетки, задавленный, счастье, ответственность, спокойный, заботливый, эмоциональный, поводыр, приютить, гончая, компаньон, сторожевой, породистый, послушный, ласковый, преданный, смертельная ловушка, на поводке, на свободном выгуле, бедный, владелец, любимый, фекалии, убивать, пристрелить, надевать намордник, выпустить пар, дерьмо, терять, продавать, спасти, малыш, маленький

угроз, которые сопровождают жизнь домашних животных в обществе людей, а также описания характера отношений человека и домашнего питомца, отраженных в петициях.

Франкоязычный сегмент петиций о животных на Change.org сохранил доминирование петиций о домашних животных (две трети от общего числа петиций о животных). В качестве домашних животных, объектов защиты в петициях, выступили собаки, щенки, кошки, котята, кролик, куры, лошади. Среди диких животных в петициях волки, лисы, птицы, насекомые, рептилии, тигры, дельфины, мыши, олени, кабаны (табл. 3).

Диких животных, как и в русскоязычных, и в немецкоязычных петициях защищали от убийства во время охоты (охота, смерть, бойня и т.п.), от эксплуатации в цирках и зоопарках (замученный, плененные и т.п.) и гибели во время опытов (тестирование, использованные и т.п.). В то же время появились новые темы, например, спасение животных как части гибнущей экосистемы под вредоносным воздействием человека (экосистема, вырубка, желудки, отравления, исчезновение, инсектицид, задыхаться, гнездиться и т.п.). Также новой является тема защиты от животных (вредить), а именно от мышей.

Tayeb Alexandre (id12845925), Париж, от 13.12.2017, "Empêché de tuer Les loups de France" (180 участников кампании).

Франкоязычные петиции о диких животных психологизированы, животные в них описывались с конкретизацией "психологических особенностей" (злой, ум, талант и т.д.).

Домашних животных в петициях защищали от плохого обращения (брошенные, закрытые, кастрация и т.п.), убийства (эвтаназия, убийство и т.п.), состязаний, включая работу заводчиков и выведение новых пород (разведение, ангорская, спорт и др.). От хозяев требовали соблюдения правил содержания животных (фекалии, надевать намордник, на поводке и т.п.), а животных психологизировали и очеловечивали (послушный, ласковый, малыш и т.п.).

Natacha Desbiens Lavoie (id12648847), 28.10.2017, "Cruauté? vers les chats et les chiens" (137 участников кампании).

Как и в немецкоязычных петициях, во франкоязычных петициях о домашних животных присутствовала тема близких отношений домашних животных и людей (счастье, ответственность, заботливый и т.д.).

Вообще в петициях трех стран и трех дискурсов о животных оказалось достаточно много общих характеристик и, как обычно, некоторые специфические черты, создающие уникальность социокультурного ландшафта.

Обсуждения и дискуссии

В материалах для анализа самое значительное число петиций за изучаемый период (2012–2017 гг.) — на русском языке (22452 текста), также объемён франкоязычный корпус петиций (15887 текстов), немецкоязычная коллекция менее значительна (1036 текстов). Этот объём свидетельствует в пользу большей или меньшей активности граждан, постоянно создающих и размещающих на Change.org тексты с требованиями.

Среди российских политологов принято считать цифровую политическую или гражданскую активность — “бессмысленным” слактивизмом²⁴, включая формат онлайн-петиций²⁵. Представленное исследование отстаивает иную точку зрения и в отношении цифровой гражданской активности вообще и цифровой петиционной активности в частности. Во-первых, часть петиций решает те проблемы, ради которых создавалась (активность в “реальном мире” также не всегда результативна), т.е. по факту петиционная активность время от времени оказывается вполне продуктивной. Во-вторых, информационные кампании вокруг петиций, раскрученные в старых и новых медиа, вовлекают в обсуждение общественных проблем все большее число граждан, обращаются к этическим и ценностным нормам общества, работают с мотивацией граждан в области актуальной и будущей политической активности. Представляется, что результативность работы с мотивацией общества сложно переоценить. В-третьих, во многом за счет незаорганизованности и стихийности материалы цифровой активности создают значимый исследовательский материал, доступный и важный для понимания социальной жизни и изучения общественных процессов.

О чем же свидетельствуют поданные и поддержанные петиции о животных, созданные жителями России, Германии и Франции?

Первые итоги анализа петиционной активности позволяют предположить, что защита животных — одна из важнейших общественных ценностей: независимо от страны и социокультурного дискурса люди пытаются защищать животных в первую очередь от себя (общества и цивилизации). В этой направленности возможно рассмотреть как объективную реальность человеческого техногенного вторжения и разрушения естественных/природных основ жизни, так и попытку очеловечивания животных, живущих рядом с человеком,

²⁴ Morozov E. The NET DELUSION: the dark side of Internet freedom. N.Y., 2011.

²⁵ Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: новые формы политического участия. Глобальные социальные трансформации XX — начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции). Материалы научной конференции IX Ковалевские чтения 9–11 ноября 2017 года. СПб., 2017.

образующих бесправную группу “вещей и нечеловеков”, чьи права в человеческом обществе ущемлены.

В то же время общества в России и Франции, создающие петиции на независимых цифровых платформах, действуют в гуманистических координатах и в целом — антропоцентричны. Проблемы животных на этих территориях значимы, однако не являются доминирующими среди общего списка трудностей, требующих решения. Кроме того, в России петиции о животных как бы “подавляют” экологическую проблематику, чего не наблюдается во Франции (во Франции петиции об экологии не менее распространены на Change.org, чем петиции о животных). Что же касается ФРГ (особенно в этом убеждают петиции западной Германии), возможно предположить, что это — территория европейского постгуманизма и биоцентризма. Петиции о животных здесь среди лидеров по общественным петиционным инициативам, их создают территориальные сообщества, которые также активны в создании петиций о правах человека и экологии.

Анализ биополитических стратегий власти в контексте петиций во многом зависит от теоретической оптики. Местные, региональные и федеральные власти изучаемых стран, к которым, как правило, обращены петиции о животных, охотно откликаются на призывы о помощи животным, в ряде случаев чаще, чем на призывы о помощи людям. Во всех изучаемых странах число поддержанных петиций о животных в процентном соотношении выше, чем поданных. В некоторых российских регионах поддержанные петиции в защиту животных вытесняют проблемы людей²⁶. Это позволяет предположить существование феномена имитационного постгуманизма власти, что предполагает использование при анализе результатов петиционной активности фукинианской логики. В этой логике животные становятся удобными “заменителями” людей (носителями “голой жизни” по Агамбену), а достаточно простое решение их проблем (например, отмена эвтаназии служебной собаки) без особых усилий создает видимость успеха взаимодействия общества и власти. Таким образом, имитационный постгуманизм власти свидетельствует о стремлении власти продемонстрировать свою псевдо-открытость и всевро-продуктивность в решении общественных проблем.

Возможно, феномен имитационного постгуманизма власти функционирует схоже с феноменом демонстративного потребления²⁷: в том случае, если общество в целом обладает социально-экономическим благополучием, ориентировано на решение экологических

²⁶ Радина Н.К., Крупная Д.А. Указ. соч.

²⁷ Радина Н.К., Ким Н.В. О психологии “наивного антиконсюмеризма” в молодежной среде // Вопросы психологии. 2014. № 6.

проблем и защиту животных, постгуманизм власти не вступает в противоречие с общественными ценностями и служит только маркером заинтересованности власти в общественном одобрении. Однако в том случае, если общество не обладает позитивными показателями социально-экономического развития, постгуманизм власти выступает как “имитационный постгуманизм” и свидетельствует об искаженном, дефицитарном общественном развитии.

Что же касается объектов заботы и защиты в петициях о животных на Change.org, независимо от стран и лингвокультурных дискурсов (в России, Франции и Германии) домашних животных защищают в два раза чаще, чем диких. “Урбанистичность” как характеристика организации жизни создателей петиций проявляется в выборе домашних животных, на которых направлена забота и защита в петициях: кошки, собаки, хомяки (и лошади — не в качестве сельскохозяйственных животных, а в качестве животных для спорта и удовольствия). Домашних животных защищают от общества (от убийства, насилия, заброшенности и эксплуатации, включая насилие со стороны заводчиков и создателей новых пород), регламентируют отношения между людьми в контексте взаимодействия человека и животного (регламентация содержания животных в обществе людей), защищают человека от животных (нападения, нашествия и т.п.). В уникальных случаях требуют регламентации возможностей параллельного существования брошенных домашних животных (как это случилось с “проходами для бездомных кошек” в российских подвалах).

Тексты петиций о домашних животных показывают, что домашние питомцы (не приносящие очевидной рациональной пользы кроме, пожалуй, психологической поддержки) обретают особый статус, очеловечиваются и оказываются тесно включенными в социальную ткань общества. Эмоциональность и глубина этих отношений, возможно, релевантна связям из прошлого, когда животные в семье обеспечивали витальное существование, а не только эмоциональное благополучие (например, зависимость крестьянской семьи от содержания домашних животных).

Диких животных чаще всего защищают от охоты и эксплуатации в цирках, зоопарках, дельфинариях и т.п. Примечательно, что во Франции требования в петициях о защите диких животных тесно связаны с решением экологических проблем с классическими требованиями правозащитников в области опытов над животными.

Научные работы в области защиты животных в дискурсе российских исследований, как правило, сосредоточены в правовой

области²⁸ или в области истории движений в защиту животных²⁹. Проведенное исследование показывает, что стихийная и организационно неформальная активность населения в защиту животных (вне движений и вне юридических дискуссий) может выступать как разноплановая сила, потенциал которой недооценен.

Активность населения в защиту животных, отраженная в онлайн-петициях независимых от правительств цифровых ресурсов, в настоящее время остается по-прежнему невидимой для исследователей, но оказывается достаточно влиятельной в отношении органов власти. В этом и заключается главный парадокс и ключевая интрига петиционной активности населения, создающего и подписывающего петиции о животных, не имеющих юридической силы, но изменяющих окружающую реальность — существенно или в мелочах.

Выводы

Анализ петиций о животных на негосударственной международной цифровой платформе для подачи петиций Change.org (архив 2012–2017 гг.; франко-, немецко- и русскоязычный сектора, территориально связанные с Францией, Германией и Россией), позволяет сделать следующие выводы:

- биополитические стратегии управления населением и жизнью в целом (включая животных) характерны для органов власти; обычные социальные практики, повседневное взаимодействие животных и общества более полно представляет этическая регуляция (вне однозначного управления), детерминированная религиозными, бытовыми, фольклорными и научными основами, включая рефлексивные философские концепции об отношениях человека и животных;
- петиции о животных на независимых платформах (в данном случае — Change.org) — популярная тема, привлекающая голосующих и занимающая в изучаемых лингвокультурных секторах не менее 10% объема всего архива петиций; это свидетельствует о ценности отношений человека и животных, ценности, безусловно разделяемой разными культурами и обществами;

²⁸ Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления: дисс. ... канд. юрид. н. СПб., 2016; Черняк А.З. Экологическое сознание, права животных и справедливость // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2018. № 4 (66). URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/519.html> (дата обращения: 06.07.2019).

²⁹ Боровик М.А., Михель М.А. Движения по защите животных: история, политика, практика // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 2 (8).

- статус “победившие” в результате решения органами власти проблем, изложенных в петиции в защиту животных, получает значительное число петиций, в процентном отношении — больше, чем поданных; этот феномен в исследовании представлен как “имитационный постгуманизм”, который в обществах с высоким уровнем жизни свидетельствует о заинтересованности власти в общественной поддержке, а в обществах с низким уровнем жизни — об искаженном дефицитарном социальном развитии;
- петиций в защиту домашних животных создается больше (согласно результатам данного исследования — в два раза больше независимо от лингвокультурного дискурса), чем в защиту диких; домашних животных очеловечивают, отношения с ними психологизируют, наполняют эмоциональными красками;
- диких животных защищают от убийства и насилия (во время охоты, опытов, эксплуатации в зоопарках и цирках) и в ряде случаев рассматривают в контексте экологического дискурса; домашних животных защищают от жестокого обращения, требуют регламентации отношений между людьми, обладающими животными (ответственного обладания), в некоторых петициях присутствуют обращения о защите людей от животных.

Существуя, как правило, вне экологического дискурса, петиции в защиту животных маркируют те зоны гражданской активности, которые выглядят аполитично, психологично и не вызывают тревоги у власти. Эти петиции словно очерчивают своеобразные геологические зоны будущих раскопок и полезных ископаемых, энергетика которых в настоящее время недоступна даже экологическому активизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен Дж. Номо сасер. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
- Балистрери К. Об анималистической литературе // Детские чтения. 2013. № 1 (3).
- Берегой Н.Е. Чарльз Дарвин, вивисекция и история викторианской науки // Историко-биологические исследования. 2009. № 1 (1).
- Бибалаева Л.Н. К вопросу об отношении человека к животным в мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. 2010. № 202.
- Боровик М.А., Михель М.А. Движения по защите животных: история, политика, практика // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 2 (8).
- Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: новые формы политического участия. Глобальные социальные трансформации XX — начала XXI вв. (к 100-летию

- Русской революции). Материалы научной конференции IX Ковалевские чтения 9–11 ноября 2017 года. СПб., 2017.
- Дума не могла принять зоозащитный закон много лет // Lenta.ru. 2019.19.12. URL: <https://lenta.ru/brief/2018/12/19/zivotina/> (дата обращения: 06.07.2019).
- Егоришева Н. Минстрой оставил лазейку для кошек в подвалах многоэтажек // Rg.ru. 24.07.2018. URL: <https://rg.ru/2018/07/24/minstroj-ostavil-lazejku-dlia-koshek-v-podvalah-mnogoetazhek.html> (дата обращения: 06.07.2019).
- Кременцов Н.Л. Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений // Этология и зоопсихология. 2010. № 2. URL: <http://www.rbcu.ru/information/269/17389/> (дата обращения: 28.10.2019).
- Локишин П. Как московские кошки превратились в инструмент политики // Die Welt. 2019.04.01. URL: <https://www.inopressa.ru/article/04Jan2019/welt/katzen.html> (дата обращения: 06.07.2019).
- Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии. Философские, политологические и практические аспекты. М., 2001.
- Олескин А.В. Биополитика. М., 2007.
- Радина Н.К. Психология и биополитика: о перспективах междисциплинарных исследований // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6.
- Радина Н.К. Сравнительный анализ электронных петиций в защиту животных на цифровых платформах РОИ и Change.org // Социум и власть. 2019. № 1 (75).
- Радина Н.К., Ким Н.В. О психологии “наивного антиконсюмеризма” в молодежной среде // Вопросы психологии. 2014. № 6.
- Радина Н.К., Крупная Д.А. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных цифровых платформ (на материале Change.org) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6.
- Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления: дисс. ... канд. юрид. н. СПб., 2016.
- Текеева Л.К. Домашние животные в традиционном мировоззрении тюркоязычных народов Северного Кавказа (XIX — начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (1).
- Тимофеева О.В. “Мы” и “они”: сообщество после гуманизма // Вопросы философии. 2016. № 6.
- Фомин-Шахов О. Биополитический контроль элит // Развитие и экономика. 2013. № 8.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. Дисциплина. М., 1999.
- Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005.
- Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб., 2007.
- Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010.
- Черняк А.З. Экологическое сознание, права животных и справедливость // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2018. № 4 (66). URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/519.html> (дата обращения: 06.07.2019).
- Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска). М., 2009.

Шафигуллин В.А. Из истории развития биополитических знаний // Ученые записки Казанской государственной Академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. Материалы всероссийской научно-практической конференции "Актуальные проблемы научного и кадрового обеспечения инновационного развития АПК" (29–31 мая 2012 г.) Казань, 2012.

Щербак А. В России впервые приняли закон о защите животных. Что в нем написано // Tass.ru. 2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5925917> (дата обращения: 06.07.2019).

REFERENCES

Agamben G. Homo sacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn' [Homo sacer. Sovereign Power and Naked Life]. M., 2011 (in Russian).

Ares E., Webb D., Ward M., Sutherland N. Debate on an e-petition relating to ending the export of live farm animals after the UK leaves the EU // Number CDP 2018/0042. 2018. 20 Febr. URL: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CDP-2018-0042> (accessed: 06.07.2019).

Balistreri K. Ob animalisticheskoy literature [About animalistic literature] // Detskie chtenija [Children's readings]. 2013. N 1 (3) (in Russian).

Beregoj N.E. Charl'z Darvin, vivisekciya i istoriya viktorskoj nauki [Charles Darwin, Vivisection and the History of Victorian Science] // Istoriko-biologicheskie issledovaniya [Historical and biological research]. 2009. N 1 (1) (in Russian).

Bibalaeva L.N. K voprosu ob otnoshenii cheloveka k zhivotnym v mirovyh religijah: buddizme, hristianstve, islame [To the question of the relation of man to animals in world religions: Buddhism, Christianity, Islam] // Uchenye zapiski Kazanskoy gosudarstvennoy akademii veterinarnoy mediciny im. N.E. Bauman [Scientific notes of the Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman]. 2010. N 202 (in Russian).

Borovik M.A., Mihel' M.A. Dvizheniya po zashhite zhivotnyh: istoriya, politika, praktika [Animal Welfare Movements: History, Politics, Practice] // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki [Social Policy Research Journal]. 2010. N 2 (8) (in Russian).

Caldwell L. K. Biopolitics // Yale Review. 1964. N 54.

Chernjak A.Z. Jekologicheskoe soznanie, prava zhivotnyh i spravedlivost' [Environmental awareness, animal rights and justice] // Gumanitarnyj vestnik MGTO im. N.E. Bauman [Humanitarian Bulletin of MSTU. N.E. Bauman]. 2018. N 4 (66). URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/519.html> (accessed: 06.07.2019) (in Russian).

Cheshko V.F., Glazko V.I. High Hume (bioplasť i biopolitika v obshchestve riska) [High Hume (biopower and biopolitics in a risk society)]. M., 2009 (in Russian).

Duma ne mogla prinjat' zoozashhitnyj zakon mnogo let [The Duma could not pass a zoo-protection law for many years] // Lenta.ru. 2019.19.12. URL: <https://lenta.ru/brief/2018/12/19/zivotina/> (accessed: 06.07.2019) (in Russian).

Egorsheva N. Ministroy ostavil lazejku dlja koshek v podvalah mnogoetazhek [The Ministry of Construction left a loophole for cats in the cellars of high-rise buildings] // Rg.ru. 2018.24.07. URL: <https://rg.ru/2018/07/24/minstroy-ostavil-lazejku-dlia-koshek-v-podvalah-mnogoetazhek.html> (accessed: 06.07.2019) (in Russian).

Fomin-Shahov O. Biopoliticheskij kontrol' jelit [Elite Biopolitical Control] // Razvitie i jekonomika [Development and Economics]. 2013. N 8 (in Russian).

Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tjur'my. Disiplina [Supervise and punish: the birth of a prison. Discipline]. M., 1999 (in Russian).

Fuko M. Nuzhno zashhishhat' obshchestvo: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uch.g. [The need to protect society: The course of lectures delivered at the College de France in the 1975–1976 academic year.]. SPb., 2005 (in Russian).

Fuko M. Psihiatricheskaja vlast': Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 godu [Psychiatric Authority: Course of lectures delivered at the College de France in 1973–1974]. SPb., 2007 (in Russian).

Fuko M. Rozhdenie biopolitiki: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [The Birth of Biopolitics: Course of lectures delivered at the College de France in the 1978–1979 school year]. SPb., 2010 (in Russian).

Gol'brajkh V.B. Jekologicheskij aktivizm: novye formy politicheskogo uchastija [Environmental activism: new forms of political participation] // Global'nye social'nye transformacii XX — nachala XXI vv. (k 100-letiju Russkoj revoljucii). Materialy nauchnoj konferencii IX Kovalevskie chtenija (9–11 nojabrja 2017 g.) [Global social transformations of the 20th — early 21st centuries (to the 100th anniversary of the Russian Revolution). Materials of the scientific conference IX Kovalevsky readings (November 9–11, 2017)]. SPb., 2017 (in Russian).

Kremencov N.L. Chelovek i zhivotnoe: k istorii povedencheskih sopostavlenij [Man and animal: the history of behavioral comparisons] // Jekologija i zoopsihologija [Ethology and Zoopsychology]. 2010. N 2. URL: <http://www.rbcu.ru/information/269/17389/> (accessed: 28.10.2019) (in Russian).

Laurette T.L., Walsh M.B. The competing meanings of “biopolitics” in political science // Politics and the Life Sciences. 2012. N 1–2 (31).

Lokshin P. Kak moskovskie koshki prevratilis' v instrument politiki [How Moscow cats turned into a tool of politics] // Die Welt. 2019. URL: <https://www.inopressa.ru/article/04Jan2019/welt/katzen.html> (accessed: 06.07.2019) (in Russian).

Morley R. Bio-politics: an essay in the physiology, pathology and politics of the social and somatic organism. L., 1938.

Morozov E. The NET DELUSION: the dark side of Internet freedom. N.Y., 2011.

Oleskin A.V. Biopolitika. Politicheskij potencial sovremennoj biologii. Filosofskie, politologicheskie i prakticheskie aspekty [Biopolitics. The political potential of modern biology. Philosophical, political science and practical aspects]. M., 2001 (in Russian).

Oleskin A.V. Biopolitika [Biopolitics]. M., 2007 (in Russian).

Radina N.K. Psihologija i biopolitika: o perspektivah mezhdisciplinarnyh issledovanij [Psychology and Biopolitics: about the Prospects of Interdisciplinary Research] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. 2017. Vol. 38. N 6 (in Russian).

Radina N.K. Sravnitel'nyj analiz jelektronnyh peticij v zashhitu zhivotnyh na cifrovych platformah ROI i Change.org [Comparative analysis of electronic petitions for animal protection on digital platforms ROI and Change.org] // Socium i vlast' [Society and power]. 2019. N 1 (75) (in Russian).

Radina N.K., Kim N.V. O psihologii “naivnogo antikonsjumerizma” v molodezhnoj srede [About the psychology of “naive anti-consumerism” in the youth environment] // Voprosy psihologii [Questions of Psychology]. 2014. N 6 (in Russian).

Radina N.K., Krupnaja D.A. Cifrovoe politicheskoe uchastie: jeffektivnost' jelektronnyh peticij negosudarstvennyh cifrovych platform (na materiale Change.org) [Digital Political Participation: The Effectiveness of Electronic Petitions of Non-Government Digital Platforms (based on Change.org)] // Polis. Politicheskiye issledovaniya [Polis. Political studies]. 2019. N 6 (in Russian).

Semenov K.P. Zhivotnye kak predmet i sredstvo prestuplenija: diss. ... kand. jurid. n. [Animals as an object and a means of crime: PhD dissertation (in Law)]. SPb., 2016 (in Russian).

Tekeeva L.K. Domashnie Zhivotnye v tradicionnom mirovozzrenii tjurkojazychnyh narodov Severnogo Kavkaza (XIX — nachalo XX v.) [Pets in the traditional worldview of the Turkic-speaking peoples of the North Caucasus (XIX — early XX century)] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2013. N 11 (1) (in Russian).

Timofeeva O.V. "My" i "oni": Soobshhestvo posle gumanizma ["We" and "They": The Community after Humanism] // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. 2016. N 6 (in Russian).

Shafigullin V.A. Iz istorii razvitija biopoliticheskikh znaniy [From the history of the development of biopolitical knowledge] // Uchenye zapiski Kazanskoj gosudarstvennoj Akademii veterinarnoj mediciny im. N.Je. Bauman. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Aktual'nye problemy nauchnogo i kadrovogo obespechenija innovacionnogo razvitija APK" (29–31 maja 2012 g.) [Scientific notes of the Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman. Materials of the All-Russian scientific-practical conference "Actual problems of scientific and personnel support of the innovative development of the agro-industrial complex" (May 29–31, 2012)]. Kazan, 2012 (in Russian).

Shherbak A. V Rossii vpervye prinjali zakon o zashhite zhivotnyh. Chto v nem napisano [In Russia for the first time adopted a law on the protection of animals. What is written in it] // Tass.ru. 2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5925917> (accessed: 06.07.2019) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-94-110

КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ГОРОДА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

К.Л. Хомякова, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются особенности формирования и содержание концепта глобального города в современных социологических теориях. Приведены идеи представителей классической социологии об определенных социально-исторических типах городов как важный этап становления концепции глобального города. Анализируется вопрос соотношения “мирового” и “глобального” в определении специфики современных городов для достижения смысловой точности исследуемых понятий. Рассмотрены подходы П. Холла и М. Фридмана как первые попытки системного исследования взаимосвязи процессов урбанизации и глобализации. Автор сосредотачивается на исследовании концепции глобальных городов С. Сассен как центральной аналитической схемы, на основании которой формируют свои теоретико-методологические построения другие современные социологи (П. Ханна, Н. Бреннер, А. Скотт, П. Тейлор и др.). Представлена специфика определения понятия “город” С. Сассен, рассмотрены свойства, характеризующие города как системы: “сложность”, “незавершенность” и “воспроизводимость”. Автором проанализированы теоретико-методологические основания концепции глобального города С. Сассен, приведены основные категории исследования: “городской потенциал”, “место” и “производственный процесс”. Представлено сравнение трактовок понятия глобального города в концепциях М. Кастельса и С. Сассен. Сформулирована гипотеза о свойствах, позволяющих классифицировать города как глобальные, среди которых – снижение доли промышленного производства и ориентация на специализированные услуги производителей, концентрация иностранных фирм и участие в международном рынке недвижимости, концентрации большого объема экспертных знаний из различных областей и производство инноваций. Определены основные проблемы и перспективы развития концепции глобального города в рамках дальнейших социологических исследований.

Ключевые слова: глобализация, глобальные города, капитализм, финансы, инновации, миграция, неравенство.

* Хомякова Кристина Львовна, e-mail: k.gribova@inbox.ru

THE CONCEPT OF THE GLOBAL CITY IN MODERN SOCIOLOGY

Khomyakova Kristina L., Postgraduate Student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: k.gribova@inbox.ru

The article deals with the features and content of the global city concept in modern sociological theories. It presents classical sociology ideas about certain socio-historical types of cities as an important stage in the concept of the global city's formation. The article analyzes the question of the ratio between "world" and "global" in determining the specificity of modern cities to achieve semantic accuracy of the studied concepts. P. Hall's and M. Friedman's approaches as the first attempts of systematic study of the relationship between urbanization and globalization are considered. The author focuses on the study of the global cities concept by S. Sassen as a central analytical scheme which is used as the basis by other modern sociologists (P. Hanna, N. Brenner, A. Scott, P. Taylor, etc.) forming their theoretical and methodological constructions. The specificity of the S. Sassen's "city" definition is presented, the properties characterizing cities as systems are considered: "complexity", "incompleteness" and "making". The author analyzes theoretical and methodological foundations of the S. Sassen's global city concept and presents main research categories: "urban capability", "place" and "production process". A comparison of interpretations M. Castels's and S. Sassen's global city concept is presented. The hypothesis is formulated about the properties that allow classifying cities as global, including decline in the share of industrial production and focus on the specialized services of manufacturers, concentration of foreign firms and participation in the international real estate market, concentration of the large amount of expertise from various fields and production of innovations. The main problems and prospects of development of the global city concept in the framework of further sociological research are identified.

Key words: globalization, global cities, capitalism, finance, innovation, migration, inequality.

Интенсивные процессы глобализации и информатизации оказывают значительное влияние на современные города. В условиях усиления степени взаимосвязанности территорий, взаимозависимости различных субъектов и артикуляции потоков стратегических ресурсов меняется та роль, которую города играют в мировой социально-экономической системе. Как подчеркивают современные исследователи, "глобализация ведет к серьезным изменениям в социально-политической сфере, которые непосредственно затрагивают, хотя и в разной степени, всех членов мирового сообщества"¹, что проявляется и на уровне функционирования городов.

По мнению ученых, "крупные города-регионы, в которых проживает более миллиона жителей, сегодня являются основными

¹ Осинова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 125.

движущими силами мировой экономики, концентрируют инновации и капитал, и одновременно становятся местами сосредоточения работающих бедных”². Иными словами, города выступают центральным компонентом глобальных экономических процессов и вместе с тем являются пространством обострения социальных проблем и катаклизмов.

Актуальность исследования нового типа городов подчеркивается на уровне деятельности международных организаций и разработки программ, посвященных проблемам развития городов в условиях глобальных вызовов современности. Так, в рамках Новой городской повестки, утвержденной на конференции Организации Объединенных Наций по жилищному хозяйству и устойчивому городскому развитию (Хабитат III)³, отмечаются центральная роль городов в глобальной экономике и, вместе с тем, неблагоприятные демографические тенденции, проблемы изменения климата, использования ресурсов и экосистем.

Как отмечают исследователи, процессы глобализации и урбанизации обуславливают актуальные направления городских исследований, среди которых особое место занимают проблемы типологизации современных городов, “осуществляемых в различных терминах, за которыми, однако, скрываются схожие, если не однотипные, исторические и социальные явления”⁴. Способы концептуализации, выявления и систематизации различных типов городов являются составной частью общего блока теоретических и методологических проблем современной социологической урбанистики.

Социально-исторические и технологические трансформации обуславливают необходимость разработки нового понятийного-категориального аппарата, адекватно отражающего специфику функционирования современных городов и позволяющего анализировать происходящие изменения в условиях глобализации. Одной из таких попыток становится введение понятия “глобального города”, которое сегодня широко используется в научном и общественном дискурсах. На наш взгляд, несмотря на многообразие существующих теоретико-методологических направлений, в современной социологии не существует единого подхода к определению понятия “глобальный

² Вершинина И.А. Новые грани социального неравенства: концепция постмодернистской урбанизации Эдварда Сойи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 63.

³ The New Urban Agenda. URL: <http://habitat3.org/the-new-urban-agenda> (accessed: 15.12.2019).

⁴ Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 61.

город», что обуславливает необходимость его подробного анализа и оценки эвристического потенциала.

Цель статьи — выявить специфику формирования и содержание концепта глобального города в современных социологических теориях, определить его перспективы в рамках дальнейших социологических исследований.

Стремление обозначить специфику городов и выделить некоторые их типы наблюдалось еще на классическом этапе развития социологической мысли⁵. По мере усложнения концептуального аппарата социологической урбанистики актуальной становится проблема разграничения понятий, в частности “мирового” и “глобального” городов.

Как указывает П. Холл, «мировые города — не новое явление. П. Геддес еще в 1915 г. дает им определение в книге “Города в эволюции” (*Cities in Evolution*)⁶, которая стала классикой литературы по городскому планированию»⁷. В данной работе социолог изображал мировые города как проявление конкурентоспособной международной экономики, исследовал особенности индустриализации и ее последствия для функционирования городов.

Другие ученые⁸ в начале XX в. описывали «мировые города как “центры притяжения” в рамках новой формы городской организации, характеризующейся отношениями доминирования и подчинения»⁹, как “центры политической власти, международных и связанных с правительством организаций, национальной и международной торговли, банковских центров, страхования и финансовых услуг, центров повышения квалификации и деятельности всех видов в медицине, юриспруденции, в высшем образовании и т.д.”¹⁰

Однако в рамках данных подходов невозможно отметить четкое, концептуально оформленное определение понятия “мировой город” (который зачастую отождествлялся с агломерациями или регионами), отсутствует системный характер теоретических построений и не проводится разграничение между городским и национальным уровнями субъектов.

⁵ Тённис Ф. *Общность и общество: основные понятия чистой социологии*. М.; СПб., 2002; Вебер М. *Город*. М., 2018.

⁶ *Geddes P. Cities in evolution*. L., 1915.

⁷ *Hall P. Megacities, world cities and global cities. The first megacities lecture*. Rotterdam, 1997.

⁸ *Pain K. World cities. International encyclopedia of geography: people, the Earth, environment, and technology*. WileyBlackwell; Chichester, 2017. P. 1–9.

⁹ *McKenzie R. The concept of dominance and world-organization // American Journal of Sociology*. 1927. N 33. P. 28–42.

¹⁰ *Hall P. The world cities*. L., 1966.

Первые попытки выявления взаимосвязи процессов глобализации и урбанизации, рассмотрения городов как экономических центров осуществляются в работах Дж. Фридмана. В 1982 г. была опубликована его статья¹¹, в которой американский урбанист в рамках семи гипотез утверждал значимую роль городов в мировой экономике, производстве и организации глобальных рынков и обозначил возможность их выстраивания в систему глобальной иерархии. При этом Дж. Фридман подчеркивал, что “его подход к исследованию мирового города был методологией, отправной точкой, исходной гипотезой, способом задавать вопросы и приводить в соответствие факты”. Он утверждал, что “не существует всеобъемлющей теории формирования мировых и глобальных городов”¹².

Центральное место в рамках анализа сущности мировых и глобальных городов, а также определения их специфики занимает социологическая теория современной американской исследовательницы, профессора Колумбийского университета Саскии Сассен. Понятие “глобальный город” составляет ядро ее теории, является центральным элементом концептуальной системы и отправной единицей для дальнейших теоретико-методологических построений. В отечественной социологии С. Сассен широко известна именно как автор концепции глобального города, что обуславливает необходимость подробного анализа эволюции и содержания данного понятия, а также оценки его эвристической ценности.

Исследователь указывает на распространяющиеся тенденции поверхностного анализа в отношении глобализации и ее проявлений, что не позволяет достичь глубокого понимания сущности, причин и социальных последствий данного процесса. «Термин “глобальный город” может представляться упрощенным и вводящим в заблуждение, если под ним подразумевать то, что города являются лишь результатом действия глобального экономического механизма. На самом деле это конкретные места, для которых важны пространство, внутренняя динамика, социальная структура. Понять глобальный порядок можно только проанализировав, почему ключевые структуры мировой экономики неизбежно располагаются в городах»¹³. Простой констатации включенности городов в глобальную систему, по мнению С. Сассен, недостаточно для раскрытия стратегической и функциональной роли, которую глобальные города играют сегодня.

¹¹ *Friedmann J.* The world city hypothesis // *Development and Change*. 1986. N 17(1). P 69–83.

¹² *Machado M.S.* Analysing the global city meanings, evolution and challenges. Milano, 2010. P. 20.

¹³ *Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo. New Jersey, 1991. P. 4.

Развертывание концепции глобальных городов С. Сассен осуществляет в рамках общего методологического подхода, подвергая процессу дестабилизации все устоявшиеся категории социологического анализа. Критический пересмотр традиционного понятийно-категориального аппарата позволяет, по мнению ученого, осуществить “вход в полутень”¹⁴, образующуюся вокруг общепринятых научных категорий.

С. Сассен указывает на необходимость выявления принципиального отличия между “мировыми” и “глобальными” городами как на важный шаг в достижении концептуальной точности. “Мировой город относился к типу города, который существовал на протяжении веков, в древней Азии и в европейских колониальных центрах. В этой связи можно утверждать, что большинство сегодняшних крупных глобальных городов также являются мировыми городами. Но существуют глобальные города, которые не относятся к мировым городам. Например, тот факт, что Майами с конца 1980-х годов приобретает глобальные функции, не делает его мировым городом”¹⁵. Иными словами, если мировые города характеризуют конкретную историческую эпоху, обладают богатым культурным наследием, то глобальные города — это узлы мировой экономики и политики, “центры обслуживания и финансирования международной торговли, инвестиций, и, главное — множества специализированных операций”¹⁶.

Прежде чем перейти непосредственно к определению глобального города, следует обозначить, что именно представляет из себя город как таковой в теории С. Сассен. “Города, — отмечает исследовательница, — это сложные, но незавершенные системы”¹⁷. Соответственно, города функционируют за счет постоянно воспроизводимых отношений акторов, структурируются предшествующим опытом и современными формами активности субъектов на различных уровнях взаимодействия. Обладая определенной степенью устойчивости, города, вместе с тем, находятся в состоянии постоянной динамики в силу интенсивности происходящих в рамках городского пространства процессов.

Отмеченное обстоятельство приводит исследовательницу к выводу о наличии трех свойств, характеризующих города как системы: “сложность” (*complexity*), “незавершенность” (*incomplete-*

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Sassen S. The global city: introducing a concept // Brown Journal of World Affairs. 2005. N 11 (2). P. 28.

¹⁶ Sassen S. Globalization and its discontents. N.Y., 1998. P. 19.

¹⁷ Sassen S. Does the city have speech? // Public Culture. 2013. Vol. 25(2). P. 209.

ness) и “воспроизводимость” (*making*)¹⁸. Данные свойства, по мнению С. Сассен, позволяют отличить истинную городскую среду от “просто плотно застроенной местности, бесконечных рядов жилья, офисов или заводов”¹⁹, что, в свою очередь, обуславливает возможность работы с концепцией города на теоретико-концептуальном уровне анализа.

В целях описания города как системы исследовательница использует понятие “городского потенциала (*urban capability*) — неуловимого сочетания пространства, людей и конкретных видов деятельности, особенно торговли и гражданственности. Этот термин отражает социальную и материальную физику города”²⁰. С. Сассен отмечает здесь принципиальное значение социальных практик в создании и поддержании городской системы.

Рассматривая типичный час-пик в городах, исследовательница указывает на коллективный, обезличенный и организованный характер взаимодействия людей в подобных ситуациях. За видимой хаотичностью, “когда мы сталкиваемся друг с другом, срываем пуговицы, наступаем друг другу на ноги”²¹ скрывается “потенциал, который представляет собой коллективное производство, возникающее на пересечении времени, пространства, людей и рутинной практики. Я называю это городским потенциалом — созданием городской центральности (*urban centrality*) через встроенную среду, рутинную практику людей и встроенный общий код. Она включает в себя серию сложных взаимодействий и последовательностей и, таким образом, мобилизует специфический смысл”²². Таким образом, понятие города ученый рассматривает на нескольких уровнях, что приводит исследователя к комплексному пониманию понятия города.

Особую роль С. Сассен отводит анализу глобальных городов как сложных, открытых, воспроизводимых систем, отличающихся специфическими характеристиками и образующими смысловое ядро ее теории.

Ученый указывает на важность двух методологических моментов в анализе современных городов. Во-первых, по мнению С. Сассен, необходимо отказаться от “естественного этатизма”, согласно которому “государство является вместилищем всех социальных процессов, территории национального государства и национальный уровень управления соответствуют друг другу, а национальное и ненацио-

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

нальное выступают взаимоисключающими характеристиками”²³. В условиях глобализации объект анализа мировых социально-экономических процессов трансформируется, смещая акценты с национального государства и транснациональных корпораций (далее по тексту — ТНК) на глобальные города.

“Необходимость включения городов в научный анализ связана с тремя важными аспектами изучения интернационализации экономики. Во-первых, они разбивают национальное государство на множество компонентов, которые могут иметь важное значение для понимания международной экономической деятельности. Во-вторых, они переключают наше внимание с власти крупных корпораций над государствами и экономикой на организационные механизмы, необходимые для реализации и обслуживания глобальной сети заводов, сервисных операций и рынков, которые лишь частично охватываются деятельностью ТНК и крупных банков. В-третьих, они способствуют концентрации внимания на месте и на городском социально-политическом порядке”²⁴. Таким образом, сосредоточенность на городах, по мнению С. Сассен, позволит охарактеризовать процессы экономической глобализации, выявить скрытые виды деятельности и взаимосвязи субъектов на микро- и макроуровнях.

Второй методологический момент связан с ключевым тезисом С. Сассен о необходимости возвращения социологической науки к конкретному географическому и материальному воплощению процессов, которые исследователи по умолчанию сегодня связывают с интерактивной сферой существования. Ключевыми для исследовательницы становятся категории “места” (*place*) и “производственного процесса” (*production process*), которые акцентируют наше внимание на том, что “многие ресурсы, необходимые для глобальной экономической деятельности, не являются гипермобильными и на самом деле глубоко укоренены в таких местах, как глобальные города и зоны экспортной переработки, а также во многих глобальных производственных процессах”²⁵. Тем самым С. Сассен осуществляет возврат к постулатам Чикагской школы, в рамках которой город представляет собой “социальную лабораторию”²⁶ в анализе ключевых общественных процессов.

²³ Сассен С. Город как призма для социальной теории: новые исследовательские перспективы (перевод М.С. Ильченко) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 77.

²⁴ Sassen S. *Cities in a world economy*. Thousand Oaks, 2000. P. 25.

²⁵ Sassen S. *A sociology of globalization*. Norton; N.Y., 2007. P. 98.

²⁶ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Рабочие тетради по истории и теории социологии. Вып. 1. М., 1992.

Распространенные в науке мнения о тотальной цифровизации всех социально-экономических процессов и о полном игнорировании в процессе производства географического, материального пространства послужили основой выстраивания ученым собственной методологии анализа, нацеленной на установление соответствия между теоретическими представлениями и реальной ситуацией.

Формирование концепции глобальных городов С. Сассен изначально происходило непосредственно в самой среде, которая в дальнейшем станет основным предметом исследования ученого. В одном из публичных выступлений на конференции в Берлине²⁷ С. Сассен приводит свои воспоминания о том, как она переехала в США, впервые посетила Нью-Йорк, как были получены первые данные, и как на их основании затем была построена целостная концепция глобальных городов.

С. Сассен отмечает, что «в городах каждый, кто наделен властью или лишен ее, получает возможность “присутствия” в контексте определенной “локализации” глобального в этих городах. Например, в случае Нью-Йорка локализация глобального финансирования происходит на Уолл-Стрит, а локализация глобальных миграций — в отдельных районах Нью-Йорка. Здесь мы наблюдаем, как само городское пространство порождает определенные политические идентичности и практики. Те же самые низкооплачиваемые работники в другом пространстве, скажем, на большой коммерческой ферме или плантации, имеют иную политическую идентичность, чем в крупном глобальном городе»²⁸. Иными словами, мировые экономические процессы и явления локализуются в конкретных местах — глобальных городах, порождая экономическое, социальное и политическое пространство, а также определенные формы социальной (трудовой, производственной, культурной, межличностной и т.п.) организации индивидов.

Исследователь утверждает, что преобразования мировой экономики, сопровождающиеся переходом к услугам и финансам, привели к возрастанию значения крупных городов как мест для определенных типов производства, обслуживания, маркетинга и инноваций, а также к возникновению новой географии централизма (*new geography of centrality*). Тем самым С. Сассен подчеркивает, что глобальные города — это, прежде всего, центры сосредоточения ключевых ресурсов

²⁷ Sassen S. Migration in einer begrenzten Welt. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1029&v=PXb2tsiKR_E (accessed: 15.12.2019).

²⁸ Stanoeva E. The global city: a structural hole in the national territorial tissue. An interview with Saskia Sassen by Elitza Stanoeva // Politics and Law: Metamorphoses. Critique & Humanism. 2012. Vol. 40. P. 124.

глобальной экономики, необходимых для реализации финансовых операций и инструментов.

«В ходе анализа глобальных городов становится возможным определить широкий спектр рабочих мест и культур труда, — отмечает С. Сассен, — которые также являются частью глобальной экономики, но упускаются из виду исследователями, и выявить новые формы глобального неравенства. И это позволяет нам обнаружить новые типы политического участия в глобальной экономике среди тех, кто занимает “другие” рабочие места, будь то рабочие на фабриках в зонах переработки экспорта в Азии, рабочие швейных цехов в Лос-Анджелесе или уборщики на Уолл-Стрит»²⁹. Данный тезис согласуется с первоначальной установкой С. Сассен на исследование городов “изнутри”, исходя из деталей социальных и экономических отношений, позволяющих установить, что из себя представляет глобализация.

Стоит отметить, что современный американский социолог испанского происхождения М. Кастельс также задействует понятие “глобальный город” в своих работах, однако трактует его иным образом. “Глобальный город, — утверждает ученый, — представляет собой сеть финансовых пространств, сеть рекламы или медиа-индустрии, сеть высокотехнологичных пространств. Финансовые районы Нью-Йорка, Лондона и Токио являются частью одного и того же глобального города. Они образуют симбиоз, соединяются не только друг с другом, но и с Франкфуртом, Амстердамом и даже с Ла-Пасом”³⁰.

Представления о глобальном городе М. Кастельса вписаны в его концепцию “дуальности современных городов”³¹, согласно которой городское пространство подвергается поляризации на высшие слои, связанные с глобальной системой производства и коммуникации, и на “сегментированные локальные слои, зачастую имеющие этническую основу и считающие своим главным ресурсом идентичность”³².

Таким образом, и С. Сассен, и М. Кастельс используют методологию сетевого анализа в рамках раскрытия специфики глобальных городов и не допускают возможности существования отдельно взятого глобального города. Однако если М. Кастельс утверждает, что в рамках современной экономики глобальный город является

²⁹ Ibid.

³⁰ Castells M. Local and global: cities in the network society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. N 5. P. 554.

³¹ Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М., 2019. С. 109.

³² Цит. по: Castells M. The informational city: economic restructuring and urban development. Oxford; Cambridge, 2002. P. 228.

результатом взаимосвязи всех городов, участвующих в глобальной сети отношений (глобальный город как *симбиоз*), то С. Сассен вычленяет отдельную *функцию глобального*, которая, напротив, находит свое выражение в различных городах.

Представляя структуру глобальной экономики как сеть высоко-специализированных взаимосвязанных отраслей (бухгалтерской, юридической, рекламной, строительной, архитектурной и т.п.), С. Сассен выделяет *свойство или функцию*, которая в определенной степени может быть присуща городам. Они “могут обладать высоко-специализированными функциями глобальных городов и располагаться в специализированных сетях, соединяющих их с глобальными городами, хотя сами они не обязательно являются глобальными городами. Куала-Лумпур — важный фьючерсный рынок, а Сингапур — крупный центр валютной торговли, что придает этим городам определенные функции глобального города, а также включает их в различные глобальные специализированные цепи”³³.

Таким образом, утверждение о том, что “глобальный город — это функция международной сети стратегических площадок”³⁴, позволяет выдвинуть предположение о следующих свойствах, свидетельствующих о той или иной степени включенности городов в глобальную сеть:

- *Снижение доли промышленного производства и ориентация на специализированные услуги производителей (producer services).*

Основывая свои взгляды на работах ведущих экономистов³⁵, ученый выявляет ключевую характеристику услуг производителей — их производство для организаций (частных фирм или государственных структур), а не для конечных потребителей, т.е. его промежуточный характер. Услуги производителей, как отмечает С. Сассен, “являются частью посреднической экономики и охватывают финансовые и правовые функции, управление (персоналом и технологией производства), новации, разработки, проектирование, техническое обслуживание, транспорт, связи, оптовую торговлю, рекламу, клининговые услуги для фирм, безопасность и хранение”³⁶. Таким образом, функция глобальных городов выражается в посредничестве и

³³ Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. P. 77.

³⁴ Ibid.

³⁵ Marshall J.N. et al. Uneven development in the service economy: understanding the location and role of producer services // Report of the Producer Services Working Party, Institute of British Geographers and the ESRC. L., 1986; Stanback T.M.Jr. Understanding the Service Economy. Baltimore, 1979.

³⁶ Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. P. 85.

артикуляции ресурсов, необходимых в процессе создания услуг для других участников глобальной экономики.

Ученый приводит обширный эмпирический материал в обоснование своего тезиса и отмечает, что, например, “доля Нью-Йорка в сфере услуг производителей заметно выше, чем доля других крупных городов, таких как Чикаго и Лос-Анджелес. Так, занятость в банковской сфере в 1987 г. в Нью-Йорке составляла 11,8%, в Лос-Анджелесе — 4,3%, в Чикаго — 3,6%”³⁷.

– *Концентрация иностранных фирм и участие в международном рынке недвижимости.*

С. Сассен отмечает, в 1970-е гг. наблюдается резкий рост числа иностранных фирм в Лондоне, Нью-Йорке и Токио. Так, по данным Министерства финансов Японии, “в 1974 г. 279 иностранных компаний открыли свои офисы в Токио, из которых 150 были не производственными фирмами. В 1982 г. количество новых открытых отделений составило уже 412, из них 292 были непроизводственными фирмами. К 1984 г. общее число иностранных компаний в Японии в целом составило 2 256, почти 63% из них имели офисы, расположенные в Токио (в основном это были банки и финансовые компании)”³⁸.

Следствием данного процесса является ослабление связи между ценами на землю в городах и условиями национальной экономики. “Концентрация крупных фирм в Нью-Йорке, Лондоне и Токио обусловила важность размещения в этих городах и стала ключевым фактором в развитии массивных строительных проектов. Активное участие иностранных компаний в качестве инвесторов и в качестве покупателей и пользователей недвижимости в этих трех городах способствовало формированию международного рынка недвижимости”³⁹, — отмечает ученый.

Глобальные города становятся “ареной для крупных архитектурных проектов, что приводит к дальнейшему повышению стоимости земли. Появление японских фирм в качестве крупных инвесторов недвижимости в Нью-Йорке в конце 1980-х г. является продолжением этой тенденции... что подтверждает тот факт, что Япония является крупнейшим экспортером инвестиций в основной капитал международного рынка”⁴⁰. Тем самым С. Сассен прослеживает взаимосвязь между локальным и глобальным уровнями социального взаимодействия.

³⁷ Ibid. P. 159.

³⁸ Ibid. P. 163.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs // City & Community. 2016. Vol. 15. N 2. P. 99

«Интернационализация объединений компаний, приобретений и финансовых операций обуславливает то, что города становятся “денационализированными”⁴¹ центрами для управления и координации, роста инвестиционного капитала и формирования международного рынка недвижимости»⁴², — отмечает ученый. Именно глобальные города составляют основу процесса денационализации и механизма адаптации к новым требованиям транснациональной системы.

– *Сосредоточение большого объема экспертных знаний из различных областей и производство инноваций.*

С. Сассен определяет глобальные города как “пространство, в котором профессионалы и руководители из разных стран и культур в конечном итоге получают знания друг от друга, даже если они не намерены этого делать. Я рассматриваю данный процесс как в широком (все институты, люди, экспертные движения), так и в узком смысле реализации глобальной функции города (узкоспециализированные и специализированные системы знаний)”⁴³. Данное свойство согласуется с изначальной методологической установкой ученого, предполагающей специфику познания глобальных городов на уровне ценностей, образа жизни и культуры представителей различных социальных слоев.

Выявленные факторы и механизмы их формирования, а также специфика функционирования глобальных городов отражают объяснительные возможности аналитической схемы С. Сассен. Стоит отметить, что некоторые идеи ученого не являются оригинальными. Современные ученые указывают на то, что уже в начале 1960-х гг. французский урбанист Ж. Готтман пишет о необходимости анализа динамично развивающегося сектора услуг, влияния информационно-коммуникационных технологий на социальное пространство городов и трансформацию их роли в глобальной системе. “Исследователь указывает на то, что для мегалополиса стратегически важными являются коммерческие и финансовые функции”⁴⁴, которые три десятилетия спустя подробно описывает С. Сассен как основные задачи глобальных городов”⁴⁵.

⁴¹ Примечательно, что в издании 1991 г. С. Сассен использует термин “*neutral*” — от англ. “нейтральный, безучастный”. В издании 2001 г. исследователь уже вводит термин “*de-nationalized*” с целью обозначения специфики происходящих трансформаций и достижения понятийной точности.

⁴² Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. P. 77.

⁴³ Ibid. P. 99.

⁴⁴ Вершинина И.А. Концепция мегалополиса Жана Готтмана // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. 44. Цит. по: Gottmann J. Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard. P. 193.

⁴⁵ Там же. С. 44.

Вместе с тем, концепция глобальных городов С. Сассен представляет собой системное видение отношений между ключевыми субъектами глобализации. Глобальный город представляет собой стратегическое пространство, в рамках которого наблюдается крайняя степень концентрации ресурсов, необходимых для функционирования мировой финансово-экономической системы. На базе исследований глобального города С. Сассен формируют свои теоретико-методологические построения другие современные социологи, в частности, П. Ханна с его “коннектографией”⁴⁶, Н. Бреннер и его “глокальное государство”⁴⁷, А. Скотт и его представления об эволюции городов в глобальные города-регионы⁴⁸, П. Тейлор и его концепция городов как глобальных центров корпоративного сектора⁴⁹ и др.

Таким образом, концепция “глобального города” отражает специфику функционирования городов, находящихся на определенном этапе социально-исторического развития, и не сводится к простой констатации односторонней включенности городов в глобальную систему отношений. В зависимости от теоретико-методологического подхода социолога “глобальное” представляет собой совокупность определенных *свойств*, в той или иной мере присущих городам.

Несмотря на высокую популярность данной концепции и ее активное использование современными учеными в качестве отправной точки своего теоретического анализа, на наш взгляд, не представляется возможным сформулировать четкое определение глобального города, очертив единственно возможный набор его характеристик в силу высокой скорости трансформации процессов социальной реальности. Подобного рода трудности на теоретико-концептуальном уровне становятся источником проблем, связанных с проведением эмпирических и прикладных исследований различных типов городов, формированием показателей и разработкой рейтингов городов.

Современное состояние социологической урбанистики характеризуется возникновением множества новых подходов к исследованию социальной действительности и соответствующим усложнением понятийно-категориального аппарата. Данные тенденции свиде-

⁴⁶ Подробнее см.: Вершинина И.А. “Коннектография” Парага Ханны: сети городов в XXI веке // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44; Грибова К.Л. Города в XXI веке: сравнительный анализ теоретических подходов Саскии Сассен и Парага Ханны // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 21. № 4.

⁴⁷ Brenner N., Keil R. From global cities to globalized urbanization // Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation. 2014. N 3.

⁴⁸ Scott A. Global city-regions: trends, theory, policy. Oxford, 2001.

⁴⁹ Taylor P.J. World city network: a global urban analysis. L., 2004.

тельствуют о необходимости четкого смыслового разграничения и достижения понятийной точности, что соответствует направлениям развития общей социологической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Город. М., 2018.
- Вершинина И.А. “Коннектография” Парага Ханны: сети городов в XXI веке // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 147–154.
- Вершинина И.А. Новые грани социального неравенства: концепция постмодернистской урбанизации Эдварда Сойи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 62–77.
- Вершинина И.А. Концепция мегалополиса Жана Готтмана // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. С. 36–48.
- Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М., 2019.
- Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 60–84.
- Грибова К.Л. Города в XXI веке: сравнительный анализ теоретических подходов Саскии Сассен и Парага Ханны // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 21. № 4. С. 38–62.
- Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.
- Парк Р. Город как социальная лаборатория // Рабочие тетради по истории и теории социологии. Вып. 1. М., 1992.
- Сассен С. Город как призма для социальной теории: новые исследовательские перспективы (перевод М.С. Ильченко) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 74–100.
- Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии. М.; СПб., 2002.

REFERENCES

- Brenner N., Keil R. From global cities to globalized urbanization // Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation. 2014.
- Castells M. Local and global: cities in the network society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. N 5.
- Castells M. The informational city: economic restructuring and urban development. Oxford; Cambridge, 2002.
- Friedmann J. The world city hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. N 1. P. 69–83.
- Geddes P. Cities in evolution. L., 1915.
- Gribova K.L. Goroda v XXI veke: sravnitel'nyj analiz teoreticheskikh podhodov Saskii Sassen i Paraga Hanny [XXI century cities: comparative analysis of Saskia

- Sassen's and Paraga Hannah's theoretical approaches] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. T. 21. N 4. S. 38–62 (in Russian).
- Hall P. The world cities. L., 1966.
- Hall P. Megacities, world cities and global cities. The first megacities lecture. Rotterdam, 1997.
- Machado M.S. Analysing the global city meanings, evolution and challenges. Milano, 2010.
- Marshall J.N. et al. Uneven development in the service economy: understanding the location and role of producer services // Report of the Producer Services Working Party, Institute of British Geographers and the ESRC, August. L., 1986.
- McKenzie R. The concept of dominance and world-organization // American Journal of Sociology. 1927. N 33. P. 28–42.
- Osipova N.G. Neravenstva v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).
- Pain K. World cities. International encyclopedia of geography: people, the earth, environment, and technology. WileyBlackwell; Chichester, 2017. P. 1–9.
- Park R. Gorod kak social'naya laboratoriya [City as a social laboratory] // Rabochie tetradi po istorii i teorii sociologii. 1992. Vol. 1 (in Russian).
- Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. New Jersey, 1991.
- Sassen S. Globalization and its discontents. N.Y., 1998.
- Sassen S. Cities in a world economy. Thousand Oaks, 2000.
- Sassen S. The global city: introducing a concept // Brown Journal of World Affairs. 2005. Vol. 11 (2). P. 27–43.
- Sassen S. A sociology of globalization. Norton; N.Y., 2007.
- Sassen S. Does the city have speech? // Public Culture. 2013. Vol. 25 (2).
- Sassen S. Gorod kak prizma dlya social'noj teorii: novye issledovatel'skie perspektivy (perevod M.S. Ilchenko) [The city: its return as a lens for social theory (translated by M.S. Ilchenko)] // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk.. 2013. T. 13. N 4. S. 74–100 (in Russian).
- Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs // City & Community. 2016. Vol. 15. N 2. P. 97–108.
- Sassen S. Migration in einer begrenzten Welt (english). URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1029&v=PXB2tsiKR_E (accessed: 15.12.2019).
- Scott A. Global city-regions: trends, theory, policy. Oxford, 2001.
- Stanback T.M. Understanding the service economy. Baltimore, 1979.
- Stanoeva E. The global city: a structural hole in the national territorial issue. An interview with Saskia Sassen by Elitza Stanoeva // Politics and Law: Metamorphoses. Critique & Humanism. 2012. Vol. 40. P. 115–132.
- Taylor P.J. World city network: a global urban analysis. L., 2004.
- Tennis F. Obshchnost' i obshchestvo: osnovnye ponyatiya chistoj sociologii [Community and society: basic concepts of pure sociology]. M.; SPb., 2002 (in Russian).
- The New Urban Agenda. URL: <http://habitat3.org/the-new-urban-agenda> (accessed: 15.12.2019).
- Vershinina I.A. "Konnektografiya" Paraga Hanny: seti gorodov v XXI veke [Parag Khanna's connectography: urban networks in the 21st century] // Vestnik Tomskogo

gosudarstvennogo universiteta. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2018. N 44. S. 147–154 (in Russian).

Vershinina I.A. Novye grani social'nogo neravenstva: koncepciya postmodernistskoï urbanizacii Edvarda Soïi [New features of social inequality: Edward Soya's concept of postmodernist urbanization] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* 2019. T. 25. N 1. S. 62–77 (in Russian).

Vershinina I.A. Koncepciya megalopolisa Zhana Gottmana [Jan Gottman's concept of megalopolis] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2019. T. 25. N 3. P. 36–48 (in Russian).

Vershinina I.A. Sovremennye teorii goroda: sociologicheskij analiz [Modern theories of the city: sociological analysis]. M., 2019 (in Russian).

Vershinina I.A., Polyakova N.L. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennoj sociologicheskoy urbanistiki [Theoretical and methodological problems of modern sociological urban studies] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2013. N 4. S. 60–84 (in Russian).

Weber M. Gorod [City]. M., 2018 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-111-129

СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ БЕДНОСТИ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматривается проблема эффективности системы здравоохранения в России, проводится сравнение по этому показателю нашей страны с другими странами мира. Одной из задач политики государства в сфере здравоохранения автор видит снижение уровня бедности населения страны и нивелирование неравенства в доступе к качественным медицинским услугам и лекарствам, без которых значительных позитивных изменений в сфере здравоохранения и общественного здоровья не добиться, так как связь между бедностью и неудовлетворительным состоянием здоровья сегодня очевидна.

Согласно мировым рейтингам, в настоящее время можно наблюдать отставание российской системы здравоохранения от развитых стран. Данный факт демонстрируют как объективные статистические показатели, так и социологические опросы, согласно которым население довольно низко оценивает достижения отечественного здравоохранения.

Автор работы уделяет внимание существующим в современном мире моделям здравоохранения и приходит к выводу, что границы между ними размыты, а эффективность здравоохранения как таковая практически не зависит от доминирующей в государстве модели.

Сделана попытка дать оценку политике российского государства в сфере здравоохранения. Оптимизация здравоохранения в России признана неудачной даже самими инициаторами реформ, ситуация с неравенством в области доступа к качественной медицинской помощи лишь ухудшается. При этом есть определенные успехи в области формирования здорового образа жизни среди населения.

Эмпирической базой стали данные Агентства экономических новостей Блумберг (Bloomberg), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Фонда “Общественное мнение” (ФОМ), Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), касающиеся вопросов здравоохранения в России и в мире.

Данная статья будет интересна специалистам в области социологии медицины и здоровья, экономической социологии, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современного здравоохранения, здоровья и здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровье, здравоохранение, модели здравоохранения, медицина, бедность, неравенство, здоровый образ жизни.

* Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

POVERTY REDUCTION AS A METHOD FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF THE HEALTH SYSTEM IN RUSSIA

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The article is dedicated to analysis of the healthcare system effectiveness in Russia and its comparison with other countries of the world. According to global ratings, Russian healthcare system lags behind developed countries. The author sees reduction of poverty as one of major tasks in state healthcare policy. This policy should also include the leveling of inequalities in access to medical services and medicines. Without such access positive changes in the field of public health and public health cannot be achieved, since the connection between poverty and poor health today is obvious.

According to global ratings, Russian healthcare system lags behind developed countries. This fact is demonstrated by statistical indicators and sociological polls, according to which the population assesses the achievements of domestic health care as quite low. According to Russian citizens it doesn't match the global standards.

The author also pays attention to the existing models of health care in the modern world and comes to the conclusion that the boundaries between them are blurred and as such the effectiveness of health care practically does not depend on type of the models dominating in different countries.

An attempt is made to assess the policy of the Russian state in the field of healthcare. The optimization of healthcare in Russia was recognized as unsuccessful even by the initiators of the reforms; the situation with inequality of access to quality medical care only gets worse. At the same time, there are certain successes in the formation of a healthy lifestyle among the population.

The conclusion is made that it is impossible to make significant positive changes in the field of healthcare and public health without overcoming the enormous poverty of the Russian population, because the link between poverty and poor health is undeniable, and one of the goals of health policy is to balance inequalities in access to quality health services.

The empirical base is data from the Bloomberg Economic News Agency, the World Health Organization (WHO), the Public Opinion Foundation (FOM), and the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM) regarding health issues in Russia and in the world.

This article will be of interest to specialists in sociology of medicine and health, economic sociology, as well as to a wide circle of readers interested in the problems of modern healthcare, health, and the healthy lifestyle.

Key words: health, healthcare, healthcare models, medicine, poverty, inequality, healthy lifestyle.

Здравоохранение является приоритетным направлением социальной политики Российской Федерации, конституция которой декларирует равенство прав граждан независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, запрещая любые формы ограничения этих

прав¹. Несмотря на гарантируемые конституцией права в такой сфере, как охрана здоровья населения, они не всегда реализуются на практике и продолжают существовать административные, коммуникационные и мотивационные барьеры, ограничивающие доступ людей к необходимой медицинской помощи. Здесь следует отметить, что это характерно не только для нашей страны. Нигде в мире не удалось обеспечить всеобщего, равного и неограниченного доступа к услугам института здравоохранения. Какой бы богатой ни была страна и какие огромные деньги ни тратились бы на здравоохранение, медицина способна поглотить любые средства². По данным ВОЗ в мире расходы на медицинское обеспечение увеличиваются на 1% от ВВП каждое десятилетие³, однако рост расходов далеко не всегда означает рост эффективности.

Вместе с тем, надо отметить, что здоровье нации зависит от того, какое количество граждан имеет доступ к здравоохранению независимо от их социального статуса. И если обеспеченные слои населения могут чувствовать себя в относительной безопасности в большинстве стран мира, то нижние слои социальной иерархии находятся в постоянной зоне риска. По мнению Всемирной организации здравоохранения, одной из главных задач всех стран является выработка такой политики в сфере здравоохранения, которая обеспечивала бы доступ к качественным медицинским услугам в первую очередь для необеспеченных слоев. Специалисты ВОЗ считают, что системы медицинской помощи, с одной стороны, “способны принять эффективные меры для улучшения состояния бедных слоев населения”, а с другой — не “создавать дополнительные трудности для жизни бедных людей”⁴.

Россия является показательным примером взаимосвязи бедности и здоровья нации. Бедных в России становится больше, огромное количество людей не живут, а выживают, во многих случаях это даже не бедность, а нищета (12% россиян денег не хватает даже на еду)⁵.

¹ Конституция Российской Федерации. Гл. 2. Права и свободы человека и гражданина. М., 2019.

² См., об этом: Власов В.В. Медицина в условиях дефицита ресурсов: к рациональности и справедливости. М., 2000.

³ Цит. по: Назарова В.В., Борисенкова К.А. Оценка эффективности системы здравоохранения в России // Народонаселение. 2017. № 4 (78).

⁴ Системы здравоохранения против бедности. Всемирная организация здравоохранения. Серия “Анализ конкретных ситуаций в области здравоохранения”. 2003. № 1. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/74785/E80225r.pdf (дата обращения: 09.10.2019).

⁵ Источник данных: Динамика материального положения россиян // ФОМнибус. 2019. 14 июля. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14233> (дата обращения: 09.10.2019).

Доходы россиян, в отличие от прожиточного минимума (11185 рублей на II квартал 2019 г.) не растут, а наоборот падают (24% россиян заявляют о том, что за последние 2–3 месяца их материальное положение ухудшилось)⁶, число людей живущих за чертой бедности увеличивается. 18,6 млн (12,7%) бедных — это официальные данные Росстата на II квартал 2019 г., но эксперты говорят о том, что реальная цифра в два раза выше — 35–37 млн (если за основу в расчетах взять недоступные человеку товары и услуги), доля оценивающих свое материальное положение как “плохое” и “очень плохое”, т.е. субъективно бедных — 29,6%⁷. По данным Левада-Центра на 2019 г. субъективные оценки дохода россиян (16,8 тысяч рублей на человека в месяц) в 2,3 раза ниже того уровня, который они считают нормальным (38,1 тысяч рублей на человека в месяц)⁸. Здесь следует отметить, что в России имеет место уникальная бедность — это бедность работающих, которая почти не встречается в развитых странах⁹.

Массовая бедность в России соседствует с прогрессирующим богатством. Доля национального дохода, приходящаяся на 10% лиц с самыми высокими заработками (верхняя дециль по уровню доходов) в России 46%, доля верхней центили (1% самых крупных состояний) 43% от общего объема имущества российских домохозяйств¹⁰, 10% владеют 83% совокупного благосостояния всех российских домохозяйств¹¹. В России на данный момент 72 долларовых миллиардера; учитывая очень скромный средний уровень дохода на взрослого цифра значительно превышает данный показатель в других больших экономиках. Специалисты Credit Suisse присудили России первое место в рейтинге наиболее неравномерных экономик мира¹².

Вернемся к взаимосвязи материального положения и здоровья. Низкие доходы не дают людям возможности обеспечить себя и чле-

⁶ Там же.

⁷ См.: Холявко А.В. В России стало больше бедных // Ведомости. 2019.29.07. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/07/29/807554-v-rossii-bolshe-bednih> (дата обращения: 09.10.2019).

⁸ Источник данных: Граница бедности и “нормального” уровня жизни в восприятии россиян // Левада-центр. Пресс выпуск. 2019.30.09. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/30/granitsa-bednosti-i-normalnogo-urovnya-zhizni-v-vospriyatii-rossiyan/> (дата обращения: 09.10.2019).

⁹ См., об этом: Сабетова Т.В. Проблема работающих бедных в Российской экономике // ЭКОНОМИНФО. 2011. № 16.

¹⁰ См.: Доклад о неравенстве в мире. Основные положения. 2018. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf> (дата обращения: 09.10.2019).

¹¹ См.: Global Wealth Report 2018 // Credit Suisse. URL: <file:///E:/global-wealth-report-2018.pdf> (accessed: 09.10.2019).

¹² Там же.

нов своей семьи качественным, разнообразным и сбалансированным питанием, лекарствами, оздоровительным отдыхом, достойными и комфортными условиями микросреды обитания и т.п. Постоянное отсутствие денег увеличивает количество конфликтных и стрессовых ситуаций, постоянные стрессы, в свою очередь, ведут к изменению нейроэндокринного и психологического функционирования организма и увеличивать риск заболеваний.

Более высокий уровень дохода оказывает как текущее, так и пролонгированное воздействие на здоровье, наступает момент перехода “количества (денег) в качество (здоровья)”¹³, так как стабильный высокий доход позволяет контролировать здоровье, предупреждать и вовремя диагностировать заболевания. “Высокие доходы не являются автоматически залогом лучшего здоровья, но они позволяют обеспечить определенный набор материальных благ, способствующих сохранению и укреплению потенциала здоровья”¹⁴.

Прежде чем перейти к анализу взаимосвязи между бедностью и системой здравоохранения, попытаемся для начала понять, как в принципе можно оценить результативность здравоохранения. Существуют разные подходы к оценке результативности и эффективности здравоохранения, однако так или иначе все они сводятся к трем основным показателям: медицинской, экономической и социальной эффективности. Под медицинской эффективностью обычно понимается степень достижения медицинского результата как в отношении конкретного больного, так и на уровне учреждений здравоохранения и отрасли в целом. Социальная эффективность — возвращение пациента к активной жизни в обществе, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности и инвалидности, удовлетворенность общества в целом системой оказания медицинской помощи. Экономическая эффективность связана с рациональным использованием имеющихся ресурсов, т.е. это соотношение результата и затрат¹⁵.

Агентство финансово-экономической информации Блумберг (*Bloomberg*) на основании данных Всемирной Организации здравоохранения, Организации Объединенных Наций и Всемирного банка в 2018 г. в очередной раз опубликовало рейтинг эффективности систем

¹³ Тапилина В.С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 126–137.

¹⁴ Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда, 2010.

¹⁵ См., например: Орлов Е.М., Соколова О.Н. Категория эффективности в системе здравоохранения // Фундаментальные исследования. 2010. № 4; Грищенко К.С. Сравнительный анализ методов оценки социально-экономической эффективности системы здравоохранения // Управление экономическими системами. 2012. № 8 (44).

здравоохранения по 56 странам мира¹⁶. Основой для составления рейтинга служат три основных показателя: средняя ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) при рождении, государственные затраты на здравоохранение в виде процента от ВВП на душу населения, стоимость медицинских услуг в пересчете на душу населения. Россия попала в рейтинг лишь в 2014 г. (51-е место из 51 страны мира) по причине того, что ранее ОПЖ в нашей стране составляла менее 70 лет, а страны со столь низкой продолжительностью жизни в рейтинге не участвуют. При этом в 2018 г. Россия оказалась в пятерке худших стран, заняв 53-е место (см. табл. 1), уступив лишь Сербии, Бразилии и Доминиканской Республике, но несколько обогнав Азербайджан, США и Болгарию.

Таблица 1

**Страны-лидеры и страны-аутсайдеры
по эффективности систем здравоохранения, 2018 г.**

Место в рейтинге	Страна	Коэффициент эффективности
1	Гонконг	87,3
2	Сингапур	85,6
3	Испания	69,3
4	Италия	67,6
5	Южная Корея	67,4
52	Сербия	32,2
53	Россия	31,3
54	Азербайджан	29,6
55	США	29,6
56	Болгария	29,4

Источник данных: Miller L.J., Lu W. These are the economies with the most (and least) efficient health care // Bloomberg. 2018.19.09. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-09-19/u-s-near-bottom-of-health-index-hong-kong-and-singapore-at-top>

Вышеописанный рейтинг, безусловно, не единственный и во многом спорный¹⁷. Однако положение нашей страны, к сожалению, все равно оставляет желать лучшего. Так, согласно статистическим

¹⁶ Об этом: Miller L.J., Lu W. These are the economies with the most (and least) efficient health care // Bloomberg. 2018.19.09. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-09-19/u-s-near-bottom-of-health-index-hong-kong-and-singapore-at-top> (accessed: 10.09.2019).

¹⁷ См., например: Минздрав нашел серьезные ошибки в рейтинге Bloomberg по здравоохранению // РИА Новости. 2016.29.09. URL: <https://ria.ru/20160929/1478150933.html> (дата обращения: 16.09.2019).

данным Нумбео (Numbeo) по уровню медицинского обслуживания в странах мира Россия в 2019 г. находилась на 60-м месте из 84 возможных (52 из 69 в 2018)¹⁸. В рейтинге Нумбео специалисты оценивали общее качество систем здравоохранения, оснащенность больниц оборудованием, профессиональный уровень врачей, стоимость обслуживания в клиниках; они работали опросным методом, а не опирались на данные национальных служб статистики.

Население России так или иначе согласно с тем, что уровень развития российской медицины ниже, чем в передовых странах мира: так, по данным ФОМ на 2019 г., считает 58% жителей нашей страны¹⁹. Оценку “хорошо” ставят российскому здравоохранению лишь 7% граждан (цифра остается низкой на протяжении последних 10 лет и колеблется от 3 до 10%), удовлетворительно оценивают состояние здравоохранения 35%, плохо — 53%²⁰. Правда, в будущем население ситуацию видит чуть более оптимистично. 21% россиян считает, что уровень развития российской медицины через 10 лет будет выше, чем в передовых странах мира, 32% полагают, что он останется таким же и 30% считают, что он окажется ниже²¹.

Как Bloomberg, так и Numbeo при составлении своих рейтингов во многом опираются на показатели экономической эффективности (в особенности Bloomberg), т.е. получение результата при максимально экономичном использовании имеющихся ресурсов. Именно этим объясняется относительно высокие позиции в рейтинге таких стран как Малайзия (29-е место) или Мексика (21-е место), где стоимость медицинских услуг низкая. А крупнейшая экономика мира, США, напротив, оказывается только на 55-м месте из-за крайне высокой стоимости качественной медицины²². Конечно, в идеале экономическая составляющая не должна быть определяющей, ведь без хороших результатов медицинской и социальной эффективности экономическая теряет всякий смысл, а инвестиции в человеческий капитал, главным составляющим которого является именно здоровье, имеют объективную необходимость.

¹⁸ Источник данных: Health Care Index for Country 2019 // Numbeo. URL: https://www.numbeo.com/health-care/rankings_by_country.jsp?title=2019 (accessed: 10.09.2019).

¹⁹ Источник данных: Представления о современной медицине // ФОМнибус. 2019. 06 окт. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14278> (дата обращения: 16.10.2019).

²⁰ Источник данных: Состояние здравоохранения и самые острые проблемы этой сферы // ФОМнибус. 2019. 14 апр. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14202> (дата обращения: 16.09.2019).

²¹ Источник данных: Представления о современной медицине // ФОМнибус. 2019. 6 окт. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14278> (дата обращения: 16.09.2019).

²² Источник данных: Miller Lee J., Wei Lu. Op. cit.

Тот факт, что наша страна в мировых рейтингах, оценивающих здравоохранение, занимает последние места, является отражением глобальных проблем в этой сфере и должен привести к пересмотру системы ее финансирования. Если сравнивать Россию, например, с Белоруссией (49-е место в рейтинге Блумберг, коэффициент эффективности — 35,3) и Казахстаном (44-е место, коэффициент эффективности — 39,2), то денег мы тратим значительно больше, а вот по эффективности проигрываем²³. Здравоохранение в России является прекрасным примером того, “как благие намерения и огромные деньги превращаются в ничто”²⁴.

Систему здравоохранения в Российской Федерации с точки зрения ее устройства можно охарактеризовать как социально-страховую или смешанную с превалированием государственного сектора. Насколько это совершенная модель, сказать сложно, так как успехи и неудачи бывают при любом типе финансирования. Всего принято различать четыре основные модели здравоохранения²⁵:

- *рыночная* (предоставление медицинской помощи преимущественно на платной основе, как это происходит в США, некоторых странах Азии, Африки, Латинской Америки);
- модель Семашко (действовала в СССР и странах соцлагеря) и модель Бевериджа (Великобритания, Финляндия, Португалия, Австралия, Испания, Сингапур, Италия, Швеция, Канада, Новая Зеландия, Гонконг, Норвегия, Ирландия, Дания). Обе модели можно условно объединить под названием *государственные (бюджетные)*. Финансирование здравоохранения в рамках данных моделей в основном происходит из государственного бюджета. Однако хотя они и базируются на бюджетном финансировании, но существенно отличаются по внутреннему строению, поэтому их и выделяют в две отдельные модели;
- *смешанная или социально-страховая* (Германия, Франция, Нидерланды, Австрия, Бельгия, Голландия, Швейцария, Канада, Япония, Израиль).

²³ Там же.

²⁴ Чернова Н. Черная дыра здравоохранения // Новая газета. 2019.04.11. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/11/04/82612-proval-optimizatsii-zdravoohraneniya> (дата обращения: 09.11.2019).

²⁵ См., например: Карпов О.Э., Махнев Д.А. Модели систем здравоохранения разных государств и общие проблемы сферы охраны здоровья населения // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. 2017. № 3; Желтенков А.В. Особенности моделей функционирования систем здравоохранения в развитых странах // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. 2019. № 2.

Следует отметить, что в современном мире границы между моделями размыты, а такой важный элемент, как государственное финансирование, присутствует в каждой из них.

Сегодня сложно дать однозначную оценку политике РФ в области здравоохранения. С одной стороны, “политика формирования здорового образа жизни заметно активизировалась: приняты важные программные документы, созданы центры здоровья, поэтапно повышаются ставки акцизов на алкоголь и табак и т.д.”²⁶, а с другой стороны, тот факт, что оптимизация здравоохранения в регионах провалена, признается на самом высоком уровне. В частности, председатель правительства РФ (здесь и далее должности указаны на момент написания статьи — *прим. ред.*) Т.А. Голикова заявила о том, что “оптимизация здравоохранения во многих регионах была проведена неудачно”²⁷. В этом с ней согласилась министр здравоохранения В.И. Скворцова, добавив к этому, что “инфраструктура поликлиник и больниц сильно устарела”²⁸. Министр финансов А. Силуанов, в свою очередь, считает, что множество поликлиник и районных больниц в России находятся “в плохом, если не сказать ужасном, состоянии”²⁹. По данным Минздрава, количество врачей сокращено в 55 регионах страны, при этом потребность в медицинских услугах не уменьшилась, а наоборот стала выше, ведь население стареет и соответственно больше болеет³⁰. Причем, обеспеченность высококвалифицированными медицинскими кадрами в сельской местности в 3,4 раза меньше, чем в городах, а медработниками среднего звена — в 1,7 раза³¹. Очевидно, что чем меньше врачей и коек, тем ниже доступность медицинской помощи. В таких условиях сложно говорить о какой-либо эффективности. Ситуация усугубляется тем, что для сельской местности характерен более высокий уровень бедности, который, по некоторым данным, там почти в два раза выше предельно допустимого по международным меркам уровня³².

²⁶ Колосницына М.Г. Политика здорового образа жизни: от теории к практике // Развитие человеческого капитала — новая социальная политика / Науч. ред.: В.А. Мау, Т.Л. Клячко. М., 2013. С. 178–204.

²⁷ Штурма Я. “Ужасное состояние”: власти признали провал реформы здравоохранения // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/11/03/12793676.shtml> (дата обращения: 09.11.2019).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Чернова Н. Указ. соч.

³¹ См., об этом: Аймалетдинов Т.А., Моженкова Е.М. Угрозы принципам социальной справедливости в российской системе здравоохранения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130).

³² Бондаренко Л.В. Бедность сельской России // Отечественные записки. 2012. № 6 (51).

Политика государства, в сфере здравоохранения — это система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского характера³³. При этом, государству следует помнить, что эффективность здравоохранения следует повышать не только путем реформирования непосредственно самой системы здравоохранения, но и проводя преобразования в смежных сферах, т.е. формировать единую “здоровую” среду.

Основополагающим правом каждого человека является “обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья” (ВОЗ, 1946 г.)³⁴, что налагает на государство обязательства “обеспечить доступ к своевременной, приемлемой и доступной по стоимости медицинской помощи надлежащего качества”³⁵ и других условий для сохранения и укрепления здоровья. Особое внимание при этом государство должно уделить наиболее обездоленным группам населения, так как именно они чаще всего лишены возможности поддерживать хорошее здоровье.

Ниже приводятся некоторые меры государственной политики в области здравоохранения и общественного здоровья, которые в общем-то лежат на поверхности, но без их качественной реализации на практике добиться реального повышения эффективности системы здравоохранения в стране и улучшения здоровья населения невозможно. Все приведенные ниже меры очень важны, но, пожалуй, наиболее значимой мерой, которая должна красной нитью пройти через всю политику России в области здоровья и здравоохранения (и всякую политику вообще), является снижение уровня бедности и социально-экономического неравенства, без уменьшения масштабов которых любая политика будет малоэффективной. Очень условно меры политики в области здравоохранения и общественного здоровья можно свести к двум взаимосвязанным аспектам: во-первых, к созданию условий для сохранения и укрепления здоровья, и, во-вторых, к формированию у населения желания и умений это здоровье сохранять и укреплять. Остановимся на мерах интересующей нас политики подробнее.

³³ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” // Сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-ot-21-noyabrya-2011-g-323-fz-ob-osnovah-o> (дата обращения: 09.10.2019).

³⁴ WHO remains firmly committed to the principles set out in the preamble to the Constitution // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/about/who-we-are/constitution> (accessed: 04.10.2019).

³⁵ Права человека и здоровье // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/human-rights-and-health> (дата обращения: 05.10.2019).

1. Создание благоприятных условий, способствующих сохранению и укреплению физического, психического и социального здоровья населения, что включает в себя:

- Квалифицированную и доступную медицинскую помощь (профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию). Именно этот фактор, по мнению 64% россиян, является ключевым для увеличения продолжительности жизни³⁶. Необходимо обеспечение равенства шансов на качественную медицинскую помощь всех социально-экономических групп, или, по крайней мере, минимизация разрыва в этой области.

Сегодня социальные и экономические условия, в которых проживают люди, во многом определяют возможности лечения в случае заболевания. Материальное положение оказывает прямое влияние на то, насколько легко человеку получить качественную медицинскую помощь как в России, так и в других странах мира. По данным ФОМ, 45% тех, у кого “хватает на автомобиль” считает, что получить качественную медицинскую помощь легко, а среди людей с низкими доходами таких уже лишь 24%³⁷.

По данным исследования, проведенного в 2018 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН, неравенство в доступе к медицинской помощи является одним из наиболее болезненных как для общества в целом (70% россиян считают именно так), так и лично для респондентов (51%). Данный тип неравенства по своей болезненности прочно обосновался на втором месте среди множества остальных, пропустив вперед только неравенство в доходах (84% для общества и 69% лично для респондента)³⁸.

- Совершенствование системы лекарственного обеспечения пациентов. Население России считает высокие цены на лекарства, медикаменты одной из самых острых проблем здравоохранения в своем регионе (66%). Помимо этого, граждане говорят об отсутствии необходимых лекарств в больницах, медучреждениях (18%) и аптеках (10%)³⁹. Согласно опросу ФОМ, за последние полгода–год

³⁶ Источник данных: Качество жизни россиян: ключевые факторы // ВЦИОМ. Пресс-Выпуск. 2018. 03 дек. № 3831. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9460> (дата обращения: 10.09.2019).

³⁷ Цит. по: Журавлева И.В. Как уменьшить неравенство в здоровье? Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость // Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов М., 2016.

³⁸ См.: Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3.

³⁹ Источник данных: Состояние здравоохранения и самые острые проблемы этой сферы // ФОМнибус. 2019. 14 апр. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14202> (дата обращения: 10.09.2019).

около 70% населения столкнулись с тем, что лекарства, которые они покупали регулярно, существенно подорожали, что заставляет людей отказываться от их покупки (33%), заменяя привычные медикаменты на более дешевые аналоги (в России 67% тех, кто экономит на лекарствах), покупая их реже и в меньших количествах (24%), отказываясь от некоторых лекарств и медикаментов вовсе (21%)⁴⁰.

- Обеспечение безопасной среды обитания, что включает в себя: безопасность, связанную с техническим состоянием среды обитания, природными факторами, антитеррористическую защищенность, безопасность дорожного движения, экологическую безопасность и т.п. По данным опросов, безопасность стабильно входит в тройку лидеров среди составляющих качества жизни для наших соотечественников. По данным на 2018 г. она занимает второе место со средним балом 4,61 (выше расположилось только здоровье — 4,69)⁴¹. Очевидно, что бедным людям гораздо сложнее обеспечить себе и членам своей семьи безопасные условия для жизни. Это, например, может быть связано с жилищными условиями (сырость в помещении, перенаселенность, проблемы с отоплением жилья), воздействием шума, вторичного табачного дыма дома и на работе и т.п.⁴²

- Меры по охране здоровья на рабочем месте, в быту, на отдыхе и во время обучения. В качестве доказательства необходимости работы в этой области можно привести данные ВОЗ, которые свидетельствуют о том, что, например, меры по охране здоровья на рабочих местах помогают на 27% сократить продолжительность пребывания в отпуске по болезни и на 26% — расходы компаний на медико-санитарное обслуживание⁴³. Наименее незащищенными в этом плане опять же являются низкооплачиваемые работники, занятые неквалифицированным трудом, безопасность и здоровье которых чаще всего оказывается под угрозой.

- Снабжение населения доступными экологически чистыми и полноценными продуктами питания, а также информирование людей о влиянии состава того или иного продукта на здоровье, в частности,

⁴⁰ Источник данных: Импортные и отечественные лекарства // ФОМнибус. 2016.20.03. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/12729> (дата обращения: 10.09.2019).

⁴¹ Источник данных: Качество жизни россиян: ключевые факторы // ВЦИОМ. Пресс-Выпуск. 2018. 03 дек. № 3831. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9460> (дата обращения: 10.09.2019).

⁴² См., об этом: Браубах М., Эру М.Е., Король Н., Косбаева А., Пауновик Е., Застенская И. Неравенство в степени подверженности экологическим рискам в Европейском регионе ВОЗ // Гигиена и санитария. 2015. № 1.

⁴³ См., об этом: Охрана здоровья на рабочем месте // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/protecting-workers'-health> (дата обращения: 10.09.2019).

размещения дополнительных знаков отличия и информации на упаковке. Но главное, для того чтобы люди питались правильно, нужно, как минимум, повысить их уровень жизни и дать им возможность покупать “правильные” продукты. 61% россиян считает, что для обеспечения здорового питания нужно много денег (40% — “времени и денег”, 21% — “много денег, но можно обойтись без больших временных затрат”)⁴⁴. При этом, по данным ФОМ 2019 г., 39% жителей нашей страны заявляют о том, что за последние полгода они стали больше экономить на продуктах, причем среди самых низкодоходных групп таких 65% (среди тех, кому денег не хватает на питание) и 51% (хватает на питание, но не на одежду)⁴⁵.

2. Формирование у населения чувства ответственности за свое здоровье, бережного отношения к нему, т.е. формирование компетенций, необходимых для здорового образа жизни, и его пропаганда государством. Здесь необходима работа в сфере образования, культуры, досуга, инфраструктуры, охраны труда, окружающей среды.

На 2019 г., по данным Росстата, лишь 12% россиян вели здоровый образ жизни. Согласно методике Росстата, утвержденной в марте 2019 г., люди, ведущие здоровый образ жизни, не курят, едят не меньше 400 грамм овощей и фруктов в день, потребляют не больше пяти грамм соли в день, имеют не меньше 150 минут умеренной или 75 минут интенсивной физической нагрузки в неделю, мало пьют алкоголя (не более 168 грамм чистого спирта в неделю для мужчин и не более 84 грамм для женщин)⁴⁶. Если брать за основу данную трактовку здорового образа жизни, то вести его нужно постоянно, а это дорого, в этом смысле ЗОЖ — привилегия более высоких социальных слоев с оплатой труда выше среднего. Данный факт подтверждают социологические исследования, согласно которым для более высоких социальных слоев характерны более здоровый стиль жизни и профилактика проблем со здоровьем, в то время как низкодоходным группам свойственны более вредные условия труда, они чаще курят и употребляют алкоголь и более пассивно относятся к профилактическим мерам по сохранению здоровья⁴⁷.

⁴⁴ Источник данных: О здоровом питании // ФОМнибус. 2014.01.06. URL: <https://fom.ru/m/Obraz-zhizni/11558> (дата обращения: 10.09.2019).

⁴⁵ Источник данных: Продукты и товары: статьи экономии // ФОМнибус. 2019.24.03. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14189> (дата обращения: 10.09.2019).

⁴⁶ См.: Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни // ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457> (дата обращения: 10.09.2019).

⁴⁷ См., например: Рощина Я.М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 3.

Меры государственной политики в области здорового образа жизни, которые будут описаны ниже, следует предварить преобразованиями, направленными на борьбу с бедностью, так как прививать здоровый образ жизни 19 миллионам россиян, проживающих за чертой бедности, крайне затруднительно. К таким мерам можно отнести:

- Активное использование в рамках информационно-пропагандистской кампании как средств массовой информации: печатных СМИ, радио, телевидения, — так и других методов устной, печатной, наглядной и комбинированной пропаганды. По данным исследований, реклама здорового образа жизни и антиреклама вредных привычек выступают важным инструментом политики ЗОЖ во многих странах мира⁴⁸.

- Создание условий для реализации принципов здорового образа жизни и устранение препятствий для выбора человеком ЗОЖ. Организация здоровьесберегающей инфраструктуры, что включает в себя развитие транспорта, строительство спортивных объектов, создание центров здоровья, организация здорового питания вне дома и т.п. Свою роль здесь могут сыграть работодатели (полная или частичная оплата абонементов в спортзал, питание в офисе и т.п.), которым в данном случае необходима поддержка государства (льготное налогообложение).

- Поощрение на всех уровнях детского и юношеского спорта, так как навыки здорового образа жизни закладываются в детском и подростковом возрасте. Особое внимание здесь следует уделить детям с ограниченными возможностями, ребятам из неблагополучных и малообеспеченных семей, так как именно у них чаще всего не хватает сил и средств на то, чтобы ребенок занимался спортом. При этом спорт не только способствует укреплению здоровья и коррекции недостатков физического развития и телосложения, повышая функциональные возможности организма, но и отвлекает молодежь от далеко не всегда положительного влияния улицы, являясь профилактикой девиантного поведения.

- Повышение цен и акцизов на алкоголь и табак, т.е. политика, делающая нездоровое поведение экономически невыгодным. Например, повышение акцизов на табак и удорожание табачной продукции не только выгодно для государства (в 2017 г. это пополнило государственный бюджет РФ более чем на 500 миллиардов рублей)⁴⁹,

⁴⁸ См., об этом: Колосницына М.Г. Указ. соч.

⁴⁹ См., об этом: Доходы от дыма: 500 миллиардов казне, остальное в тени // Парламентская газета. 2017.16.10. URL: <https://www.pnp.ru/economics/dokhody-ot-dyma-500-milliardov-kazne-ostalnoe-v-teni.html> (дата обращения: 05.10.2019).

но и снижает количество курильщиков, так как существует обратная зависимость между ценой на сигареты и их курением. “10% повышение цен на сигареты в развитых странах приводит к 3–5% снижению потребления сигарет”⁵⁰. Согласно опросу ФОМ, почти половина тех, кто положительно относится к повышению цен на сигареты, считает, что многие в таком случае откажутся от курения (48,9%)⁵¹. Сами курящие заявляют, что если пачка сигарет будет стоить более 200 рублей, то 28% из них бросят курить, 15,4% станут курить меньше, однако четверть никак не изменят свои привычки (25,6%)⁵².

- Прямые запретительные и ограничительные меры на некоторые виды поведения (курение, употребление алкоголя, продажа алкогольной продукции и т.п.). В частности, законы о запрете курения в общественных местах и помещениях защищают некурящих людей от вторичного дыма, безопасной дозы которого не существует. Кроме того, данная мера способствует отказу курильщиков от этой вредной привычки. По данным ФОМ, 35% россиян считают, что с введением “анти табачных” мер люди стали курить меньше в общественных местах, такого мнения придерживаются 28% курильщиков, 45% тех, кто курил, но бросил, и 36% тех, кто никогда не курил⁵³.

- Проведение продуманной политики по повышению грамотности населения в вопросах ЗОЖ, включающей в себя трансляцию актуальной научно обоснованной информации о существующих рисках для здоровья и способах их нивелирования. Как показывают исследования, россияне не очень компетентны в вопросах здорового образа жизни⁵⁴. Это особенно актуально, если говорить о родителях несовершеннолетних детей, которые могли бы передать своим детям культуру ЗОЖ, однако, часто не обладают достаточными для этого навыками и компетенциями. Также вариантом трансляции основ здорового образа жизни могли бы стать уроки ЗОЖ в общеобразовательных школах.

⁵⁰ Более высокие цены на табачные изделия сокращают курение, снижая его распространенность и сокращая количество выкуриваемых сигарет теми, кто продолжает курить. URL: http://www.treatobacco.net/ru/page_120.php (дата обращения: 07.10.2019).

⁵¹ Источник данных: Отношение к повышению цен на сигареты // ФОМнибус. 2013. 23 июня. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/10976> (дата обращения: 09.10.2019).

⁵² Источник данных: О новых мерах против курения // ФОМнибус. 2018. 01 июля. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14061> (дата обращения: 09.10.2019).

⁵³ Источник данных: О курении и дыхании // ФОМнибус. 2015. 25 окт. URL: <https://fom.ru/Sostoyanie-zdorovya/12483> (дата обращения: 09.10.2019).

⁵⁴ См. например: *Новосёлова Е.Н.* К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 30–57.

В 2019 г. Фонд “Общественное мнение” провел опрос, посвященный тревогам и страхам россиян. Судя по результатам, больше всего россияне тревожатся о здоровье (своем — 34% и близких — 52%), также они серьезно опасаются безденежья (31%). Если речь идет о ситуации в России, то повышение цен и обнищание людей вообще прочно удерживают первые места в рейтинге тревог (35%)⁵⁵. Аналогичные данные были получены в том же году аналитическим центром Юрия Левады. При оценке страхов по пятибалльной шкале, где “1” — “совершенно не испытываю страха”, “5” — “испытываю постоянный страх”, россияне отдали страху “болезнь детей, близких” 4,2 балла (самый высокий балл из всех), собственным болезням — 3,4, бедности — 3,2⁵⁶.

Существование огромного количества людей с очень низким доходом признается одной из главных нерешенных проблем страны, в том числе на самом высоком уровне. В послании Федеральному Собранию в марте 2018 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что обеспечение уверенного, долгосрочного роста доходов россиян является одной из ключевых задач на ближайшие десять лет, а за шесть лет нужно как минимум вдвое снизить уровень бедности⁵⁷. Здравоохранение также признается “больным местом”, активно идет обсуждение низкой доступности медицинских учреждений, плохого оснащения больниц и поликлиник, ветхого состояния зданий и почти повсеместного дефицита кадров⁵⁸.

Тем не менее, люди с низким доходом сегодня все еще находятся в своеобразном замкнутом круге. С одной стороны, они чаще, чем более высокодоходные группы, имеют плохое здоровье, а с другой — плохое здоровье оказывает влияние на уровень их дохода. Разорвать этот порочный круг крайне сложно, так как бедность и хорошее здоровье практически несовместимы, здесь сложно согласиться с половицей “здоровье не купишь”. Поэтому основными направлениями

⁵⁵ Источник данных: Тревоги и опасения: повседневная жизнь, страна, мир // ФОМнибус. 2019.31.03. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14194> (дата обращения: 09.10.2019).

⁵⁶ Источник данных: Страхи // Аналитический центр Юрия Левады. Пресс-выпуск. 2019.29.10. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/29/strahi-4/> (дата обращения: 09.10.2019).

⁵⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года. Москва // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 09.10.2019).

⁵⁸ См., например: Заседание президиума Госсовета о задачах субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения. 31 сентября 2019 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61942> (дата обращения: 09.10.2019).

политики государства в сфере здоровья и здравоохранения должны стать улучшение условий жизни населения, борьба с бедностью и неравенством. Когда треть населения страны едва сводит концы с концами, о здоровье нации говорить не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аймалетдинов Т.А., Моженкова Е.М. Угрозы принципам социальной справедливости в российской системе здравоохранения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130).

Бондаренко Л.В. Бедность сельской России // Отечественные записки. 2012. № 6 (51).

Власов В.В. Медицина в условиях дефицита ресурсов: к рациональности и справедливости. М., 2000.

Грищенко К.С. Сравнительный анализ методов оценки социально — экономической эффективности системы здравоохранения // Управление экономическими системами. 2012. № 8 (44).

Доклад о неравенстве в мире. Основные положения. 2018. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf>

Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни // ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457>

Желтенков А.В. Особенности моделей функционирования систем здравоохранения в развитых странах // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. 2019. № 2.

Журавлева И.В. Как уменьшить неравенство в здоровье? // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–1 октября 2016 года) // Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров М., 2016.

Карпов О.Э., Махнев Д.А. Модели систем здравоохранения разных государств и общие проблемы сферы охраны здоровья населения // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. 2017. № 3.

Колосницына М.Г. Политика здорового образа жизни: от теории к практике // Развитие человеческого капитала — новая социальная политика / Науч. ред. В.А. Мау, Т.Л. Клячко. М., 2013.

Конституция Российской Федерации. Гл. 2. Права и свободы человека и гражданина. М., 2019.

Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3.

Назарова В.В., Борисенкова К.А. Оценка эффективности системы здравоохранения в России // Народонаселение. 2017. № 4 (78).

Новосёлова Е.Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 30–57.

Орлов Е.М., Соколова О.Н. Категория эффективности в системе здравоохранения // Фундаментальные исследования. 2010. № 4.

Охрана здоровья на рабочем месте // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/protecting-workers'-health>

Рощина Я.М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 3.

Сабетова Т.В. Проблема работающих бедных в Российской экономике // ЭКОНОМИНФО. 2011. № 16.

Системы здравоохранения против бедности. Всемирная организация здравоохранения. Серия “Анализ конкретных ситуаций в области здравоохранения”. 2003. № 1.

Тапилина В.С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социологические исследования. 2004. № 5.

Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда, 2010.

REFERENCES

Ajmaletdinov T.A., Mozhenkova E.M. Ugrozy principam social'noj spravedlivosti v rossijskoj sisteme zdravooohranenija [Threats to the principles of social justice in the Russian healthcare system] // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2015. N 6 (130) (in Russian).

Bondarenko L.V. Bednost' sel'skoj Rossii [The Poverty of Rural Russia] // Otechestvennye zapiski. 2012. N 6 (51) (in Russian).

Braubach M., Heroux M.E., Korol N., Kosbayeva A., Paunovic E., Zastenskaya I. Neravenstvo v stepeni podverzhennosti jekologicheskim riskam v Evropejskom regione VOZ [Inequality in the degree of exposure to environmental risks in the WHO European Region] // Gigiena i sanitarija. 2015. N 1 (in Russian).

Doklad o neravenstve v mire. Osnovnye polozhenija [Report on inequality in the world. The main provisions]. 2018. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf> (in Russian).

Dolja grazhdan, vedushhih zdorovyj obraz zhizni [The proportion of citizens leading a healthy lifestyle] // EMISS Gosudarstvennaja statistika. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457> (in Russian)

Global Wealth Report 2018 // Credit Suisse. URL: <file:///E:/global-wealth-report-2018.pdf>

Grishhenko K.S. Sravnitel'nyj analiz metodov ocenki social'no — jekonomicheskoj jeffektivnosti sistemy zdravooohranenija [Comparative analysis of methods for assessing the social and economic efficiency of the healthcare system] // UJekS. 2012. N 8 (44) (in Russian).

Health Care Index for Country 2019 // Numbeo. URL: https://www.numbeo.com/health-care/rankings_by_country.jsp?title=2019

Karpov O.Je., Mahnev D.A. Modeli sistem zdravooohranenija raznyh gosudarstv i obshhie problemy sfery ohrany zdorov'ja naselenija [Models of healthcare systems of different states and general problems of public health] // Vestnik Nacional'nogo mediko-hirurgicheskogo Centra im. N.I. Pirogova. 2017. N 3 (in Russian).

Kolosnicyna M.G. Politika zdorovogo obraza zhizni: ot teorii k praktike [The policy of a healthy lifestyle: from theory to practice] // Razvitie chelovecheskogo kapitala — novaja social'naja politika / Nauch. red. V.A. Mau, T.L. Kljachko. M., 2013 (in Russian).

Konstitucija Rossijskoj Federacii. Gl. 2. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina [The Constitution of the Russian Federation. Ch. 2. Human and civic rights and freedoms]. M., 2019 (in Russian).

Mareeva S.V. Social'nye neravenstva i social'naja struktura sovremennoj Rossii v vospriyatii naselenija [Social inequalities and the social structure of modern Russia in the perception of the population] // Vestnik Instituta sociologii. 2018. T. 9. N 3 (in Russian).

Miller L.J., Lu W. These are the economies with the most (and least) efficient health care // Bloomberg. 2018.19.09. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-09-19/u-s-near-bottom-of-health-index-hong-kong-and-singapore-at-top>

Nazarova V.V., Borisenkova K.A. Ocenka jeffektivnosti sistemy zdravooohranenija v Rossii [Evaluation of the effectiveness of the healthcare system in Russia] // Narodonaselenie. 2017. N 4 (78) (in Russian).

Novoselova E.N. K voprosu o roli sociologii v izuchenii i sohranении zdorov'ja naselenija Rossii [Role of sociology in the study and maintenance of health among Russian population] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2017. T. 23. N 3. S. 30–57 (in Russian).

Orlov E.M., Sokolova O.N. Kategorija jeffektivnosti v sisteme zdravooohranenija [Efficiency category in the healthcare system] // Fundamental'nye issledovanija. 2010. N 4 (in Russian).

Ohrana zdorov'ja na rabochem meste [Health at work] // Oficial'nyj sajt VOZ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/protecting-workers'-health> (in Russian).

Roshhina Ja.M. Stil' zhizni v otnoshenii zdorov'ja: imeet li znachenie social'noe neravenstvo? [Healthy lifestyle: Does social inequality matter?] // Jekonomicheskaja sociologija. T. 17. N 3 (in Russian).

Sabetova T.V. Problema rabotajushhih bednyh v Rossijskoj jekonomike [The problem of working poor in the Russian economy] // JeKONOMINFO. 2011. N 16 (in Russian).

Shabunova A.A. Zdorov'e naselenija v Rossii: sostojanie i dinamika [Public health in Russia: state and dynamics]. Vologda, 2010 (in Russian).

Sistemy zdravooohranenija protiv bednosti [Health systems against poverty] // Vsemirnaja organizacija zdravooohranenija. Serija "Analiz konkretnyh situacij v oblasti zdravooohranenija". 2003. N 1 (in Russian).

Tapilina B.C. Social'no-jekonomicheskij status i zdorov'e naselenija [Socio-economic status and public health] // Sociologicheskie issledovanija. 2004. N 3 (in Russian).

Vlasov V.V. Medicina v uslovijah deficita resursov: k racional'nosti i spravedlivosti [Medicine in conditions of scarcity of resources: towards rationality and justice] M., 2000 (in Russian).

Zheltenkov A. V. Osobennosti modelej funkcionirovanija sistem zdravooohranenija v razvityh stranah [Features of models of the functioning of health systems in developed countries] // Vestnik MGOU. Serija: Jekonomika. 2019. N 2 (in Russian).

Zhuravleva I.V. Kak umen'shit' neravenstvo v zdorov'e? [How to reduce health inequalities?] // Sociologija i obshhestvo: social'noe neravenstvo i social'naja spravedlivost' (Ekaterinburg, 19-21 oktjabrja 2016 goda) // Materialy V Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa / Otv. red. V.A. Mansurov M., 2016 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-130-143

СТРУКТУРА ЛОББИСТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена анализу структуры лоббистских отношений, включающей в себя субъекты и объекты лоббизма, цели лоббизма, а также стратегии и методы, применяемые для достижения целей. Цель статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать общие тенденции взаимодействия групп интересов с органами власти в современных социально-политических системах, выявить, чем обоснован выбор используемых стратегий и методов влияния. Тенденции, описываемые автором, являются в достаточной степени универсальными для современных политических систем. Структура лоббистских отношений меняется вслед за растущим количеством организованных групп, которые используют все более разнообразные методы и стратегии влияния на органы власти, что приводит к созданию как новых каналов политической коммуникации, так и развитию неформальных связей, которые порой строятся в обход традиционных механизмов представительства. Полученные результаты позволяют лучше понять роль групп интересов в политических системах современности и механизм их влияния на выработку политики.

Ключевые слова: лоббизм, методы лоббизма, стратегии лоббизма, группы интересов, группы давления.

STRUCTURE OF LOBBYING RELATIONS IN CONTEMPORARY WORLD

Kanevskiy Pavel S., Associate Professor, Candidate of Political Science, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of lobbying relations structures, including actors of lobbying and their objects of influence, lobbying goals, as well as strategies and methods used to achieve these goals. The main purpose of the article is to demonstrate common synergies in lobbying relations and to show why groups are using particular strategies and methods of influence. The trends described by the author are relatively

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

universal for modern political systems. The structure of lobbying relations depends on the growing number of organized groups that use more diverse methods and strategies for influencing authorities, which leads to the emergence of new channels of communication, as well as to the development of informal ties, which often bypass traditional institutions of political representation. The results allow to better understand what role do interest groups play in contemporary political systems and what mechanisms do they use to influence decision making.

Key words: *lobbying, lobbying methods, lobbying strategies, interest groups, pressure groups.*

Сегодня институт лоббизма является неотъемлемой частью большинства социально-политических систем. Причем, лоббизм развивается независимо от существования конституционных предпосылок его формирования и институциональных основ взаимодействия между организованными группами и органами власти. Лоббизм существует и в тех системах, в которых он остается преимущественно неформальным институтом и не регулируется четкими нормами и правилами. Лоббистские отношения все глубже проникают в ткань политического процесса, оказывая влияние на общую структуру властных отношений.

Эволюция лоббизма имеет много общего со становлением институтов власти в целом. Институт лоббизма развивался изначально как набор социальных и в большинстве неформальных практик, которые постепенно стали приобретать более устойчивые черты. Однако темпы институционализации и формализации лоббизма во всем мире являются разными, так как зависят от типа политической системы, политической культуры и общества, в котором он эволюционирует. В конечном счете, институт лоббизма всегда сочетает в себе формальные и неформальные нормы и правила, однако баланс между формальной и неформальной сторонами разнится от одной системы к другой.

Движущей силой развития лоббизма являются организованные группы, которые с течением времени усиливали свое влияние на политический процесс. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что мир находится на историческом пике политического могущества групповых интересов. Это связано с процессами глобализации, экономической либерализации, дерегулирования и с трансформациями политической культуры правящих элит. Начиная с неолиберального разворота 1980–1990-х гг. органы власти становятся все более открытыми для группового влияния.

То, каким образом происходило постепенное усиление организованных групп, хорошо видно на примере США. По словам Ф. Закария, “по мере того как американское государство становилось

более открытым, лоббизм стал самой быстро растущей индустрией в Вашингтоне”¹. Когда к власти пришел Р. Рейган и объявил о масштабном дерегулировании экономики, открытость системы совпала с устремлениями отдельных бизнес-групп нарастить свое влияние в Вашингтоне. Нельзя сказать, что до этого интересы бизнеса не транслировались в центры власти, существовали торговые ассоциации и различные объединения, которые выполняли данную функцию, однако эффективность их влияния была относительно невысокой. В результате организованные группы долгое время занимали скорее оборонительную позицию по отношению к миру политики, они видели в нем для себя больше угроз, чем выгод. В подобном отношении была своя логика, так как баланс сил, особенно начиная с эпохи Ф. Рузвельта, традиционно был в пользу государства, которое было заинтересовано в привлечении групп интересов для принятия решений, так как те обладали уникальным опытом и информацией, однако старалось не подпускать лоббистов слишком близко к Капитолийскому холму и Белому дому.

Смена климата в 1980-е гг. быстро начала менять устоявшийся баланс в системе групп интересов. Хотя по началу не все представители частного сектора понимали выгоду от вмешательства в политический процесс, очень скоро их присутствие в Вашингтоне стало играть все большую роль. Между 1981 и 2004 гг. количество компаний из списка S&P 500, вовлеченных в лоббистскую деятельность, удвоилось². Это привело к структурным изменениям внутри системы групп интересов: если до 1980-х гг. серьезную конкуренцию бизнесу составляли профсоюзы и различные объединения гражданского общества, то с 1980-х гг., а особенно с 1990-х гг., наблюдается экспонентный рост групп, представляющих интересы корпоративного бизнеса. Усилением роли корпораций объясняется увеличение бюджетов лоббистской деятельности: между 1998 и 2010 гг. суммы, потраченные корпорациями на продвижение своих интересов в органах власти, увеличились на 85%, в то время как торговые ассоциации увеличили аналогичные траты на 53%³. В итоге, начиная с 2000-х гг., сумма средств, расходуемых корпорациями на лоббизм, начала превышать операционный бюджет всего Конгресса⁴.

¹ Zakaria F. The future of freedom: illiberal democracy at home and abroad. N.Y.; L., 2003. P. 173.

² См.: Drutman L. The business of America is lobbying: how corporations became politicized and politics became more corporate. Oxford, 2015. P. 20.

³ Ibid.

⁴ См.: Klein E. Corporations now spend more lobbying Congress than taxpayers spend funding Congress // Vox. 2015.15.07. URL: <http://www.vox.com/2015/4/20/8455235/congress-lobbying-money-statistic> (accessed: 09.12.2019).

“Эпоха открытости”, которая началась в рейгановских США и Великобритании времен М. Тэтчер, со временем стала все больше определять механизм принятия решений по обе стороны Атлантики, а также в развивающихся странах Восточной Европы, Азии и Латинской Америки. В конечном счете, развитие лоббизма не упрощает, а значительно усложняет политический процесс. К традиционному взаимодействию между органами и ветвями власти, а также привычным институтам представительства интересов добавляется внешний фактор в виде лоббистских отношений. Лоббизм не только дополняет, но порой дублирует и даже заменяет многие функции представительства и коммуникации между общественными группами и органами власти. Иными словами, современная динамика развития лоббизма меняет весь механизм принятия решений, а потому необходимо понимать, как устроены лоббистские отношения.

В наиболее общем виде структура лоббизма включает в себя субъекты и объекты лоббизма, цели лоббизма, а также стратегии и методы, применяемые для достижения целей. С понятийной точки зрения субъектов лоббизма необходимо подразделять на группы интересов, группы давления и лоббистов. Группа интересов — это одно из ключевых понятий, применяемых в политической социологии. Оно означает группу людей, у которых наличествуют общие интересы и которые создают ее для удовлетворения данных интересов в отношениях с государством, обществом и прочими группами интересов. По справедливому замечанию А.В. Павроза, “специфика групп интересов, которая, собственно говоря, и делает данные группы предметом исследования для политической науки, заключается в том, что указанные группы стремятся реализовать свои интересы по преимуществу посредством влияния на политику”⁵. Согласно классическому определению Р. Шварценберга, группы интересов — это “организации, созданные для защиты интересов и оказания давления на общественные власти с целью добиться от них принятия таких решений, которые соответствуют их интересам”⁶. Определение Р. Шварценберга является наиболее универсальным, так как под него подпадают практически все организованные группы интересов, независимо от их типа и природы. Группы интересов являются социально-политической базой института лоббизма и первичными субъектами лоббистской деятельности. Группы интересов становятся политическими субъектами в тот момент, когда начинают непосредственно участвовать в политическом процессе. В таком случае

⁵ Павроз А.А. Группы интересов и лоббизм в политике. СПб., 2006. С. 9.

⁶ Шварценберг Р. Политическая социология: В 3 т. Т. 3. М., 2006. С. 87.

их интересы преобразуются в политические требования к органам власти. В качестве наиболее распространенных примеров групп интересов можно назвать частные и государственные корпорации, финансовые организации, торговые и бизнес-ассоциации, профессиональные ассоциации, отраслевые и профессиональные союзы и федерации, СМИ и медиа-холдинги, организованные группы гражданского общества, организованные этнические и религиозные группы, некоммерческие, благотворительные и экологические организации, исследовательские, аналитические и культурные организации, а также международные организации, отдельные государства и представляющие их группы.

Для обозначения политически активной группы интересов часто используют термин группа давления. П.А. Толстых отмечает, что “группа давления — это, по существу, та же группа интересов, но приступившая к осуществлению активных действий по отношению к органам государственной и муниципальной власти с целью законодательного или административного обеспечения своих интересов”⁷. А по мнению Н.Г. Зяблюда, “сама по себе заинтересованная группа — это потенциальная группа давления. Реальной она становится тогда, когда прибегает к соответствующим действиям”⁸. Однако граница, отделяющая группу интересов от группы давления, часто бывает размытой, так как это зависит от того, какие цели ставит группа интересов, какими методами она пользуется для достижения данных целей, каким количеством ресурсов она обладает, какая используется стратегия влияния. На наш взгляд, понятие группы интересов является более универсальным в сравнении с группой давления, так как означает не только политически активные, но и потенциально или временно политически активные группы. Например, различные группы могут активно лоббировать свои интересы в течение определенного количества времени, затем прекращать эту деятельность и снова ее начинать. Иными словами, не все группы интересов постоянно оказывают влияние на процесс принятия решений. Есть группы интересов (например, ассоциации бизнеса или профсоюзы), которые изначально создаются для продвижения интересов своих членов в органах власти, а есть группы, которые включаются в процессы влияния по мере необходимости. Кроме того, группа интересов

⁷ Толстых П.А. Теория групп и теория лоббизма: соотношение научных концепций (часть I) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2. С. 190.

⁸ Зяблук Н.Г. Лоббизм в процессе принятия решений по вопросам внешней политики США. М., 1979. С. 85.

не всегда оказывает прямое давление на процесс принятия решений, она может также пользоваться косвенными способами, такими как формирование общественного мнения или участие в предвыборных кампаниях. Группа давления — это более узкое понятие, означающее группу интересов, оказывающую прямое влияние на органы власти и на процесс принятия политических решений в конкретный временной отрезок.

Наконец, в отдельную категорию необходимо выделить лоббистов, как субъектов, непосредственно отвечающих за продвижение групповых интересов в органах власти. Лоббисты — это лица или группы лиц, которые вступают в контакт с представителями власти и в интересах групп, которые они представляют. Лоббистов следует разделить на две категории: лоббистов-консультантов и встроенных (внутренних) лоббистов. Лоббисты-консультанты — это лица или организации, которые за вознаграждение предоставляют услугу по продвижению групповых интересов. Почти в любой стране сегодня существуют консалтинговые, юридические, GR-, PR-фирмы, которые образуют ядро сообщества лоббистов-консультантов. Именно деятельность лоббистов-консультантов в первую очередь подпадает под государственное регулирование. Встроенные лоббисты — это лица, которые наняты компанией или организацией для осуществления взаимодействия с органами власти. Это могут быть штатные или внештатные сотрудники, которые тратят все свое рабочее время или часть времени на лоббистскую деятельность. В современных компаниях и организациях, деятельность которых зависит от государственной политики и решений, все большее распространение получают специализированные GR-отделы, т.е. отделы, отвечающие за связи с органами власти. Деятельность встроенных лоббистов в значительно меньшей мере регулируется государством, хотя на них приходится не меньше, а в ряде случаев больше непосредственных контактов с представителями власти.

В теории групп интересов первичных субъектов лоббизма принято разделять на две большие категории: группы, первичной целью которых является увеличение прибыли (корпорации, банки, торговые объединения и пр.), и группы некоммерческого сектора, чья деятельность направлена на защиту определенных социальных групп (профсоюзы, профессиональные ассоциации и пр.). Хотя группы коммерческого и некоммерческого секторов различны по своим целям, оба типа направлены на защиту интересов представителей конкретных профессиональных сфер. Вслед за Ф. Баумгартнером исследователи иногда выделяют в отдельную категорию

группы гражданского общества⁹. В отличие от групп коммерческого и некоммерческого секторов, группы гражданского общества имеют свободное членство и в большинстве случаев их цели связаны не с продвижением интересов социальной или профессиональной группы или какой-либо экономической отрасли, а с отстаиванием широких, но символически важных социальных вопросов в таких сферах, как экология, защита прав человека и животных, этнические и религиозные вопросы (в том случае, если роль группы интересов не играет институционализированная церковь) и пр.

В британской традиции изучения групп интересов и лоббизма существует схожая классификация групп интересов, подразделяющая их на секционные и целевые, которая впервые была использована С. Файнером и Дж. Стюартом¹⁰. Секционные группы представляют интересы определенной части общества (представителей компании или отрасли, наемных работников, потребителей и пр.), стремятся защищать и продвигать ее интересы, имеют лимитированное членство, обычно определяемое профессиональным и экономическим статусом, мотивы носят частный и рациональный характер. Целевые группы объединяются скорее по принципу разделяемых ценностей и убеждений, чем группового рационального интереса. Целевые группы стремятся к продвижению определенных идей и ценностей, не имеют строго лимитированного членства, а мотивы носят моральный и альтруистический характер. Можно согласиться с П. Уэвеллом в том, что подобное разделение помогает лучше понять разницу в методах давления, применяемых данными группами. “В то время как секционные группы чаще имеют прямой доступ к исполнительным органам или парламенту, являясь инсайдерами по рассматриваемым вопросам и будучи готовыми в любой момент мобилизовать необходимое количество ресурсов со стороны своих конститuentов, целевые группы обычно не обладают подобными привилегиями”¹¹. Целевая группа обычно ориентирована на мобилизацию общественного мнения и получение ресурсной поддержки, которую она изначально может не иметь, что ставит ее в менее выигрышную ситуацию в сравнении с секционными группами. Однако в современном мире за целевыми группами часто стоят влиятельные секционные группы, которые

⁹ См.: Baumgartner F., Leech B. Interest niches and policy bandwagons: patterns of interest group involvement in national politics // *The Journal of Politics*. 2001. Vol. 63. N 4. P. 1192–1193; Walker J. Mobilizing interest groups in America: patrons, professions, and social movements. Ann Arbor, 1991. P. 10, 57.

¹⁰ См.: *Finer S., Stewart J. British pressure groups*. L., 1958. P. 8–14.

¹¹ Whawell P. The ethics of pressure groups // *Business Ethics: A European Review*. 1998. N 7 (3). P. 179.

также могут стремиться к мобилизации общественного мнения по тем или иным вопросам. Для крупного бизнеса в развитом мире стало нормой создавать или поддерживать целевые группы, так как это помогает в проведении общественных кампаний и отвечает их бизнес-стратегиям. Например, многие компании из нефтегазового сектора сегодня создают или поддерживают общественные группы, выступающие за развитие альтернативных источников энергии, так как это способствует развитию их экологического имиджа. Многие крупные бизнес-компании также активно поддерживают целевые группы, выступающие за экономическую либерализацию, потому что сами заинтересованы в максимальном распространении неолиберальной философии среди лиц, принимающих решения.

Понятие субъектов лоббизма в современном мире расширяется вслед за процессами глобализации и интернационализации экономических, политических и социальных связей. Поэтому лоббизм в современном мире существует не только на уровне национальных политических систем, но также на международном уровне. Глобализация приводит к возникновению транснациональных группы интересов, способных влиять на процесс принятия решений в других государствах или в международных организациях. Более того, отдельные страны также все чаще выходят за пределы традиционной дипломатии и используют лоббистские методы в продвижении своих интересов, что также позволяет причислить их к субъектам лоббизма.

Таким образом, субъекты лоббизма являются основой движущей силы лоббистских отношений, так как именно от них исходит первичное влияние, направленное на объекты лоббизма. Объектами лоббизма, в свою очередь, выступают органы законодательной и исполнительной власти разных уровней, регулирующие органы, а также отдельные политики, чиновники, работники аппаратов органов власти. Объекты лоббизма определяются в первую очередь институциональной структурой того или государства. При этом лоббирование может быть направлено как на один орган власти или отдельного политика, так и на множество центров принятия решений. Количество объектов, вовлеченных в процесс лоббирования, зависит прежде всего от масштаба проводимой лоббистской кампании и целей, которые ставят перед собой группы интересов.

Механизм взаимодействия между субъектами и объектами лоббизма зависит в первую очередь от устройства политической системы и баланса между ветвями власти. В большинстве стран европейско-континентального типа основная часть законодательных инициатив исходит от государственной бюрократии, которая является главным объектом лоббизма со стороны групп интересов. В американской

системе “центром тяжести” в принятии решений является парламент, так как большинство законопроектов разрабатывают конгрессмены. Тем не менее, во всех странах обе ветви власти имеют важное значение для лоббистов, так как решения могут изменяться, обрастать поправками и изменениями на всех стадиях их принятия, включая как уровень государственной бюрократии, так и парламентских процедур.

Взаимодействие между субъектами и объектами лоббизма также напрямую связано с целями лоббизма. Основной целью лоббизма является влияние на конкретные лица и органы власти, принимающие политические решения ради достижения властно значимых результатов, создания благоприятной среды для деятельности групп интересов, выгодного для групп интересов извлечения и распределения ресурсов. При этом, по словам П. Любимова, “у граждан, групп и объединений могут быть как общие интересы, так и совершенно противоположные, как свои личные, так и представляемые”¹². Лоббизм существует в политическом пространстве, в котором сталкиваются различные группы интересов как конкурирующие друг с другом, так и объединяющиеся ради достижения общих целей. Цели лоббизма определяются как наличием ресурсов, так и типом группы интересов, осуществляющей влияние. Лоббизм может быть направлен на рационально значимые цели, такие как изменение налоговой политики, получение бюджетных ассигнований, взаимодействие между работодателями и работниками, изменение стандартов производимой продукции, влияние на политику регулирующих органов, профессиональные стандарты, выдачу различного рода разрешений, лицензий и т.п. Однако как в случае с целевыми группами, цели могут иметь также символический характер и быть направленными на изменение восприятия государством и обществом тех или иных социально значимых вопросов — от признания прав определенных этнических общностей до проблем общественной безопасности.

Исходя из тех целей, которые ставят перед собой группы интересов, варьируются и стратегии их влияния. Современные исследователи выделяют два основных вида стратегий: внутреннюю (инсайдерскую) и внешнюю (аутсайдерскую)¹³. Внутренняя страте-

¹² Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005. С. 14.

¹³ См.: Weiler F., Brandli M. Inside versus outside lobbying: how the institutional framework shapes the lobbying behaviour of interest groups // *European Journal of Political Research*. 2015. Vol. 54. Iss. 4; Baumgartner F., Leech B. Op. cit.; Binderkrantz A. Interest group strategies: navigating between privileged access and strategies of pressure // *Political Studies*. 2005. N 53 (4); Kollman K. Outside lobbying: public opinion and interest group strategies. Princeton, 1998.

гия предполагает, что группы интересов устанавливают тесные, доверительные и долгосрочные отношения с органами власти. Благодаря этому, они имеют прямой и привилегированный доступ к центрам и лицам, принимающим решения. Подобные отношения ведут к тому, что в ряде сфер принятия решений складываются коалиции групп интересов, на постоянной основе взаимодействующие с органами власти. Тем не менее, такая стратегия несет в себе и определенные риски, связанные с тем, что группы интересов сильно зависят от органов власти и обладают ограниченными возможностями маневрирования в сложном политическом пространстве. Внешняя стратегия подразумевает использование в основном не прямых методов влияния посредством проведения медиа-кампаний и привлечения внимания общественности. Ф. Уэйлер и М. Брандли считают, что основная причина распространения стратегии внутреннего влияния связана с недостатком информации у органов власти. «Политикам не хватает времени, ресурсов и адекватной информации, чтобы быстро реагировать на происходящие изменения и принимать решения. Информация, предоставляемая группами интересов, восполняет нехватку экспертных знаний»¹⁴. Внешнее влияние может осуществляться группами интересов как отдельная стратегия, но также и в качестве дополнения к внутренней стратегии. А. Биндекрантц считает, что, хотя внутренние стратегии считаются более эффективными, «внешние стратегии все чаще применяются группами интересов, которым приходится действовать в постоянно усложняющемся политическом окружении»¹⁵.

Достижение целей субъектов лоббизма подразумевает использование определенного набора форм и методов влияния на центры и лиц, принимающих решения. Формы влияния делятся на прямые и опосредованные.

К прямым формам относится прямое воздействие групп давления и отдельных лоббистов на действующие органы власти с целью повлиять на принятие, непринятие или поправку того или иного решения. Прямое воздействие, в свою очередь, предполагает использование открытых (формальных) и скрытых (теневых) методов влияния. К открытым методам относятся, например, участие в заседаниях профильных комитетов и комиссий парламента, экономических советах, предоставление экспертной информации органам власти, подлежащие раскрытию и/или регистрации личные встречи с ли-

¹⁴ Weiler F., Brandli M. Inside versus outside lobbying: how the institutional framework shapes the lobbying behaviour of interest groups // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54. Iss. 4. P. 747.

¹⁵ Binderkrantz A. Op. cit. P. 694.

цами, принимающими решения, подача петиций, писем политикам. К скрытым методам относятся покупка решений, неформальные и нераскрывающиеся связи и встречи с лицами, принимающими решения, обмен кадрами между группами интересов и властью, что приводит к формированию скрытых сетей влияния.

К опосредованным формам влияния на процесс принятия решений относится поддержка партий или отдельных кандидатов во время выборов, а также мобилизация общественного мнения. В данном случае влияние оказывается не на сам процесс принятия решений, а на формирование необходимого общественно-политического фона, который сможет облегчить принятие необходимых решений в будущем. Такие формы также могут включать в себя использование как открытых, так и скрытых методов лоббизма. Так, финансирование партий или кандидатов может носить открытый, декларируемый характер, а может быть теневым, неподотчетным ни контролирующим органам, ни обществу. Представители групп интересов могут формально участвовать в деятельности профильных советов при партиях, что будет считаться открытым методом влияния, а могут организовывать закрытые обеды с парламентариями, что будет считаться скрытым методом.

Общественное мнение также может формироваться посредством открытого и скрытого взаимодействия с общественностью. Открытое взаимодействие предполагает поддержку лоббистами низовых общественных кампаний, или грассрутс (от английского *grassroots* — “корни травы”). Это подразумевает поддержку отдельных групп граждан или сообществ, чьи намерения или мнения совпадают с целями групп интересов и лоббистов. Данные группы имеют возможность получить организационную или финансовую поддержку со стороны лоббистов, так как это отвечает интересам обеих сторон. При этом низовые кампании в лоббизме следует отличать от политического активизма. Как пишет Э. Уолкер, лоббисты обычно не заинтересованы в организации массовых акций протеста, а “концентрируются на сборе подписей, написании писем и обращениях”¹⁶. Практика организации низовых кампаний пришла преимущественно из США, где общественная поддержка крайне важна для прохождения ряда решений и законов через Конгресс. Сегодня низовые кампании являются частью набора методов большинства лоббистов в мире, особенно когда речь заходит о публичных вопросах.

¹⁶ Walker E. Between grassroots and “Astroturf”. Understanding mobilization from the top-down // The SAGE Handbook of Resistance / Ed. by D. Courpasson, S. Vallas S. N.Y.; Thousand Oaks, 2016. P. 271.

Однако в том случае, если низовая активность по тем или иным вопросам, связанным с продвигаемыми интересами и требованиями, отсутствует, лоббисты могут прибегать к методу стимуляции активности. В политической практике это принято называть астротурфингом (от названия бренда искусственной травы *"AstroTurf"*). Астротурфинг обычно является скрытым методом, когда общественное мнение по необходимым вопросам создается искусственно, путем стимулирования низовой активности там, где ее нет. По словам Э. Уолкера, астротурфинг опирается на "получение активистами вознаграждений за участие, манипуляции (стимуляция активности через создание мифов, искажение фактов), скрытие истинных источников финансирования кампаний"¹⁷. В практическом преломлении это происходит через распространение заказных публикаций в СМИ, претендующих на независимое мнение, а также посредством управления поведением — от инструктажа по тому, какую позицию активисты должны занимать и как себя вести до раздачи вознаграждений и привилегий в обмен на их активность. В отличие от классических низовых кампаний, астротурфинг является объектом критики, так как лоббисты фактически фальсифицируют демократические процедуры. Однако проблема заключается в том, что сегодня все сложнее определить границу между настоящей низовой активностью и ее симуляцией. Эффективной средой распространения как грассрутс-активности, так и астротурфинга сегодня является интернет, что открывает перед современными лоббистами новые возможности формирования нужного мнения по различным вопросам.

Баланс между формальными и теневыми методами является важным показателем развитости и прозрачности института лоббизма. Чем более прозрачной является лоббистская деятельность, тем с большим основанием мы можем говорить о том, что в институте лоббизма превалируют формальные основания. В то же время, чем больше в процессе принятия решений используется скрытых, теневых методов воздействия лоббистов на власть, тем более неформальным будет институт лоббизма. Важно подчеркнуть, что теневые методы не обязательно приводят к коррупционным отношениям, таким как подкуп и превышение служебных полномочий. Однако скрытая деятельность является благоприятной средой для формирования различного рода неформальных связей, таких как скрытые сети влияния, патрон-клиентские отношения, кумовство, клики, которые с более высокой степенью вероятности ведут к коррупционной составляющей. Следовательно, подотчетность и раскрытие лоббистских

¹⁷ Ibid. P. 272.

отношений являются важнейшими предпосылками легализации и легитимизации института лоббизма.

В конечном счете, лоббизм стал путем к усложнению властных отношений, так как в политических системах появилось больше переменных. Растущее количество организованных групп, разнообразие методов и стратегий, которые они используют для воздействия на органы власти, приводят к созданию как новых каналов политической коммуникации, так и неформальных связей, которые порой строятся в обход традиционных механизмов представительства. Современная структура лоббистских отношений требует большего внимания со стороны экспертного и научного сообщества, так как без досконального знания о том, как работают и как влияют группы интересов, политический процесс рискует развиваться в значительной степени бесконтрольно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зяблюк Н.Г. Лоббизм в процессе принятия решений по вопросам внешней политики США. М., 1979.

Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005.

Павроз А.А. Группы интересов и лоббизм в политике. СПб., 2006.

Толстых П.А. Теория групп и теория лоббизма: соотношение научных концепций (часть I) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2.

Шварценберг Р. Политическая социология: В 3 т. Т. 3. М., 2006.

REFERENCES

Baumgartner F., Leech B. Interest niches and policy bandwagons: patterns of interest group involvement in national politics // The Journal of Politics. 2001. Vol. 63. N 4.

Binderkrantz A. Interest group strategies: navigating between privileged access and strategies of pressure // Political Studies. 2005. Vol. 53. N 4.

Drutman L. The business of America is lobbying: how corporations became politicized and politics became more corporate. Oxford, 2015.

Finer S., Stewart J. British pressure groups. L., 1958.

Klein E. Corporations now spend more lobbying Congress than taxpayers spend funding Congress // Vox. 2015. 15.07. URL: <http://www.vox.com/2015/4/20/8455235/congress-lobbying-money-statistic>

Kollman K. Outside lobbying: public opinion and interest group strategies. Princeton, 1998.

Ljubimov A.P. Istorija lobbizma v Rossii [History of lobbying in Russia]. М., 2005 (in Russian).

Pavroz A.A. Gruppy interesov i lobbizm v politike [Interest groups and lobbying in politics]. SPb., 2006 (in Russian).

Shvarcenberg R. Politicheskaja sociologija [Political sociology]: V 3 t. T. 3. М., 2006 (in Russian).

Tolstyh P.A. Teorija grupp i teorija lobbizma: sootnoshenie nauchnyh koncepcij (chast' I) [Group theory and lobbying theory: correlation of scientific concepts] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvo. Voprosy teorii i praktiki. 2013. N 2 (in Russian).

Walker E. Between grassroots and "Astroturf". Understanding mobilization from the top-down / Ed. by D. Courpasson, S. Vallas. N.Y.; Thousand Oaks, 2016.

Walker J. Mobilizing interest groups in America: patrons, professions, and social movements. Ann Arbor, 1991.

Weiler F., Brandli M. Inside versus outside lobbying: how the institutional framework shapes the lobbying behaviour of interest groups // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54. Iss. 4.

Whawell P. The ethics of pressure groups // Business Ethics: A European Review. 1998. N 7 (3).

Zakaria F. The future of freedom: illiberal democracy at home and abroad. N.Y.; L., 2003.

Zjabljuk N.G. Lobbizm v processe prinjatija reshenij po voprosam vneshnej politiki SShA [Lobbying in decision-making on U.S., foreign policy]. M., 1979 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-144-155

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

А.Б. Шатилов, канд. полит. наук, профессор департамента политологии и массовых коммуникаций, декан факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Ленинградский просп., 49, Москва, Российская Федерация, 125993*

Статья посвящена анализу динамики института политического лидерства во второй половине XX — начале XXI в. Автор рассматривает основные конфликтные линии в “треугольнике” лидер–элита–народ. При этом он приходит к выводу о целенаправленной политике элит ведущих стран мира по ослаблению “персональной” составляющей в политических системах. Первый этап борьбы “правящего класса” против лидеров был связан с размытием полномочий и функционала последних, а также созданием вокруг них плотной аппаратной “оболочки” для предотвращения популистского курса лидеров. Второй этап характеризовался перестройкой властного пространства под формат “акционерного общества”, в котором лидеры обладали лишь “блокирующим”, но не “контрольным” пакетом акций. Наконец, третий этап, который начался совсем недавно, озаглавлен “десакрализацией” института лидерства и, более того, превращением политических лидеров в фейковые и гротескные персоны, что свидетельствует, как минимум, о временной победе элит над своим главным конкурентом. Примечательно, что этот процесс затронул как ведущие западные государства (Франция, Великобритания), так и некоторые постсоветские страны (Украина, Армения).

Ключевые слова: политическое лидерство, элиты, народ, демократия, тоталитаризм, авторитаризм, государство, политическая система, власть, институты.

MODERN POLITICAL LEADERSHIP: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Shatilov Aleksandr B., Cand. Sci. in Political Science, Professor, Dean of the Faculty of Sociology and Political science, Financial University, Leningradsky Prospekt, 49, Moscow, Russian Federation, 125993, e-mail: ashatilov@fa.ru

The article has devoted the analysis of dynamics of the institute of political leadership in the second half of XX — beginning of XXI centuries. The author examines the main conflict line in the triangle: leader–elite–people. At the same time, he comes to a conclusion about the purposeful policy of the elites of the leading countries of the world to weaken the “personal” component in political systems. The first stage of the struggle of the “ruling

* Шатилов Александр Борисович, absh71@yandex.ru, ashatilov@fa.ru

class” against the leaders was associated with the erosion of powers and functionality of the latter, as well as the creation of a dense functionary “shell” around them to prevent the populist course of the leaders. The second stage was characterised by the restructuration of the power space under the format of “joint-stock company”, where the leaders had only a “blocking”, but not a “controlling” block of shares. Finally, the third stage, which began recently, is marked by the “de-sacralisation” of the institute of leadership and moreover the transformation of political leaders into the fake and grotesque person. It indicates, at least, a temporary victory of the elites over their main competitor. Noteworthy, this process affects both the leading Western States (France, Great Britain) and some post-Soviet countries (Ukraine, Armenia).

Key words: *political leadership, elites, people, democracy, totalitarianism, authoritarianism, state, political system, power, institutions.*

На протяжении практически всей истории человечества лидерский фактор играл значимую, а нередко и определяющую роль в политических и социально-экономических процессах государств и народов мира. При этом надо сказать, что и в общественном мнении и в науке зачастую влияние лидеров и вождей в политической системе излишне переоценивалось и переоценивается, поскольку даже в абсолютных монархиях существовали объективные и субъективные “сдержки и противовесы”, ограничивающие их “волютаризм” (религиозная догматика, влияние аристократических сообществ, необходимость финансовых заимствований и пр.).

Еще более сложной ситуация стала на рубеже XIX–XX вв., когда “большая политика” в ведущих государствах мира стала выстраиваться в рамках треугольника — лидеры, элиты, народ (избиратель). При этом происходит трансформация этих трех субъектов политического взаимодействия.

Так, патриархальные лидеры уступают место лидерам харизматическим и “охлократическим”. Новые лидеры теряют родовую, традиционную легитимность, но зато приобретают мощную поддержку “снизу”. Прежняя аристократия трансформируется в более консолидированную силу — политико-экономическую элиту. А народ, обретя политические и социальные права, также ощутил себя реальным и статусным политическим актором¹. В итоге практически весь XX в. проходит под знаком жесткого противостояния этих субъектов. Так, лидеры, используя харизматический стиль, стремились мобилизовать народные массы и подчинить себе элиты, выстроив жесткую вертикаль власти. Элиты, маневрируя в рамках указанного “треугольника”, пытались выйти из-под опеки вождей и предпринимали усилия по нейтрализации наиболее жестких политических

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001; Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 2011.

лидеров. Народные массы выступали в качестве мощной, но чаще всего “слепой” силы в проектах лидеров и элит, постепенно подчиняясь воздействию политических технологий. Соответственно, уже к середине прошлого столетия “охлократический” фактор сходит на нет, и на большой политической арене остаются лишь две основные силы — лидеры и элиты. Они конкурировали за влияние в таких сферах, как “кадровые решения, распределение полномочий (должностных и ведомственных) и финансовых ресурсов... модификация политического курса существующих институтов и политического устройства”².

При этом у каждого из вышеуказанных акторов были существенные претензии друг к другу. Так, лидеры были недовольны стремлением истеблишмента являться “фильтром” для решений, спускаемых сверху, а также буфером между руководителем страны и народом. Кроме того, горизонтальные родственные и местнические “корни”, которые пускали элиты, а также сопутствующая им коррупция, снижали эффективность и оперативность решений, принимаемых лидерами. Существовали и субъективные противоречия между лидерами и элитами. Если первые хотя бы в силу своего положения были “национально ориентированы”, то вторые тяготели к космополитизму и наднациональному взаимодействию с зарубежными “коллегами”.

В свою очередь, элиты, обладавшие управленческими талантами, не были склонны становиться “винтиками” в государственной машине и пытались сохранить свои независимость, статус и реальное влияние на большую политику. Также резонные опасения элит вызывали репрессивные практики лидеров, которые в основном были направлены на обеспечение лояльности и эффективности на внутриполитическом поле и били в основном по “правлящему классу”. Особо стоит сказать о том, что в государствах лидерского типа очень часто элиты подвергаются плановым и стихийным ротациям, что для них, тяготеющим к наследственности и незыблемости, является откровенным вызовом. При этом «противодействие росту влияния бюрократического аппарата таит в себе опасность для самой демократии, так как является стимулом для усиления у лидера жажды власти, превращения его в “плебисцитарного диктатора”», — отмечает французский политолог Мишель Камо³.

² Зудин А.Ю. Распределение источников влияния на принятие властных решений в современной России // Элиты и общество в сравнительном измерении. М., 2011.

³ Камо М. Политическое лидерство между авторитаризмом и демократией // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14. № 2 (71–72). С. 152–168.

Что же касается народных масс, то невзирая на периодическое тяготение к охлократии и прямой демократии они всегда тянулись к сильным, “образцовым” личностям. Поэтому традиционно воспринимали элиты как необязательный и даже вредоносный элемент политической системы, мешающий “гармоничному единению Царя и народа”. При этом отношение рядовых граждан к лидеру было также непостоянным. Период его культа нередко сменялся периодом охлаждения, а потом периодом отрицания и проклятия.

Межвоенный период 1920–1940-х гг. сильно подмочил репутацию политического лидерства как общественного феномена и испортил ему общую политическую конъюнктуру.

Во-первых, поражение “персонифицированных” диктатур в Германии и Италии задало тренд на общую “демократизацию” политической жизни и деконцентрацию власти. Это сыграло на руку элитам в плане жесткой критики системы единоличного правления, “волюнтаризма” и “культа личности”, а также продвижения идей правового и политического ограничения власти лидеров.

Во-вторых, все преступления тоталитарных режимов элиты целенаправленно “переписали” на поверженных лидеров, косвенно скомпрометировав сам принцип эффективного и сильного руководства.

Против лидеров играло также усложнение политического и социально-экономического устройства ведущих государств мира, начавшееся во второй половине XX столетия. В таких условиях даже самые сильные и продвинутые лидеры не могли обойтись без элитной поддержки и серьезного аппаратного сопровождения своей деятельности. Это также объективно размывало полномочия высшей власти и способствовало дисперсии управленческих полномочий.

Такого рода сложившейся конъюнктурой активно пользовались элиты, которые с 1940–1950-х гг. начали медленное и постепенное, но мощное и комплексное наступление на политические позиции лидеров. Можно выделить три этапа подобной “игры на понижение” в отношении “персональных” акторов.

Первый этап охватывает период 1946–1985 гг., т.е. фактически совпадает с периодом холодной войны. В условиях глобального и жесткого противостояния систем подрывать позиции политических лидеров элитам и западного и восточного блоков было нецелесообразно — мобилизация населения на борьбу с внешним врагом требовала харизматической подпитки и демонстрации “сильной личности” во главе государства. В противном случае можно было бы проиграть “большую схватку”. Поэтому борьба элит с лидерами в это время шла в “подковерном” режиме и выражалась в основном в ограничении индивидуальной активности руководителей государств

различного рода формальными и неформальными практиками разработки, принятия, согласования и утверждения принимаемых ими решений. Мотивировалось это, с одной стороны, требованиями соблюдения демократии и коллегиальности, с другой — профессиональной целесообразностью и необходимостью “шлифовки” руководящих документов. Кстати, требования “размывания” и ограничения полномочий лидеров являлись составной частью либерального проекта “демократического транзита”, который стал реализовываться западными элитами с 1960-х гг. Как отмечал британский политолог и историк Арчи Браун, “есть достаточные основания для вывода, что коллегиальное, инклюзивное и коллективное лидерство в гораздо большей степени способствует успешному переходу к демократии, чем высокая концентрация власти в руках одного лица, находящегося на вершине политической иерархии”⁴.

Кроме того, уже в послевоенный период начинается формирование в рамках элит четко очерченных политико-экономических сообществ (также в них принимали участие представители культурной и медиа-элиты), целью которых было лоббирование выгодных для них самих ресурсоемких проектов и решений, а также пресечение “волюнтаристской” активности лидеров путем латентного аппаратного сопротивления и создания необходимой атмосферы общественного мнения.

Причем данная “олигархизация” элит коснулась не только “плюралистических” США и их союзников, но и “недемократического” Советского Союза. Так, несмотря на декларируемое единство КПСС, отсутствие в ней официально существующих фракций и групп, наличие унифицированной точки зрения по всем базовым вопросам истории и современного бытия, реального единства как такового не было. После Великой Отечественной войны и особенно после смерти И.В. Сталина происходит идеологическая дифференциация в компартии, связанная с образованием внутри нее четырех условных течений — “консерваторов”, “либералов”, “сталинистов”, “почвенников”. Каждое из них имело своих представителей в Политбюро, обладало поддержкой части партийного аппарата, контролировало отдельные популярные СМИ. При этом наиболее мощными были первые два сообщества, которые невзирая на имевшиеся идеологические разногласия были едины в одном — желании не допустить появления в СССР нового сильного лидера-харизматика, которому по силам провести масштабные кадровые чистки по образцу 1937–1939 гг. Именно их совместными усилиями в начале правления Л.И. Брежнева, в

⁴ Браун А. Политическое лидерство и политическая власть // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 104–120.

1966 г., была пресечена попытка реабилитировать И.В. Сталина — в проект доклада Генерального секретаря к XXIII съезду КПСС были внесены положения “о волюнтаристских извращениях Хрущевым истории КПСС и социалистического строительства в СССР”, “о субъективном отношении Хрущева к Сталину” и пр. Но ввиду утечки информации либеральной и консервативной группировкам советской элиты удалось предпринять превентивные меры. Примечательно, что среди противников реабилитации “сталинизма” был даже главный идеолог КПСС М.А. Суслов. Одновременно элитами был оперативно организован протест либеральной интеллигенции (“антисталинистское” обращение подписали академики П.Л. Капица, И.Е. Тамм, писатели В.П. Катаев, К.Г. Паустовский, народные артисты О.Н. Ефремов, И.М. Смоктуновский, Г.А. Товстоногов и др.)⁵, а также ряда европейских (югославской, чехословацкой и др.) компартий. В итоге текст был купирован и из него были изъяты нежелательные для элиты политические фрагменты.

Не менее активно действовали в отношении своих политических лидеров и западные элиты. Так, например, их усилиями были скомпрометированы и повержены такие сильные руководители, как популярный президент США Ричард Никсон (впервые в истории США был вынужден покинуть пост под угрозой импичмента в результате провокационного “уотергейтского” скандала), который инициировал политику разрядки международной напряженности в отношении СССР и КНР, и легендарный генерал Шарль де Голль (ему не простили изменения электорального законодательства в плане введения прямых выборов президента Франции, жесткого подавления “студенческой революции”, а также феноменальной абсолютной победы голлистов на выборах 23–30 июня 1968 г.). Более того, в случае с де Голлем к внутренним противникам французского президента примкнули противники внешние — финансовые круги США, недовольные его игрой против доллара и, следовательно, ФРС США. Кстати, “антидолларовая” политика совсем трагично завершилась и для американского президента Джона Кеннеди. Именно ему, пользуясь лазейкой в американском законодательстве, удалось в 1963 г. пролоббировать эмиссию двух- и пятидолларовых банкнот (на общую сумму около 4 млрд долларов) в качестве “альтернативы” банкнотам, выпускавшимся под эгидой Федеральной резервной системы. Причем планировалось расширять государственную эмиссионную деятельность⁶, однако вскоре Кеннеди был убит в результате покушения в Далласе и статус-кво был восстановлен в пользу ФРС.

⁵ <https://philologist.livejournal.com/7510863.html>

⁶ Энгдаль У.Ф. Невидимая рука... банков. М., 2018.

Второй этап большой политической игры элит против лидеров начался с конца 1980-х гг. и продолжался примерно до 2017 г. Он характеризовался, с одной стороны, “зачисткой” авторитарных и харизматических лидеров, особенно в тех странах, руководители которых выступали с “антизападных” позиций. Так, в результате комплексного давления изнутри и извне пали “харизматические” режимы С. Милошевича в Югославии, М. Каддафи в Ливии, С. Хусейна в Ираке, Р. Мугабе в Зимбабве и др. Одновременно под мощным прессингом оказались лидеры Кубы, Венесуэлы, Ирана, КНДР, Сирии, Бразилии. Более того, западные элиты не пощадили даже своих союзников: с их подачи были отстранены от власти лидеры “партнерских” авторитарных режимов А. Пиночет в Чили и Х. Мубарак в Египте.

В то же время, данный период характеризуется перераспределением властных полномочий в политических системах ведущих государств мира в пользу элит с сокращением управленческого функционала лидеров. Это стало возможно в связи с реструктурированием власти по модели “акционерного общества”, в котором лидеры (руководители государств) уже не имели “контрольного пакета”, а довольствовались лишь пакетом “блокирующим” (в диапазоне от 15 до 35%) и для продвижения значимых политических и социально-экономических инициатив были вынуждены создавать коалиции с различными элитными сообществами. Такие расклады фактически исключали автономность и самостоятельность деятельности политических лидеров и фактически обязывали их согласовывать свою активность с элитами. Соответственно, с подачи элит в западной политологической литературе и общественном мнении уже с 1980-х гг. наблюдается стремление понизить статус политического лидера до уровня “топ-менеджера”⁷. Как отмечает Л.Б. Зубанова, “тип лидера-менеджера оказывается лишенным именно искомой духовно-идеологической нагрузки, и как бы переносит внимание с вопросов стратегического характера на тактику реализации уже заявленных целей”⁸.

Более того, как пишет В.А. Мирзоян: «согласно теоретикам “совместного” или “разделенного” лидерства (Shared Leadership), лидер — это не тот, кто лучше других видит общие цели и направляет их действия на реализацию этих целей. Лидерство — общее явление,

⁷ Шкурко О.В. Соотношение понятий “лидерство” и “руководство”: современный взгляд на проблему // Омский научный вестник. 2011. № 1 (95). С. 100–103.

⁸ Зубанова Л.Б. Лидерство XXI века: проблемы и перспективы интеграции социокультурного пространства // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 3 (19). С. 86–98.

вид межличностного общения, в рамках которого участники получают возможность обнаруживать свою способность воздействовать на поведение других. Фактически, лидер тут — не в единственном числе: все вместе одновременно являются лидерами». При этом «идея “разбивки” лидер-личности на лидер-группу соответствует основным концептам постмодернистской философии, в частности, обоснованию необходимости децентрализации управления, отрицанию стабильных принципов и правил, замене причинно-следственных связей сетевой реальностью, совместного принятия решений вместо единоличного и др.»⁹

Более того, зачастую элиты латентно или открыто играли на снижение общественной поддержки национальных лидеров, втягивая их в различного рода непопулярные проекты и реформы. Если брать российский опыт, то тут можно вспомнить Б. Ельцина, легко выигравшего президентские выборы 12 июня 1991 г. уже в первом туре с результатом 57%, но уже через год, после начала “шоковой терапии” потерявшего широкую поддержку населения. Как отмечал экс-губернатор Ярославской области А.И. Лисицын, “возмущение и протесты россиян были использованы политическими противниками Ельцина как главный аргумент его экономического провала”¹⁰. При этом можно сказать, что его подставило собственное либерально-демократическое окружение, инициировав радикальные реформы, но возложив ответственность за социально-экономические провалы “лихих 90-х” именно на Ельцина. Как писал в своей книге В.В. Федоров: “Уйдя от популистской модели лидерства, Ельцин совершил весьма рискованный политический шаг... После того, как он решил идти наперекор общественному запросу, его дальнейшая политическая судьба была предрешена. Из героя он в одночасье превратился в антигероя”¹¹. Нечто подобное наблюдалось и в 2018–2019 гг., когда вынужденная поддержка непопулярной пенсионной реформы стоила В. Путину около 20% рейтинга доверия¹².

Третий этап дезавуации политических руководителей как национальных (народных) лидеров латентно начался еще в “нулевые”. В этом плане можно отметить политику элит по “десакрализации” и “глумлению” как над самими лидерами, так и политическим лидерством как институтом. Применительно к США можно отметить

⁹ Мирзоян В.А. Управление и лидерство: сравнительный анализ теорий лидерства // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 3–15.

¹⁰ Лисицын А., Миклин А. Либеральная революция в России. Изнанка. М., 2009.

¹¹ Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян. М., 2010.

¹² <https://www.kommersant.ru/doc/3759662>

карикатуризацию имиджа Джорджа Буша-младшего, которого не-олибертарианские СМИ выставляли в качестве малообразованного недоумка¹³. Избрание на пост президента политически бессубъектного афроамериканца Барака Обамы также укладывается в этот тренд — всем были очевидны его аппаратная слабость, отсутствие у него реальных властных полномочий и полная зависимость от своего окружения и “аристократии” Демократической партии. Еще более жесткая атака на президента США началась после сенсационного избрания на этот пост выдвиженца “ржавого пояса” (фактически коренной американской “глубинки”) Дональда Трампа. Американские элиты были обеспокоены его популистским стилем и попыткой наладить прямые коммуникации с гражданским обществом, минуя истеблишмент. Поэтому с 2016 г. Трамп находится под жестким (при этом управляемым) имиджевым прессингом со стороны СМИ, экспертного сообщества и соцсетей. И опять же наблюдается стремление его оппонентов не столько вступать с ним в политическую полемику, сколько подвергать остракизму путем создания общего негативного восприятия как потенциального “диктатора”, “агента Москвы”, “политического клоуна”¹⁴.

Во Франции и Великобритании элитам вообще удалось добиться “фейковости” своих политических лидеров и, более того, приучить граждан, что это вполне нормальное и современное явление.

Так, на смену уважаемым М. Тэтчер, Т. Блэру, Ф. Миттерану, Ж. Шираку и другим солидным политикам 1980–1990-х гг. сперва приходят невзрачные персоны, не обладающие харизматическим влиянием на массы (Д. Кэмерон, Н. Саркози, Ф. Олланд), а позже вообще фейковые и практически карикатурные персонажи вроде Э. Макрона, Т. Мэй и Б. Джонсона, которые эпатировали и эпатируют европейскую общественность экстравагантным и скандальным поведением. При этом за данными персонажами находятся весьма влиятельные политико-экономические силы. Как пишет биограф действующего французского президента А. Фульда, за продвижением Э. Макрона на властный Олимп стояла “французская номенклатура” — представители интеллектуальной, политической и экономической элиты¹⁵. Тем самым в Великобритании и Франции лидерский фактор фактически был сведен на нет, а руководящие посты перестали быть “персональными”, превратившись в функциональные (а иногда и имитационные) аппаратные должности. Соответственно, элиты в

¹³ Рогозинникова Ю.В. Образы президентов России и США в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 87–100.

¹⁴ <https://moluch.ru/archive/212/51850/>

¹⁵ Fulda A. Emmanuel Macron: un jeune homme si parfait. P., 2017.

этих странах одержали полную победу над своими традиционными оппонентами — политическими лидерами.

Но самым образцовым примером с точки зрения апробации технологий деструкции принципа политического лидерства является Украина. Избрание в 2019 г. ее президентом телевизионного персонажа, шоумена Владимира Зеленского ознаменовало перенос “анти-лидерской” войны на территорию постсоветского пространства. Невзирая на отсутствие политического и экономического опыта, национальную “нетитульность”, “легковесность” и “виртуальность” имиджа, во втором туре он получил у избирателей рекордную поддержку более 73%. И это при том, что граждане Украины понимали всю марионеточность “слуги народа”, его полную зависимость от И. Коломойского и “днепропетровского клана”. Тем не менее, протестное голосование по принципу “лишь бы не за Порошенко” привело на президентский пост вполне “липового” и “фейкового” лидера, задача которого — развлекать и эпатировать публику, в то время как стоящие за ним “серьезные” элиты будут принимать реальные и ресурсоемкие политические и бизнес-решения¹⁶. Не исключено, что отработанные технологии создания “президента Зе” далее будут продвигаться как в бывших республиках СССР (например, в России, Молдове, Грузии, Киргизии, Азербайджане), так и в странах “дальнего зарубежья”.

В то же время нельзя не отметить, что в постсоветских странах “снизу” до сих пор существует, а где-то и укрепляется запрос на сильного “народного” лидера. Например, в Венгрии активной поддержкой граждан вот уже десять лет пользуется популистская политика премьер-министра Виктора Орбана¹⁷. В России и Белоруссии высоки рейтинги доверия президентам Владимиру Путину и Александру Лукашенко. Более того, опросы общественного мнения россиян демонстрируют их симпатии к режиму “железной руки” в условиях жесткого внешнеполитического давления со стороны Запада и определенного “морального износа” российской бюрократии. В частности, это косвенно выражается в росте позитивных оценок государственной деятельности И.В. Сталина. Так в 2019 г. “Левада-центр” зафиксировал рекордный результат положительных оценок этой исторической фигуры: «В 2019-м году суммарные оценки поло-

¹⁶ Жаданова В.В., Широкобоков А.Н. Юмор как средство политического дискурса: от медийной персоны до кандидата в президенты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2019. Т. 24. № 1. С. 109–116.

¹⁷ <https://rg.ru/2018/04/09/viktor-orban-v-chetvertyj-raz-stanet-premerom-vengrii.html>

жительного отношения жителей России (“восхищение”, “уважение” и “симпатия”) к Сталину достигли максимального показателя за все годы исследований — их демонстрировал каждый второй участник опроса. За последний год наиболее значительный рост на 12 п.п. пришелся на “уважение” к вождю, которое стало доминантой среди предложенного для выбора спектра чувств»¹⁸. С учетом вышеизложенного, можно констатировать, что элитам не удалось полностью справиться с “лидерскими иллюзиями” населения и “лидерскими амбициями” руководителей. Поэтому противоборство между этими субъектами “большой политики” в перспективе продолжится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Браун А. Политическое лидерство и политическая власть // Политические исследования. 2016. № 1. С. 104–120.

Жаданова В.В., Широкобоков А.Н. Юмор как средство политического дискурса: от медийной персоны до кандидата в президенты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2019. Т. 24. № 1. С. 109–116.

Зубанова Л.Б. Лидерство XXI века: проблемы и перспективы интеграции социокультурного пространства // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 3 (19). С. 86–98.

Зудин А.Ю. Распределение источников влияния на принятие властных решений в современной России // Элиты и общество в сравнительном измерении. М., 2011.

Камо М. Политическое лидерство между авторитаризмом и демократией // Личность. Культура. Общество. 2012. № 2 (71–72). С. 152–168.

Лисицын А., Миклин А. Либеральная революция в России. Изнанка. М., 2009.

Мирзоян В.А. Управление и лидерство: сравнительный анализ теорий лидерства // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 3–15.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 2011.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001.

Рогозинникова Ю.В. Образы президентов России и США в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 87–100.

Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян. М., 2010.

Шкурко О.В. Соотношение понятий “лидерство” и “руководство”: современный взгляд на проблему // Омский научный вестник. 2011. № 1 (95). С. 100–103.

Энгдаль У.Ф. Невидимая рука... банков. М., 2018.

REFERENCES

Braun A. Politicheskoe liderstvo i politicheskaya vlast' [Political leadership and political power] // Politicheskie issledovaniya. 2016. N 1. S. 104–120 (in Russian).

¹⁸ <http://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>

Engdal' U.F. Nevidimaya ruka... bankov [The invisible hand ... of banks]. M., 2018 (in Russian).

Fedorov V.V. Russkij vybor. Vvedenie v teoriyu elektoral'nogo povedeniya rossiyan [Russian choice. Introduction to the theory of electoral behavior of Russians]. M., 2010 (in Russian).

Fulda A. Emmanuel Macron: un jeune homme si parfait. P., 2017.

Kamo M. Politicheskoe liderstvo mezhdru avtoritarizmom i demokratiej [Political leadership: between authoritarianism and democracy] // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2012. N 2 (71–72). S. 152–168 (in Russian).

Lisicyn A., Miklin A. Liberal'naya revolyuciya v Rossii. Iznanka [Liberal revolution in Russia. Wrong side]. M., 2009 (in Russian).

Mirzoyan V.A. Upravlenie i liderstvo: sravnitel'nyj analiz teorij liderstva [Management and leadership: a comparative analysis of leadership theories] // Voprosy filosofii. 2013. N 6. S. 3–15 (in Russian).

Moskovichi S. Vek tolpy. Istoricheskij traktat po psihologii mass [Age of crowds. Historical treatise on mass psychology]. M., 2011 (in Russian).

Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass [Revolt of the masses]. M., 2001 (in Russian).

Rogozinnikova Yu.V. Obrazy prezidentov Rossii i SSHA v politicheskoy karikature [Images of the presidents of Russia and the United States in political cartoons] // Politicheskaya lingvistika. 2018. N 2 (68). S. 87–100 (in Russian).

Shkurko O.V. Sootnoshenie ponyatij "liderstvo" i "rukovodstvo": sovremennyy vzglyad na problem [The relationship between the concepts of "leadership" and "management": a modern view of the problem] // Omskij nauchnyj vestnik. 2011. N 1 (95). S. 100–103 (in Russian).

Zhadanova V.V., Shirokobokov A.N. Yumor kak sredstvo politicheskogo diskursa: ot medijnoj persony do kandidata v prezidenty [Humor as a means of political discourse: from a media person to a presidential candidate] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2019. T. 24. N 1. S. 109–116 (in Russian).

Zubanova L.B. Liderstvo XXI veka: problemy i perspektivy integracii sociokul'turnogo prostranstva [Leadership of the XXI century: problems and prospects for the integration of socio-cultural space] // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2009. N 3 (19). S. 86–98 (in Russian).

Zudin A.Yu. Raspredelenie istochnikov vliyaniya na prinyatie vlastnyh reshenij v sovremennoj Rossii [Distribution of sources of influence on decision-making in power in modern Russia] // Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii. M., 2011 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-156-177

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ НА РАЗВИТИЕ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ

В.И. Зубков, докт. социол. наук, проф. кафедры государственного управления и социальных технологий Московского авиационного института (национального исследовательского университета), ГСП-3, Волоколамское шоссе, д. 4, корп. 5, Москва, А-80, Российская Федерация, 125993*

В статье рассмотрены фундаментальные изменения, происходящие в экономиках развитых стран и влияющие на трансформацию рынков труда, начиная с середины прошлого века, когда многие ученые констатировали наступление новой постиндустриальной эпохи.

В статье решаются две взаимосвязанные задачи. Первая — выявить детерминированность возникновения нестандартных форм занятости общими закономерностями развития постиндустриальных экономик. В качестве таких взаимосвязанных закономерностей выделяются и рассматриваются переток рабочей силы из промышленности в сферы услуг и высоких технологий, сокращение численности персонала экономических организаций, использование организациями плоских адаптивных структур для достижения функциональной и численной гибкости, формирование организационных сетей, возрастание мобильности рабочей силы, децентрализация трудовой деятельности во времени и пространстве, благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий, формирование интернет-экономики. Все это приводит к высвобождению рабочей силы, изменяет содержание трудовой деятельности, роль труда в жизни человека и мотивацию труда, способствуя развитию нестандартных форм занятости, в том числе открывая новые перспективы для самозанятости людей.

Вторая задача, решаемая в статье, состоит в анализе особенностей нестандартной занятости в современной России. В рамках решения этой задачи систематизированы формы нестандартной занятости в соответствии с российским трудовым законодательством, определены место нестандартной занятости в системе занятости россиян и ее структура, ее позитивные и негативные аспекты на макроуровне, на уровне экономических организаций и с точки зрения работников. Выяснено, что несмотря на излишнюю зарегулированность российской экономики в целом многие формы нестандартной занятости выпадают из поля зрения российского законодателя. Структура

* Зубков Владимир Иванович, e-mail: v.zubkov@bk.ru

нестандартной занятости в России не соответствует тенденциям развития постиндустриальной экономики, а значительная часть российской нестандартной занятости находится “в тени”. Это требует разработки новой политики занятости, включающей в себя более эффективные механизмы взаимодействия государства, работников и работодателей.

Ключевые слова: постиндустриальная экономика, стандартная занятость, нестандартная занятость, самозанятость, российское трудовое законодательство.

INFLUENCE OF MODERN SOCIO-ECONOMIC TENDENCIES ON THE DEVELOPMENT OF NON-STANDARD FORMS OF EMPLOYMENT

Zubkov Vladimir I., Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Public Administration and Social Technologies, Moscow Aviation Institute (National Research University), GSP-3, Volokolamsk highway, 4, bild, 5, Moscow, A-80, Russian Federation, 125993, e-mail: v.zubkov@bk.ru

The article discusses the fundamental changes taking place in the economies of developed countries and affecting the transformation of labor markets since the middle of the last century, when many scientists have noted the onset of a new post-industrial era.

The article solves two interrelated tasks. The first is to identify determinism of the non-standard forms of employment emergence by the general laws of post-industrial economies development. As such interrelated patterns are highlighted and considered flow of labor from industry to services and high technology, reducing number of economic organizations personnel, organizations using flat adaptive structures to achieve functional and numerical flexibility, formation of organizational networks, increased labor mobility, decentralization of work in time and space through use of information and communication technologies, formation of e-economy. All this leads to release of labor force, changes content of labor activity, role of labor in human life and motivation of labor, contributing to development of employment's non-standard forms, including opening new perspectives for self-employment of people.

The second task, solved in the article, is to analyze the characteristics of non-standard employment in modern Russia. As part of this task, the non-standard forms of employment are systematized in accordance with the Russian labor legislation, the place of non-standard employment in the employment system of Russians and its structure, its positive and negative aspects at the macro level, at the level of economic organizations and from the point of view of workers are defined. It was found that, despite overregulation of the Russian economy as a whole, many forms of non-standard employment fall out of sight of the Russian legislator. The structure of non-standard employment in Russia does not correspond to the development trends of the post-industrial economy, and a significant part of Russian non-standard employment is “in the shadow”. This requires development of a new employment policy that includes more effective mechanisms for interaction between the state, workers and employers.

Key words: post-industrial economy, standard employment, non-standard employment, self-employment, Russian labor legislation.

Введение

Постиндустриальное общество характеризуется наукоемкой высокопроизводительной промышленностью, в силу чего ее доля в ВВП и количество занятых в ней снижаются, и в экономике по тем же параметрам начинает преобладать сфера услуг¹. Изначально рост сферы услуг связывался с деловыми (особенно финансовыми) и социальными услугами, здравоохранением и образованием. Но в 1980-е гг. стало очевидно, что в экономике наиболее динамично развиваются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые во многом определяют векторы развития как промышленности, так и сферы услуг, и еще более увеличивают долю последних. В связи с этим в науке и социальной практике стали выделять сервисный и информационный этапы развития постиндустриального общества. Ведущими на этих этапах являются соответственно процессы автоматизации-роботизации и компьютеризации, основанные на инновациях, науке, образовании и человеческом капитале.

В настоящее время, по данным Мирового банка, в сфере услуг развитых стран в среднем занято более трех четвертей трудоспособного населения (в РФ — 66,4%), примерно такую же долю (чуть меньше) составляет вклад услуг в мировой ВВП (в РФ — 56,2%)². При этом высокотехнологичные услуги развиваются в два раза интенсивнее прочих, и прямо на наших глазах появляются все новые связанные с ИКТ профессии. Так, в этом году в России разработан стандарт для профессии “цифровой куратор”. Цифровой куратор — это консультант в области цифровой грамотности. Такие специалисты будут обучать, прежде всего, пожилых людей пользоваться цифровыми ресурсами, помогут им освоить электронные способы платежей за коммунальные услуги, научат вести документооборот в электронном виде и многому другому³.

Увеличению занятых в IT-сфере способствует и то, что эта работа отвечает современным требованиям (о которых речь пойдет ниже) и является самой высокооплачиваемой в современной России⁴.

¹ Точно так же, как при переходе от доиндустриального к индустриальному обществу сельское хозяйство уступило первенство промышленности.

² См.: World development indicators: structure of output // The World Bank. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators> (accessed: 07.04.2019).

³ См.: *Игнатьева О.* В России появится новая профессия // Российская газета. 2019.06.01. URL: <https://rg.ru/2019/01/06/v-rossii-poiavitsia-novaia-professiia.html> (дата обращения: 15.03.2019).

⁴ См.: *Шумаков Р.* Эксперты назвали самые высокооплачиваемые профессии 2018 года // ТАСС. 2018.20.12. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5934295> (дата обращения: 20.01.2019).

Согласно данным опроса портала *Super Job*, на вопрос “Если бы вы могли выбирать профессию снова, вы бы опять выбрали вашу специальность?” утвердительно ответили 78% программистов. (Меньше всего довольны выбором специальности экологи (49%) и экономисты (48%))⁵.

Структурные тенденции и изменение трудовых мотиваций

Динамичное развитие высоких технологий и сферы услуг обуславливает ряд последствий для рынка труда. Во-первых, переток рабочей силы из промышленности в сферу услуг, который сопровождается повышением уровня фрикционной и структурной безработицы. Для получения нового рабочего места требуется переобучение или обучение, а для того, чтобы идти в ногу с научно-техническим прогрессом, — непрерывное образование. Однако уже в 1970–1980-х гг. стало очевидным, что постиндустриальная экономика не способна обеспечить всех работающих по найму полноценными рабочими местами. В связи с этим Э. Тоффлер предложил включить в понятие “работа” многочисленные виды деятельности, которые являются производительными, но не оплачиваются, и назвать их “протреблением” (*prosuming*). Это — уход за своими детьми и их обучение, строительство, выращивание овощей и фруктов на собственном участке, пошив одежды для себя, волонтерство и многое другое⁶. В идеале же нужно изменить урбанистический характер расселения и, насколько это технологически возможно, вернуть оплачиваемую работу в дом⁷.

Следующей важной особенностью постиндустриальной экономики является то, что в ней наиболее эффективными становятся небольшие организации, предприятия малого и среднего бизнеса. Во-первых, для создания инноваций не требуется сосредоточения людей и материальных средств в рамках крупных иерархически построенных организаций. Во-вторых, инновационная экономика становится все более динамичной, что требует как от индивидов, так и от коллективов реализации гибких адаптивных стратегий. Наиболее же адаптивными являются неиерархические децентрализованные организационные структуры. Кроме того, известно, что для решения

⁵ В исследовании приняли участие 7 тыс. представителей 22 профессиональных групп из всех регионов страны (см.: Стало известно, кто в России больше всего доволен своей профессией // РИА Новости. 2018.09.11. URL: <https://ria.ru/20181109/1532442807.html> (дата обращения: 20.01.2019).

⁶ См.: Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 251.

⁷ См.: Тоффлер О. Третья волна. М., 1999. С. 321.

стандартных задач больше подходят жесткие вертикальные структуры, а для решения неструктурированных творческих задач — мягкие горизонтальные.

Сокращение численности персонала организаций — тенденция, проявившаяся в развитых странах еще в конце прошлого века. Так, до 1970-х гг. крупные американские корпорации активно расширяли свое присутствие на рынке труда, но уже в 1992–1996 гг. компании с персоналом, не превышающим 500 работников, обеспечили американской экономике прирост более чем 11,8 млн рабочих мест, в то время как более крупные корпорации в совокупности сократили их численность на 645 тыс. В 1996 г. половина американского экспорта обеспечивалась компаниями со штатом, не превышающим 19 работников, и только 7% производилось на предприятиях, применявших труд более 500 человек⁸. В России сокращение численности персонала организаций началось в 1990-х гг. в связи с разрушительным для экономики переходом к рыночным отношениям. Если в дореформенный период на долю средних и крупных предприятий приходилось 80% всех занятых (59 млн чел.), то к середине нулевых годов — уже менее 60% (39 млн), т.е. в полтора раза меньше⁹. И это несмотря на явно недостаточное развитие в стране малого и среднего бизнеса.

Наиболее гибкой и адаптивной следует считать проектную структуру организации, в которой большая часть функций самостоятельно реализуется рабочими группами, что позволяет ей достаточно легко изменять свою конфигурацию¹⁰. В такой структуре могут быть задействованы как штатные сотрудники, так и профессионалы из других фирм и даже стран. Они включаются в те или иные команды на срок от нескольких дней и недель до месяцев и лет в зависимости от продолжительности реализации проекта. При этом работники в командах или группах решают вариативные нестандартные творческие задачи, а управление становится гораздо более ситуативным. Такая работа требует от сотрудников самостоятельности, ответственности, постоянного совершенствования и обучения новым навыкам. Если обучение и повышение квалификации, накопление информации и обмен ею между сотрудниками в рабочем процессе становятся нормой, то современные теоретики менеджмента говорят об “обучающейся организации” (*knowledge organization*).

⁸ См.: Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000. С. 74.

⁹ См.: Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М., 2005. С. 15.

¹⁰ См.: Hammer M. Beyond reengineering. How the process-centered organization is changing our work and our lives. N.Y., 1996. P. 13.

Однако организации, занимающиеся массовым и серийным производством, не могут иметь проектную структуру, но, тем не менее, и они стремятся стать более гибкими. Речь идет о двух видах гибкости — функциональной и численной. Функциональная гибкость подразумевает отказ от тейлоризма и замена его такой организацией труда, которая дает возможность работникам участвовать в принятии решений, позволяет им работать в командах и усиливает их приверженность организации. Помимо этого компетентным работникам предоставляется возможность подключаться к различным проектам и выполнять меняющиеся задания. Численная гибкость связана с попытками работодателей снизить затраты с помощью новых форм занятости — временной, частичной, заемной (в настоящее время в РФ запрещена), фрилансерской и др.¹¹

Модель “ядро против периферийных рабочих мест” (*core vs peripheral jobs*) предусматривает сочетание в одной компании как функциональной, так и численной гибкости. Сегментирование рабочей силы организации на фиксированный штат — “ядро” и гибкую “периферию”, состоящую из работников с нестандартной занятостью, дает компании возможность не только быстро адаптироваться под текущие задачи, но и защитить “ядро” рабочей силы от колебаний спроса. Здесь периферийные работники рассматриваются как некий буфер, избавляться от которого в случае кризисной ситуации можно без значительного ущерба для морального духа и культуры компании. Исследования показали, что более половины американских организаций активно используют нестандартные формы занятости и при этом имеют высокую функциональную гибкость¹².

Еще одна причина изменений в структуре современных экономик состоит в том, что ИКТ значительно сокращают транзакционные издержки, что способствует, с одной стороны, интернационализации бизнеса в виде сетевых структур, а с другой — перемещению капиталов, идей, технологий, рабочей силы и рабочих мест в страны и регионы, наиболее эффективные для достижения конкретных экономических целей, тем самым увеличивая разрыв между развитыми и развивающимися странами.

ИКТ усиливают глобальную конкуренцию, что приводит к формированию горизонтальных экономических структур и децентрализации трудовой деятельности во времени и пространстве. В данном случае сочетание функциональной и численной гибкости достигается за счет создания организационных сетей. Доверительные отношения,

¹¹ См.: Kalleberg A.L. Organizing flexibility: the flexible firm in a new century // British Journal of Industrial Relations. 2001. N 4 (39). P. 483.

¹² Op. cit. P. 488.

возникающие между организациями в этих сетях (между производителями, производителями и поставщиками, поставщиками и т.д.), позволяют им в случае необходимости перераспределять ресурсы и легко адаптироваться к изменениям в рыночной среде, а также регулировать численность персонала за счет передачи части функций на аутсорсинг в другую компанию в рамках сети¹³. Так, периферию *Nike* и многих других глобальных компаний составляют сотрудники других организаций, которые включены в сеть.

С развитием мировой торговли и ростом глобализации возрастает и мобильность труда, а значит, у людей появляется возможность реализовать себя в странах, где существует спрос на их способности. Компании из разных частей света все чаще привлекают необходимый им персонал через интернет. Например, существует онлайн-портал *Freelancer* (<https://www.freelancer.com/>) — крупнейшая в мире виртуальная платформа для фрилансеров, на которой работодатель может найти специалиста под необходимые ему задачи. На портале зарегистрировано более 21 млн работодателей и фрилансеров из большинства стран мира. Сегодня в России около 2,5 млн человек подрабатывают как фрилансеры, получая заказы через онлайн-платформы¹⁴.

Таким образом, с появлением новых систем коммуникации и ростом технологического развития общества, многие виды работ могут выполняться за тысячи километров от офиса и даже пересекать национальные границы разных стран. Некоторые компании для интенсификации деятельности могут использовать тот факт, что некоторые их сотрудники находятся в разных часовых поясах, и это позволяет им, правильно распределив задачи, организовать фактически круглосуточную работу над проектом.

В целом можно констатировать, что огромные централизованные организации с жесткими границами в значительной степени сменяются гибкими мобильными структурами (группами). Изменения, происходящие в организации производства и труда последних лет, свидетельствуют о том, что во многих компаниях скоро останется только кадровое ядро, состоящее из минимального числа постоянного персонала и отвечающее за выполнение административно-управленческих задач и взаимодействие с клиентами. Остальные

¹³ См.: Barrientos S. "Labour chains": analyzing the role of labour contractors in global production networks // *Journal of Development Studies*. 2013. Vol. 49. N 8. P. 1058–1071.

¹⁴ См.: Объем российского рынка интернет-коммерции составляет 2 трлн рублей // ТАСС. 2018.21.11. URL: https://tass.ru/ekonomika/5816762?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.01.2019).

же функции будут выполняться за счет работы “удаленных” сотрудников. В компаниях, вынужденных содержать достаточно большой штат, гибкие формы занятости позволяют (и позволяют уже сегодня) быстрее реагировать на конъюнктурные изменения рынка товаров и услуг, что способствует увеличению производительности труда, внедрению инноваций и улучшению обслуживания клиентов.

Наконец, развитие ИКТ, прежде всего интернета, открыло новые виртуальные пространства для трудовой деятельности, сформировало особую интернет-экономику (e-economy) с электронным бизнесом (e-business, e-commerce) и электронными рынками (e-markets, virtual markets). ИКТ меняют не только содержание трудовой деятельности в организациях, но и открывают новые перспективы для самозанятости. По этому поводу Т. Сакайя пишет: “Конструктору нужны стол, карандаш, угольники и другие инструменты для графического воплощения своих идей. Фотографам и корреспондентам необходимы камеры. Большинству программистов достаточно для работы лишь небольших компьютеров. Все эти инструменты не так уж дороги и по карману любому человеку”¹⁵. Тем самым “господствующий класс” утрачивает монополию на средства производства. Теперь, выходя на рынок, человеку больше нет необходимости продавать свою рабочую силу и время предпринимателю. Он сам может выступать в качестве производителя, создавая продукты с помощью собственных средств производства.

У. Бек справедливо считает, что в современном обществе “люди освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями”¹⁶. Тем самым Бек подчеркивает, что процесс индивидуализации помимо возрастания свободы, в том числе экономической свободы индивидов, имеет и обратную сторону — утерю ими гарантий стабильности материального и социального положения.

Осмысление проблем информационной экономики привело многих ученых к выводу о наступлении “конца трудового общества”. “Трудовое общество, — как его определяет Р. Дарендорф, — это такой порядок, при котором все прочие измерения жизни более или менее непосредственно соотнесены с производительной деятельностью: образование — это подготовка к профессии, свободное время — отдых для возобновления труда, отставка — заслуженная награда за

¹⁵ Цит. по: Goldman M. What went wrong with Perestroika. N.Y.; L., 1992. P. 49.

¹⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Послесл. А. Филиппова. М., 2000. С. 106.

трудовую жизнь”¹⁷. Теперь же труд перестал играть столь фундаментальную роль в жизни человека и общества. “Трудовая природа” социальной реальности сменяется ее “информационной природой”¹⁸.

Трудовая общественная парадигма подрывается и в других аспектах. Наиболее значимым из них является деструкция трудовой теории стоимости. Информация имеет принципиальные отличия от других факторов производства — в ней сочетаются практически бесконечная делимость, возобновляемость, массовая и очень дешевая тиражируемость. Но главное то, что стоимость информации, знаний и вообще продуктов интеллектуального труда невозможно определить, опираясь на такие традиционные критерии, как затраченные на их производство ресурсы и время. “Знания, какими бы они ни были, не могут, в отличие от совокупного общественного труда, быть переведены в абстрактные единицы и измерены с их помощью. Они не сводятся к определенному количеству абстрактного труда как его результат, продукт или эквивалент”¹⁹. Если в индустриальном обществе стоимость определялась в первую очередь издержками, то в постиндустриальном обществе ключевым фактором становится ценность (полезность) продукта, которая субъективна и подвержена изменениям.

В свое время Э. Тоффлер сформулировал шесть принципов, на которых основывалось общество “второй волны”, т.е. индустриальное общество²⁰. Применительно к экономике эти принципы можно представить так:

- концентрация — людей и материальных средств в рамках крупных предприятий;
- централизация — преобладание централизованных иерархических организационных структур;
- синхронизация — режимов труда и отдыха;
- специализация — преобладание частичного труда;
- стандартизация — форм занятости, норм оплаты труда, льгот, а также продуктов и услуг;
- максимизация — производительности как синонима эффективности, а также дохода как важнейшей составляющей жизненного успеха.

¹⁷ Цит. по: Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990. С. 21.

¹⁸ См.: Там же. С. 291.

¹⁹ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 41.

²⁰ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010. С. 94–116.

Приведенные выше аргументы показывают, что в целом экономика общества “третьей волны” трансформируется в направлении отказа от этих принципов и утверждения прямо противоположных.

В отличие от труда, характерного для индустриального общества, деятельность, которая требуется для современного наукоемкого производства, является скорее творчеством. Переход от труда к творчеству во все большем числе сегментов экономики представляет собой одну из важнейших черт постиндустриальной трансформации²¹. Эта трансформация порождается и порождает новый тип работника, основные черты которого, на наш взгляд, удачно описал тот же Э. Тоффлер. “Новые рабочие значительно более похожи на независимых ремесленников, чем на взаимозаменяемых рабочих конвейера. Они моложе, лучше образованы. Они ненавидят рутину. Они предпочитают работать бесконтрольно для того, чтобы выполнять свою работу так, как они это считают нужным. Они хотят иметь право слова. Они привыкли к изменению, неясности ситуации, гибкой организации. Они представляют собой новую силу, и их число растет”²².

В современной экономике, как мы видим, изменяются и субъективные характеристики труда, которые “синхронны” демассификации и дестандартизации производства, а в целом — росту многообразия культуры, плюрализма общества и автономности личности. Так, изменяются ценностные ориентиры людей и их трудовые мотивации. Материальная составляющая, ранее лежавшая в основе побудительных мотивов труда, с повышением уровня жизни утрачивает свое значение, уступая место новым — социально-престижным и духовным. Возможность самореализации, содержательность и комфортность стали гораздо более значимыми критериями при выборе работы, чем раньше. Кроме того, такая традиционная трудовая мотивация, как карьера постепенно перестает быть актуальной, а ее антипод — дауншифтинг (downshifting) становится все более популярным в среде современной молодежи. Помимо изменения ценностей людей и роста их доходов дауншифтинг является следствием распространения плоских организационных структур и сетей, в которых карьерных лестниц просто не существует.

Но, наверное, самое главное состоит в том, что на протяжении истории человечества большинство людей считали труд средством к существованию, повинностью, обязанностью, связывали его с понятием эксплуатации, и только в новейшей истории появилось

²¹ См.: Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 20.

²² Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 255.

общественное представление о труде как о потребности, средстве самореализации, которое может сделать человека счастливым. Для этого труд на рабочем месте как минимум должен нравиться — он должен быть интересным, разнообразным, нестандартным, самостоятельным, творческим и т.п. (см. рис.).

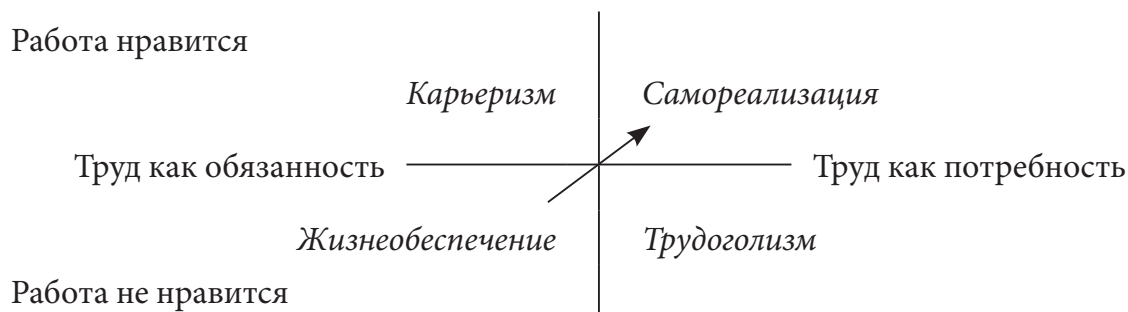

Рис. Историческая тенденция изменения трудовых мотиваций

Эта тенденция в целом подтверждается результатами инициативного всероссийского опроса “ВЦИОМ-Спутник”. Они показали, что на выбор профессии 28% респондентов повлияли увлечения и интересы, 23% ответили, что “так сложились обстоятельства”, а престижем профессии и возможностью карьерного роста руководствовались только 16% россиян. Кроме того, только для 12% опрошенных главным критерием выбора являлась оплата труда в профессии²³.

Нестандартные формы занятости в современной России

Согласно закону “О занятости населения в Российской Федерации” занятость — это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и, как правило, приносящая им заработок, трудовой доход.

Занятыми считаются граждане:

- работающие по трудовому договору, в том числе выполняющие работу за вознаграждение на условиях полного либо неполного рабочего времени, а также имеющие иную оплачиваемую работу (службу), включая сезонные, временные работы, за исключением общественных работ;
- избранные, назначенные или утвержденные на оплачиваемую должность;

²³ Опрос был проведен 22.10.2018 г. среди 1600 россиян старше 18 лет путем телефонного интервью (см.: Социологи назвали самую престижную профессию в России // РИА Новости. 2018.24.10. URL: <https://ria.ru/20181024/1531341162.html> (дата обращения: 27.12.2018)).

- являющиеся учредителями (участниками) коммерческих организаций;
- зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, а также иные лица, чья профессиональная деятельность подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию;
- выполняющие работы по договорам гражданско-правового характера, предметами которых являются выполнение работ и оказание услуг, авторским договорам, а также являющиеся членами производственных кооперативов (артелей);
- занятые в подсобных промыслах и реализующие продукцию по договорам;
- являющиеся членами крестьянского (фермерского) хозяйства.

Кроме того, занятыми являются временно отсутствующие на рабочем месте по уважительным причинам, проходящие государственную службу и обучающиеся по очной форме обучения.

Если же добавить к этому особенности правового регулирования труда отдельных категорий занятых, описанные в Трудовом кодексе, то можно констатировать, что российское законодательство предусматривает множество форм занятости. Однако в высокودинамичном постиндустриальном обществе появляются все новые системы организации труда, и сфера занятости претерпевает постоянные изменения. Так, российский законодатель легализовал дистанционную работу, но пока игнорирует фриланс, онлайн-предпринимательство, аутсорсинг и аутстаффинг, возможно считая их частными случаями традиционных форм занятости. Но тогда дистанционная работа — тоже частный случай найма с предоставлением удаленного от работодателя рабочего места. Кроме того, с увеличением форм занятости возрастает и количество их комбинаций. Например, столь популярный сегодня фриланс может осуществляться по договору и договоренности, посредством интернета (e-lanc) и без его использования, одним фрилансером и его рабочими (проектными) группами, в различном трудовом режиме, быть основным и дополнительным источником дохода и т.д.

Для изучения занятости в качестве ее идеального типа принято рассматривать стандартную занятость, а в качестве отклонений от него — нестандартную занятость. Понятие стандартной занятости является продуктом индустриальной экономики (принцип стандартизации Э. Тоффлера) и лежит в основе правовой регуляции и защиты труда, хотя нестандартная занятость уже давно не является чем-то экзотическим.

Нестандартная занятость в РФ

		Формальная занятость	Неформальная занятость
Способ обеспечения работой	Наем	По срочному трудовому договору — временная, сезонная По гражданско-правовому договору	На основе устной договоренности — временная, сезонная, случайная
	Само-занятость	Собственное дело — индивидуальное предпринимательство	Собственное дело физического лица Самообеспечение Помогающая работа членов семьи
Место работы		Совместительство Дистанционная работа Работа по вызовам Экспедиционная работа Командировочная занятость	Совместительство Дистанционная работа Работа по вызовам Надомный труд
Режим рабочего времени	Гибкий	Гибкий режим дня Сжатая рабочая неделя Сменная и вахтенная работа	Гибкий режим дня
	Сверх-занятости	Сверхурочная работа Ненормированный рабочий день	Ненормированный рабочий день
	Недо-занятости	Неполное рабочее время (неполный день, неделя) Деление рабочего времени/рабочих мест	Свободный “график работы”

Стандартной обычно считают занятость по найму у одного работодателя на предоставленном им рабочем месте с заключением бессрочного трудового договора, предусматривающего нормативную продолжительность рабочего времени. Отсутствие какой-либо из перечисленных характеристик говорит о нестандартной занятости. В свою очередь нестандартная занятость может быть формальной и неформальной. Их логично различать по критериям наличия/отсутствия государственной регистрации экономической единицы и письменного договора между работодателем и работником²⁴. При этом нестандартность формальных трудовых отношений может

²⁴ Неформальные трудовые отношения могут выходить за пределы правового регулирования, но это — отдельная тема исследований (см.: В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М., 2014).

рассматриваться как с точки зрения отклонений условий контракта от принятого стандарта, так и с точки зрения нестандартности фактических условий занятости, даже при наличии стандартного контракта (см. табл. 1).

Однако Росстат определяет формальную занятость только по критерию наличия государственной регистрации экономической единицы в качестве юридического лица. Поэтому, например, индивидуальные предприниматели и работающие на индивидуальной основе без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (физические лица), а также лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц, попадают в группу неформальной занятости. А это не вполне логично.

Статистика показывает, что сегодня в неформальном секторе трудится 19,8% занятых, при этом совмещающих основную и дополнительную работу очень немного — всего 2,3%. “Неформалы” занимаются различными видами экономической деятельности. Вот пять из них с наибольшей численностью занятых: торговля и автотемонт — 32,7%, сельское хозяйство и промыслы — 16,8, строительство — 11,7, транспортировка и хранение — 9,9, обрабатывающие производства — 9,5%. Все это — традиционные отрасли, а инновационные находятся в конце списка: профессиональная, научная и техническая, административная деятельность — 3,5%, здравоохранение и социальные услуги — 1,4, образование — 1,1, область информации и связи — 0,8, область культуры, спорта, рекреации — 0,8%. При этом за последние десять лет изменения по существу претерпел лишь сельскохозяйственный сектор, численность работающих в котором существенно снизилась. Во всех остальных секторах наблюдалось незначительное увеличение занятых: в “высокой” группе — на 1–1,5%, в “низкой” — не более (а часто гораздо менее) чем на 1%²⁵. Все это не соответствует тенденциям развития постиндустриальной экономики.

По экспертным же данным 23,7%, т.е. примерно 18 из 76 млн россиян трудоспособного возраста не имеют официальной работы, а подавляющее большинство из них трудится “в тени”²⁶. Теневая занятость в неформальной экономике имеет место, когда факт уста-

²⁵ См.: Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2018 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm (дата обращения: 18.02.2019).

²⁶ Игнатова О. Неработающих россиян предложили штрафовать за неуплату взносов // Российская газета. 2018.20.11. URL: <https://rg.ru/2018/11/20/nerabotaiushchih-rossiian-predlozhili-shtrafovat-za-neuplatu-vznosov.html> (дата обращения: 13.02.2019).

новления трудовых отношений между работником и работодателем скрывается от официальных властей, работа выполняется за “черную зарплату”, а также когда самозанятые работают на себя без регистрации и уплаты налогов.

Данные в табл. 2 показывают место нестандартной занятости в системе занятости россиян²⁷. Место это достаточно скромное, что объясняется главным образом особенностями содержания и практической реализации действующего трудового законодательства.

Таблица 2

Структура занятости россиян в 2017 г., %

По месту основной работы	На предприятии, в организации со статусом юридического лица	81,5
	Индивидуальное предпринимательство без образования юридического лица	4,8
	Наем у индивидуальных предпринимателей и физических лиц	12,1
	Домашнее хозяйство и промыслы по производству продукции для продажи или обмена	1,5
По статусу работающих	Работающие по найму	93,4
	Работающие не по найму:	6,6
	– работодатели	1,3
	– самостоятельно занятые	4,8
	– члены производственных кооперативов	0,0
	– помогающие на семейном предприятии	0,4
По найму на основной работе	По трудовому договору:	
	– на неопределенный срок	91,8
	– на определенный срок	3,4
	По гражданско-правовому договору	0,9
	На основе устной договоренности	3,9

Дело в том, что нестандартная занятость характеризует степень гибкости рынка труда. Трудовое законодательство всегда представляет собой компромисс между крайними (идеальными) полюсами: абсолютной гибкостью рынка труда и абсолютной защищенностью наемных работников. “Чем сильнее защищены наемные работники, тем жестче законодательство по отношению к работодателям, тем выше издержки, которые вынуждены нести фирмы при необходимости адаптации к колебаниям на рынке. Наоборот, чем более

²⁷ См.: Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2018 г.

свободны работодатели в использовании рабочей силы и чем слабее защищены работники, тем менее предсказуемы трудовые отношения и тем меньше инвестиции в специфический человеческий капитал”²⁸.

Анализ же российского трудового законодательства и его интегральные оценки, которые публикуют различные международные организации (Всемирный банк, ОЭСР, МОТ и др.), показывают, что с формально-правовой точки зрения российский рынок труда относится к наиболее зарегулированным и ригидным среди стран с рыночной экономикой. Но, как известно, суровость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения, что позволяет рынку достигать “теневого гибкости”. Однако такая гибкость, облегчая краткосрочную адаптацию, не создает достаточных предпосылок для долгосрочного реструктурирования занятости и устойчивого экономического роста²⁹. Правительство уже несколько лет безуспешно пытается вывести работников из тени, как водится, без системного реформирования экономики, зато по федеральному плану и региональным разнарядкам. Последние новации в налоговом кодексе и инициативы депутатов нацелены на то, чтобы побудить самозанятых платить налоги, а безработных делать взносы в государственный внебюджетный фонд взамен на социальные гарантии. Но захотят ли граждане платить за ту систему защиты их бизнеса, социального и медицинского страхования и пенсионного обеспечения, которая в стране существует сегодня?

Упомянем только о нашумевшем эксперименте с интернет-регистрацией самозанятых, который изначально должен был проводиться в 2019–2028 гг. в Москве, Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан. Напомним, что в рамках эксперимента для самозанятых, не имеющих работодателя и наемных работников, и имеющих доход менее 2,4 млн руб. в год, вводится налог на профессиональный доход (НПД): 4% — если самозанятые обслуживают физических лиц и 6% — если самозанятые обслуживают индивидуальных предпринимателей или юридических лиц. При этом участники эксперимента освобождаются от уплаты тринадцатипроцентного НДФЛ.

Что же мы имели на конец ноября 2019 г.? Если учесть количество самозанятых (18 млн человек) и население участвующих в эксперименте регионов (свыше 17% от населения РФ), то по грубым подсчетам в них из тени должны были выйти свыше 3 млн работников. Но к настоящему времени зарегистрировалось лишь 320 тыс. “энтузиастов”, т.е. на порядок меньше. Добавим к этому массовые

²⁸ Гимпельсон В., Капелюшников Р. Указ. соч. С. 20.

²⁹ См.: Там же. С. 20–23.

манипуляции работодателей с переводом штатных работников в формат самозанятых (что запрещено) и наем новых работников как самозанятых по гражданско-правовым договорам, что отследить практически невозможно.

В чем же дело? Во-первых, вводимый НДС не так уж мал. По уже имеющимся ставкам индивидуальные предприниматели и ООО, работающие по упрощенной системе налогообложения, могут платить либо те же 6% с оборота, либо 15% по схеме “доходы минус расходы”. Во-вторых, самозанятые научены горьким опытом и стараются держаться подальше от государства. Однажды им уже были обещаны двухлетние налоговые каникулы, но вскоре с них потребовали налоги за прошлые годы.

Однако несмотря на явный провал эксперимента, налоговая служба отчиталась о его успехе³⁰, а глава Минфина А. Силуанов вместо вышеуказанного срока хочет распространить новый налоговый режим для самозанятых на все российские регионы со второй половины 2020 г. Поскольку с этим проектом “все ясно”, то зачем тянуть время: нужно как можно быстрее выжать из него все возможное, а там — как бог даст.

В целом расширение сегмента нестандартной занятости в развитых странах в последние десятилетия объективно связано с масштабными инновационными процессами, повышением динамизма экономик, ужесточением конкуренции и необходимостью сокращения издержек, ростом безработицы. В этих условиях нестандартная занятость на макроэкономическом уровне является амортизационным механизмом и механизмом повышения мобильности рабочей силы, а на микроэкономическом уровне — инструментом управления, позволяющим организациям оперативно реагировать на изменения внешней и внутренней среды, а также снижать налоговое бремя, издержки на персонал и производственные издержки. Умело применяемые гибкие формы занятости способствуют увеличению производительности труда и улучшению обслуживания потребителей. Кроме того, нестандартная занятость асинхронизирует физические перемещения работников или снижает количество их перемещений.

Существуют преимущества нестандартной занятости и с точки зрения работников. Во-первых, неполная занятость лучше безработицы, а сверхзанятость (если ее желает сам работник) материально выгодна. Во-вторых, нестандартная занятость удовлетворяет потребность женщин с маленькими детьми, лиц с ограниченными физическими возможностями и лиц, за ними ухаживающих, пенсионеров,

³⁰ Кстати, я не припомню случая, чтобы хотя бы один эксперимент, проведенный правительством, был бы официально признан неуспешным.

людей, не имеющих работы рядом с домом, в гибкой организации их труда, да и вообще позволяет многим из них работать, снижая уровень безработицы. В-третьих, гибкая занятость позволяет совмещать работу и личную жизнь или другие виды деятельности (например, учебу), а также обеспечить трудоустройство тем, кто не имеет желания или необходимости иметь стандартную занятость. В-четвертых, нестандартная занятость может служить целям приобретения опыта работы по специальности с подготовкой к стандартной занятости. Наконец, в-пятых, при использовании нестандартных форм занятости для максимального повышения гибкости применения рабочей силы повышается и гибкость в вопросах приема и увольнения, а также начисления заработной платы. И здесь достоинства нестандартной занятости оборачиваются ее недостатками.

При движении в континууме от незначительного отклонения от стандарта к полной неформальной самозанятости работник лишается все больших прав и гарантий и принимает на себя все больше трудовых рисков, связанных с непостоянной загруженностью, нерегулярным доходом и недобросовестностью контрагентов. Если формальные трудовые отношения (содержание, режим, условия и оплата труда) закрепляются в контракте, и его надлежащее исполнение обеспечивается законом, то неформальные отношения устанавливаются в результате устной договоренности, реализация которой зависит от добросовестности и порядочности сторон. Работники также могут столкнуться с трудностями самоорганизации труда и повышения уровня своего профессионализма. На микросоциальном уровне встают проблемы производительности и качества труда периферийных работников, а также организации и управляемости труда удаленных работников. На макроэкономическом уровне нестандартная занятость сопровождается недополучением средств в бюджет и внебюджетные фонды.

Повторим, что одной из главных черт нестандартных форм занятости является их сопряженность с риском. Переходя к таким формам, человек из относительно уютного и предсказуемого пространства традиционных организаций попадает в ситуацию, когда он не может точно спрогнозировать ни сумму своего дохода, ни регулярность его получения. В разных институциональных контекстах существуют факторы, которые подталкивают людей к такому переходу и снижают остроту восприятия рисков. На Западе, прежде всего в Европе, таким фактором служит надежная социальная защита населения. Высокие пособия по безработице, гарантированные пенсии, обеспечивающие достойный уровень жизни, широкий спектр мер по поддержке семей с детьми, людей с ограниченными возмож-

ностями — все это создает базу для того, чтобы граждане не боялись попробовать себя на новом рискованном поприще. И они активно пробуют, получая в качестве компенсации за риски такие специфические элементы качества жизни, как независимость от начальства, свободный график работы, возможность совмещения работы и хобби.

В России ситуация иная, но и здесь присутствует фактор, облегчающий разрыв с традиционным трудоустройством. У людей очень низкие заработные платы, причем такие малоодоходные рабочие места существуют не только в глубинке (где они составляют большинство), но и в больших городах. Россиянам, в особенности молодым, не страшно потерять такой доход и достаточно просто его компенсировать. Приведем в качестве примера самую “веселую” фрилансерскую профессию — муж на час. Помогая одиноким женщинам (и не только им) в работе по дому, молодой человек может спокойно заработать 10–20 тыс. рублей в месяц, не будучи занятым каждый день. Например, в столице за визит такого “мастера” неприлично платить меньше 1000 рублей, поэтому в месяц ему нужно будет получить буквально несколько заказов. А чтобы заработать такие же деньги в традиционных организациях, он должен будет по утрам пять дней в неделю ходить на работу и выслушивать многочисленные претензии начальства. Постоянное реформирование пенсионной системы и, следовательно, неопределенность с пенсионным обеспечением в стране еще более усиливает интерес россиян к нестандартным формам занятости.

Заключение

Таким образом, в постиндустриальных экономиках развиваются высокие технологии, начинает преобладать сфера услуг, а в ней — информационные услуги, расширяется присутствие на рынке небольших организаций, плоских и сетевых структур, повышается уровень безработицы, активизируются трудовые миграционные потоки. Все эти процессы изменяют структуру экономики, содержание и организацию труда, отношение к труду и трудовые мотивации работников. В частности высвобождение экономически активного населения из традиционных отраслей и его трудоустройство в инновационных секторах экономики приводят к возникновению нестандартных и новых форм занятости.

Однако нестандартная занятость является достаточно противоречивым экономическим феноменом. Придавая гибкость бизнес-процессам, снижая их излишнюю регламентацию, способствуя повышению комфортности деятельности работников за счет их самостоятельности и свободы действий, нестандартная занятость

порождает налоговые проблемы, а также риски, связанные с обеспечением трудовых прав работников. Тем не менее, нестандартная занятость имеет объективную основу и тенденцию ко все большему распространению, в том числе в России. Однако в нашей стране многие формы неформальной занятости не отражены в трудовом законодательстве, а ее структура пока не соответствует тенденциям развития постиндустриальной экономики. Все это требует разработки и реализации новой политики занятости, включающей в себя более эффективные механизмы взаимодействия государства, работников и работодателей. Разумеется, проведение такой политики возможно лишь в контексте общего реформирования российской экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Послел. А. Филиппова. М., 2000.

В России появится новая профессия // Российская газета. 2018.09.11. URL: <https://news.mail.ru/society/35320495/?frommail=1>

В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшников. М., 2014.

Гимпельсон В., Капельюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М., 2005.

Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.

Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 3–18.

Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000.

Неработающих россиян предложили штрафовать за неуплату взносов // Российская газета. 2018.20.11. URL: <https://news.mail.ru/society/35429524/?frommail=1>

Объем российского рынка интернет-коммерции составляет 2 трлн рублей // ТАСС. 2018.21.11. URL: https://tass.ru/ekonomika/5816762?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop

Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.

Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2018 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm

Социологи назвали самую престижную профессию в России // РИА Новости. 2018.24.10. URL: <https://news.mail.ru/society/35151265/>

Стало известно, кто в России больше всего доволен своей профессией // РИА Новости. 2018.9.11. URL: <https://news.mail.ru/economics/35323912/?frommail=1>

Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 250–275.

Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010.

Эксперты назвали самые высокооплачиваемые профессии 2018 года // ТАСС. 2018.20.12. URL: <https://news.mail.ru/economics/35761358/?frommail=1>

REFERENCES

Barrientos S. "Labour chains": analyzing the role of labour contractors in global production networks // *Journal of Development Studies*. 2013. Vol. 49. N 8. P. 1058–1071.

Bek U. Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modernity]. M., 2000 (in Russian).

Ekspertyi nazvali samyie vyisokoplachivaemyie professii 2018 goda [Experts named the highest paid professions of 2018] // TASS. 2018.20.12. URL: <https://news.mail.ru/economics/35761358/?frommail=1> (in Russian).

Gimpelson V., Kapelyushnikov R. Nestandartnaya zanyatost i rossiyskiy ryinok truda [Precarious work and the Russian labor market]. Preprint WP3/2005/05. M., 2005 (in Russian).

Goldman M. What went wrong with Perestroika. N.Y.; L., 1992.

Gorts A. Nematerialnoe. Znanie, stoimost i kapital [Intangible. Knowledge, value and capital]. M., 2010 (in Russian).

Hammer M. Beyond reengineering. How the process-centered organization is changing our work and our lives. N.Y., 1996.

Inozemtsev V.L. Raskolotaya tsivilizatsiya: sistemnyie krizisyi industrialnoy epohii [The shattered civilization: systemic crises of the industrial age] // *Voprosyi filosofii* [Philosophy issues]. 1999. N 5. S. 3–18 (in Russian).

Inozemtsev V.L. Sovremennoe postindustrialnoe obschestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy [Modern post-industrial society: nature, contractions, prospects]: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M., 2000 (in Russian).

Kalleberg A.L. Organizing flexibility: The flexible firm in a new century // *British Journal of Industrial Relations*. 2001. N 4 (39). P. 479–504.

Nerabotayuschih rossiyan predlozhili shtrafovat za neuplatu vzosov [Non-working Russians were offered to fine for non-payment of contributions] // *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2018.20.11. URL: <https://news.mail.ru/society/35429524/?frommail=1> (in Russian).

Ob'em rossiyskogo ryinka internet-kommertsii sostavlyaet 2 trln rubley [The volume of the Russian Internet commerce market is 2 trillion rubles] // TASS. 2018.21.11. URL: https://tass.ru/ekonomika/5816762?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (in Russian).

Polyakova N.L. Ot trudovogo obschestva k informatsionnomu: zapadnaya sotsiologiya ob izmenenii sotsialnoy roli truda [From the labor society to the information society: Western sociology on changing social role of labor]. M., 1990 (in Russian).

Rabochaya sila, zanyatost i bezrabotitsa v Rossii — 2018 g. [Labor force, employment and unemployment in Russia — 2018] // *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm (in Russian).

Sotsiologi nazvali samuyu prestizhnuyu professiyu v Rossii [Sociologists called the most prestigious profession in Russia] // *RIA Novosti*. 2018.24.10. URL: <https://news.mail.ru/society/35151265/> (in Russian).

Stalo izvestno, kto v Rossii bolshe vsego dovolen svoey professiey [It became known who is most satisfied with their profession in Russia] // *RIA Novosti*. 9.11.2018. URL: <https://news.mail.ru/economics/35323912/?frommail=1> (in Russian).

Toffler E. Budushee truda [The future of labor] // Novaya tehnokraticheskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West]. M., 1986. S. 250–275 (in Russian).

Toffler E. Tretya volna [The third wave]. M., 2010 (in Russian).

V Rossii poyavitsya novaya professiya [A new profession will appear in Russia] // Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper]. 2018.09.11. URL: <https://news.mail.ru/society/35320495/?frommail=1> (in Russian).

V teni regulirovaniya: neformalnost na rossiyskom rynke truda [In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market] / Pod obsch. red. V.E. Gimpelsona, R.I. Kapelyushnikova. M., 2014 (in Russian).

World development indicators: structure of output // The World Bank. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators>

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-178-192

ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА КАК ФАКТОР УСПЕХА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Соотношение профессиональных и личных качеств всегда было объектом внимания специалистов по социологии, психологии и кадрового менеджмента. Главный тезис статьи заключается в том, что в постиндустриальном обществе в целом возрастает значение личных качеств человека.

В статье рассматриваются многочисленные ситуации, в которых по-разному проявляет себя баланс профессиональных и личных качеств. Вне работы люди в своих взаимодействиях чаще всего ориентируются на то впечатление, которое производит человек благодаря своим личным качествам. "Апогеем" в выборе отдельных людей для общения сообразно их личным качествам служит выбор друзей. Мы дружим только исходя из того, что тот или иной человек нам нравится. Во многом такая же ситуация наблюдается по отношению к родственникам и соседям. Но существуют ситуации, которые заставляют нас в определенной мере отставлять на второй план способности человека или организации нравиться нам. Самый очевидный пример — это врачи. При этом сегодня и врачи должны ориентироваться на построение партнерских отношений с пациентами, в рамках которых личные качества начинают играть важную роль.

В профессиональной деятельности взаимодействия людей могут развиваться по организационным, рыночным или гибридным (организационно-рыночным) сценариям. В классической бюрократической организации личные качества всегда занимали подчиненное положение по отношению к профессиональным качествам. На рынке же личные качества продавцов всегда были значимы для привлечения клиентов. Это нашло свое отражение в идеологии маркетинга и клиентоориентированности. В современной экономике рыночные отношения проникают в организации и заставляют по-новому оценить значение личных качеств работника.

Символом возрастания роли личных качеств может служить профессия (деятельность) блогера или ведущего интернет-канала. В большинстве случаев они собирают миллионные аудитории не благодаря уникальным профессиональным способностям, а благодаря умению нравиться людям.

Ключевые слова: личные качества, профессиональные качества, бюрократическая организация, организационная сеть, блогер, постиндустриальное общество

* Барков Сергей Александрович, e-mail: barkserg@live.ru

PERSONAL QUALITIES AS A FACTOR OF SUCCESS IN POST-INDUSTRIAL SOCIAL AND ECONOMIC REALITIES

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

The correlation of professional and personal qualities has always been the object of attention of specialists in sociology, psychology and HR management. The main thesis of the article is that in the post-industrial society as a whole, the importance of personal qualities of a human being increases.

The article discusses numerous situations in which the balance of professional and personal qualities manifests itself in different ways. Outside of work, people in their interactions most often focus on the impression that a person makes due to his/her personal qualities. The apogee in the choice of individuals according their personal qualities is friends. We are friends only on the basis that we like one or another person. In many ways, the same situation is observed in relation to relatives and neighbors. But there are situations that make us to some extent put aside the ability of a person or organization to please us. The most obvious example is doctors. At the same time, today, doctors should focus on building partnership with patients, within which personal qualities begin to play an important role.

In the professional activities, human interactions can develop according to organizational, market or hybrid (organizational-market) scenarios. In a classic bureaucratic organization, personal qualities have always occupied a subordinate place in relation to professionalism. In the market, the personal qualities of sellers have always been significant in attracting customers. This situation was reflected in the ideology of marketing and customer focus. In a modern economy, market relations penetrate organizations and force to reevaluate the importance of an employee's personal qualities.

A profession (activity) of a blogger or a person leading Internet channel is a symbol of the increasing role of personal qualities. In most cases, they gather million audiences not because of their unique professional abilities, but because of their ability to please people.

Key words: personal qualities, professional qualities, bureaucratic organization, organizational network, blogger, post-industrial society.

Традиционно качества человека разделялись на профессиональные и личные. В современном HR-менеджменте по аналогии с компьютерной терминологией первые стали часто именоваться *hard skills*, а вторые — *soft skills*. Первым всегда и вполне обоснованно уделялось максимальное внимание, а вторые рассматривались как хотя и важное, но все-таки дополнение к первым. Среди многочисленных личных качеств часто незаметным оставалось качество, для которого даже трудно предложить однозначный термин — умение нравиться людям, привлекательность, притягательность, “магнетизм” и т.п. Апогеем его проявления служит харизма. Со времен М. Вебера¹ о

¹ Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5.

харизме написано очень много текстов², с целью выявления причин и условий ее появления у личности проведено множество экспериментов. Но природа харизмы до сих пор остается во многом загадочной, а обладание ею — удел немногих. У большинства людей такой выдающейся способности — вызывать к себе симпатию — нет. При этом значительное количество людей все же обладает определенной степенью умения нравиться другим людям. Некоторые его сознательно культивируют, некоторые просто не могут иначе, некоторые в какие-то моменты хотят даже затушевать это качество и предстать строгими, холодными и бесчувственными, а потому (якобы или на самом деле) решительными и способными на всякого рода подвиги.

Современные трансформации общественной реальности внесли заметные коррективы в оценку той роли, которую играет умение нравиться людям в определении социального статуса человека, его личной и профессиональной успешности. С некоторой долей условности можно утверждать, что в постиндустриальном обществе по своей важности *soft skills* сравнялись с *hard skills*, а в некоторых случаях даже превзошли их.

Начнем с некоторых общих и во многом очевидных рассуждений. Вполне логично, что личные качества всегда играли более значимую роль в личной жизни человека. Вне работы мы в значительно большей степени в своих взаимодействиях ориентируемся на то впечатление, которое производит на нас человек. Если в своей профессиональной деятельности мы часто вынуждены взаимодействовать с неприятными людьми для достижения личных или организационных целей, то в своей личной и, если так можно выразиться, “окололичной” жизни, мы оказываемся более свободными в своем выборе. Друзей мы всегда выбрали и выбираем по личным качествам. Из широкого круга родственников мы также выбираем людей для общения по той причине, что они нам нравятся. С остальными же мы, что называется, просто “поддерживаем отношения” (или, что теперь встречается чаще, “не поддерживаем отношения” вообще, а только знаем об их существовании). То же самое можно сказать и о соседях. Вообще человек за свою жизнь встречается с тысячами людей, а завязывает

² Бернар К. Как развить в себе харизму. М., 2018; Гандапас Р.И. Харизма лидера. М., 2007; Джинн Р. Харизма. М., 2018; Дмитриева Н.В., Буравцова Н.В., Платонов М.Ю. Технологии развития харизмы. СПб., 2015; Кабейн О.Ф. Харизма. Как влиять, убеждать и вдохновлять. М., 2017; Кинг П. Харизма. Как выстроить раппорт, нравиться людям и производить незабываемое впечатление. М., 2018; Лэй Э. Харизма. Искусство производить сильное впечатление. М., 2013; Стотхарт К. Как ладить со всеми. Уверенность и харизма в общении с любым типом личности. М., 2020.

прочные контакты с единицами. Почему? Потому что именно эти единицы ему нравятся.

Однако и вне работы встречаются ситуации, когда личные качества отходят на второй план. Самый очевидный пример — это врачи. Безусловно, умение врача общаться с пациентом, вызывать доверие и даже симпатию является весьма важной и полезной составляющей врачебной деятельности. Но все же профессиональные качества врача всегда будут на первом месте. И, к сожалению, многие врачи пользуются такой ситуацией, специально создавая себе имидж всезнающего “изверга”. Отношения “врач–пациент” поэтому стали неким символом иерархичности, к которому прибегают даже в описании разнообразных взаимодействий людей, в частности, в управленческом консалтинге³. Как будет показано ниже, именно иерархичность социальных отношений однозначно определяет второстепенную роль личных качеств. В иерархии необходимо выполнять приказы (как предписания врача) вне зависимости от личных качеств того, от кого они исходят. Сегодня изменения затронули и врачебную деятельность. Развитие платной медицины, возможность выбирать среди многих лечебных учреждений и отдельных врачей, появление реальных возможностей обжаловать действия медицинских работников, а также рост образованности населения заставляют серьезно пересматривать традиционные каноны построения отношений врача и пациента. Из сугубо иерархичных они превращаются в партнерские, в рамках которых личные качества врача, его умение общаться с пациентом, объяснить ему логику лечения, заинтересовать его в продолжении контактов становится принципиально важным⁴.

Другим случаем, который находится подчас на границе между профессиональной деятельностью и жизнью вне работы, может стать работа тренера или наставника. Спорт, балет, вокал или живопись требуют от человека приложения множества усилий. Приходится преодолевать себя, работать “на износ”, переживать неудачи, а самое главное — постоянно и много трудиться, даже когда тебе этого не хочется. Поэтому в этой сфере жизни людей, большинство из которых никогда не станут профессиональными спортсменами, певцами, музыкантами или танцорами, так часто встречаются жесткие, неприятные в общении “руководители”. Об их жесткости и даже “бесчеловечности” пишут романы и снима-

³ Schein E. Process consultation: its role in organization development. Addison-Wesley, 1969.

⁴ Семина Т.В. Социология труда врача в эпоху глобализации. М., 2015.

ют фильмы⁵. Они стараются работать “на результат”, и для этого создают имидж человека, которого следует бояться. Иерархия в данном случае задается искусственно самой природой отношений “учитель–ученик” и дополняется имплицитно заданной верой в уникальные способности учителя. Наставник настолько профессиональнее ученика, ему известны такие “таинства мастерства”, что ученик по определению не может ему возражать, он должен во всем подчиняться даже человеку, личные качества которого ему не нравятся. Но в современном обществе с развитием увлечения здоровым образом жизни и доминантой рыночных отношений в этой сфере все больше появляется людей, которые делают “свой бизнес” благодаря умению нравиться “подопечным”. И в данном случае это качество в длительной перспективе вполне возможно может стать основой жизненного и материального успеха, вполне сравнимого с воспитанием чемпионов.

Если же обратиться к организациям, с которыми человек контактирует вне работы, то баланс профессионализма и умения нравиться лучше всего может быть продемонстрирован на примере любой транспортной компании или инфраструктурной системы. Для человека важнее всего быстро и безопасно добраться до места назначения. И как бы не завлекал тебя своей улыбкой и умением общаться таксист, если быстрее, удобнее и дешевле добраться до места на поезде, ты сядешь на поезд. То же самое можно сказать о множестве организаций, создающих инфраструктуру современной жизни (связь, ЖКХ, местная бюрократия и др.). Очень приятно, когда к надежному и недорогому достижению цели здесь прибавляется умение создать радость клиенту (лучшим примером здесь могут служить многофункциональные центры обслуживания населения — МФЦ). Но даже если со вторым пунктом программы возникают проблемы, мы, не задумываясь, выберем организацию с имиджем “необщительного профессионала” в сравнении с дружественной организацией, которая может в самый ответственный момент подвести.

При этом выбирая любую организацию для проведения досуга, — клуб, ресторан, отель, — мы всегда обращаем первостепенное внимание на качество обслуживания, которое во многом определяется умением персонала нравиться посетителям. С развитием сферы услуг в постиндустриальном обществе роль *soft skills* в организациях

⁵ Очень ярко взаимоотношения в балетной школе описаны в романе “Женщины Лазаря” (Степнова М.Л. Женщины Лазаря. М., 2012). Снискавшие заслуженную популярность фильмы последних лет о спорте (“Движение вверх”, “Легенда № 17” и др.) показывают непростые отношения тренеров, обладающих жестким характером и не всегда нравящихся людям, со спортсменами.

подобного рода многократно возросла и стала самым непосредственным образом влиять на их конкурентоспособность.

Однако самые существенные изменения в отношении умения нравиться людям произошли не в личной, а в профессиональной жизни современного человека. В традиционной иерархической организации данное качество человека никоим образом не влияло на структуру осуществления бизнес-процессов. Конечно, было замечательно, когда начальник или подчиненный оказывался “душевым” человеком, с которым было приятно общаться. Но в основе организационной деятельности лежала четкая субординация и система приказов. И с точки зрения организационной эффективности, было не столь важно, отдал приказ “душевный” или “недушевный” человек.

Еще больше эту ситуацию укрепили такие важные для индустриального общества процессы, как автоматизация и стандартизация (унификация). Для конвейерного работника или человека, взаимодействующего с роботом, умение нравиться людям реально становилось второстепенным качеством, несравнимым с его профессиональными способностями. Система стандартных заданий, в которых невозможно ничего изменить даже без применения техники, также отодвигала обозначенное личное качество на второй план. Организация по замыслу своих создателей должна была работать как машина, а, как известно, машина ни слезам, ни улыбкам не верит.

Единственная ситуация в иерархической организации, в которой умение нравиться людям могло стать значимым основанием выбора работника и соответственно структурирования внутрифирменных взаимодействий, — это относительно свободный выбор, осуществляемый на горизонтальном уровне. Если работнику по какому-то сложному и возможно проблемному вопросу нужно было обратиться в бухгалтерию, он выбирал бухгалтера, с которым ему нравилось общаться. В большинстве случаев сама возможность такого выбора исключалась стандартизацией и структурированностью бизнес-процессов. По этому вопросу нужно было обратиться только к этому, а никак не к другому бухгалтеру. Но все же определенные возможности выбора неизбежно сохранялись даже в самых жестких бюрократических и военных организациях, и тогда способность вызвать симпатию становилась не просто приятным “десертом к основному блюду”, но и определяла распределение заданий, а с ними и влияния, и денег, т.е. становилась в каком-то смысле самым “главным блюдом”.

Наиболее непохожим на классическую иерархическую организацию по природе взаимодействия людей был и остается рынок. С

“легкой руки” Р. Коуза⁶ современное общество часто рассматривают в организационно-рыночной парадигме, соотнося различные типы взаимодействий людей и разные сферы общественной жизни с правилами, характерными для институтов организации и рынка⁷. В отличие от организации на рынке господствует контракт, а не приказ. Контракт заключается на основе свободы выбора. Начальников и подчиненных на рынке нет. Именно поэтому здесь изначально умение вызвать к себе симпатию было системообразующим фактором. Опять же понятно, что оно соподчинялось с профессиональными способностями: если “милый” продавец сумел продать тебе совершенно непригодную вещь, ты в следующий раз будешь больше внимания обращать на профессиональные данные торговцев и качество их товара или услуги, а не на их умение общаться.

Но все же неиерархическая структура рынка делала симпатию и антипатию, а также все возникающие от общения эмоции принципиально важным фактором для осуществления хозяйственного взаимодействия. Впоследствии именно из этого обстоятельства развился маркетинг⁸ с его главным лозунгом “Не нужно продавать то, что производишь, нужно производить то, что продается!”. Уже в ХХI в. менеджерами и консультантами по управлению стала культивироваться специфическая организационная ценность — клиентоориентированность⁹. Исходя из нее, организации поздравляют своих клиентов с днями рождения и праздниками, вообще всячески пытаются вызвать к себе положительные эмоции, в чем часто “перегибают палку”. При этом субъектами рыночных отношений могут быть как отдельные люди, так и фирмы, компании, организации. Все они — правда, каждый по-своему — ценят умение нравиться людям и понимают важность этого качества для успеха своей деятельности.

Постиндустриальная стадия социально-экономического развития характеризуется активной гибридизацией организаций и рынков. В современных условиях организация и рынок как формы экономической социальности активно проникают друг в друга с целью соединения жизненной силы и способности к саморазвитию, характерных для рынка с его приматом горизонтальных связей, с

⁶ Коуз Р.Г. Природа фирмы // Природа фирмы: К 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза “Природа фирмы” / Под ред. О.И. Уильямсона, С.Дж. Уинтера. М., 2001. С. 33–52.

⁷ Барков С.А. Организация и рынок: противоборство или согласие? М., 2008.

⁸ Короткова Т.Л. Социальная роль маркетинга как философии бизнеса // Практический маркетинг. 2006. № 8. С. 2–6.

⁹ Ксенофонтова Е.Г. Почему клиентоориентированность не гарантирует лояльности клиентов // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2016. № 3. С. 109–112.

понятностью, предсказуемостью и защищенностью организаций, основанием для которых служит иерархическое строение¹⁰. При этом существуют традиционные виды гибридов организации и рынка, имевшие место и в индустриальном обществе — различные группы компаний, начиная с холдингов и заканчивая нестройными организационными сетями, основанными на доверии партнеров. Эти традиционные гибриды не только не утратили, но и серьезно усилили свою роль в современных реалиях. Однако постиндустриальная стадия развития общества создала возможности для осуществления более полной, более конкретной и более сущностной гибридизации. Данный процесс в первую очередь затронул организацию, так как в целом постиндустриальная эпоха связана с усилением института рынка и сокращением влияния правил поведения, закрепленных в классической организации.

Рынок подспудно проникает в организации, изменяя все их базовые характеристики — численность персонала, структуру, особенности взаимодействия людей, степень закрытости от внешней среды. Организации стали меньше по размеру, “более плоскими” по структуре, децентрализованнее по системе управления. Горизонтальные связи и взаимодействия, игравшие в иерархической организации подчиненную роль, практически сравнялись с вертикальными по своей значимости. Соответственно, в современных малоуровневых и матричных структурах способность привлекать к себе людей, нравиться им, вызывать симпатию и доверие превращается из второстепенного в одно из главных качеств работника. От этого качества в немалой степени зависит членство во всяческих временных комиссиях, комитетах, занятых решением наиболее сложных и неординарных вопросов. От этого зависит круг общения человека, что в немалой степени начинает определять его статус в неиерархической системе отношений.

Наиболее ярко изменение соотношения профессиональных и личных качеств проявляется в таком гибриде организации и рынка, как организационная сеть. Система взаимодействий фрилансеров друг с другом подразумевает не только учет профессиональных качеств и специализации человека, но и его умения понравиться людям, создать позитивный имидж, устойчивые личные связи. Юрист или программист, работающий по индивидуальным контрактам, обретает востребованность и соответственно высокий статус в сети не только благодаря выдающимся профессиональным данным, но и посредством умения общаться, налаживать контакты, заводить

¹⁰ Барков С.А. Теория организации (институциональный подход). М., 2009.

друзей. Парадоксальность деятельности фриласера, свободного агента или “сетевого” человека заключается в том, что значительную часть своего времени он должен тратить на то, чтобы понравиться людям и получить заказ. Здесь от него требуются качества “рубахи-парня”, вдумчивого слушателя и просто симпатичного человека. Он должен в первую очередь понравиться и запомниться. А, получив заказ, особенно на работу по временному проекту, он часто попадает в ситуацию, в которой личные качества нужны чуть ли не меньше, чем для работы на конвейере. Жесткие сроки выполнения проекта, как правило, заставляют работать и день, и ночь. Для общения с коллегами по проекту, да и с другими людьми попросту не остается времени. Кроме того, сама сущность временного проекта — будь то написание компьютерной программы, организация рекламной кампании или подготовка концерта — подразумевает невнимание к личным качествам, участвующих в нем людей. Даже с неприятным человеком можно проработать месяц-два для того, чтобы осуществить проект, заработать деньги, а потом никогда в жизни с ним больше не контактировать.

Апофеозом симбиоза профессиональных умений и способности нравиться широкому кругу людей можно считать “профессию” или деятельность блогера или ведущего интернет-канала. Сегодня такой род занятий очень привлекает молодежь и занимает верхние сточки в рейтингах наиболее желанных профессий. При этом тематика блогов и YouTube-каналов может быть самой разнообразной — от требующей специальных профессиональных знаний и навыков до самой простой. Темой общения в сети могут стать игрушки и черные дыры, приготовление блюд и геополитика, разведение собак и эзотерика. Эта “всеядность” интернета позволяет тысячам, если не миллионам людей попробовать себя в качестве ведущих. Но только у десятков получается собрать миллионы просмотров. И популярность определяется не только, а чаще всего не столько актуальным, неожиданным или “глубоким” контентом, сколько образом блогера¹¹. При этом очень небольшое число этих людей можно назвать харизматиками, они просто умеют интересно и оригинально общаться. Они не отталкивают, а притягивают к себе людей.

Мир блогера — это гибридный организационно-рыночный мир. В отличие от директора основатель или ведущий блога или канала не может отдавать приказы. Его “подчиненные” — это аудитория, которая в любой момент может переключиться на другой источник

¹¹ Безусловно, данное высказывание относится к людям. Однако в ряде случаев каналы в YouTube и Instagram “ведут” животные. Тогда умение нравиться людям оказывается их важнейшим качеством.

информации. А если это так, здесь, как и на рынке, умение нравиться людям становится одним из важнейших факторов успеха.

Так новый мир вывел на первый план особую личностную компетенцию, которой очень трудно, если вообще возможно, научиться. В философском плане возросшее значение данного умения можно рассматривать как обоснование выгоды “сеяния добрых чувств”. Умение нравиться людям стало непосредственно приносить прибыль, влияние и высокий социальный статус. Наверное, такая ситуация могла бы быть частью учения о коммунистическом обществе, но никто из классиков этого учения, творивших в индустриальную эпоху, просто не мог представить себе такого поворота событий. И утопическим мечтателям, и деятельным революционерам прошлого лучшее будущее общество всегда представлялось таким, чтобы в нем главную роль играли “хорошие люди”. На практике же долгие годы оправдывала себя поговорка “Хороший человек — это не профессия!” Каким-то неожиданным и, как всегда, не предсказуемым образом (как это бывает с большинством прогнозов общественного развития) ситуация изменилась, и “хороший человек” стал не просто профессией, а даже очень выгодной профессией.

Все сказанное выше в наглядной форме представлено в таблице.

Возрастание внимания к личным качествам людей в современном социально-экономическом пространстве может иметь одно странное последствие. Человечество в своей истории иногда неожиданно вырабатывало противоядия против болезней и напастей, которые с очевидностью должны были причинить ему серьезные неприятности и даже поставить под угрозу его существование. Сегодня можно услышать множественные прогнозы относительно того, что роботы, компьютеры, искусственный интеллект и другая техника вскоре заменят людей на большинстве работ. Авторы таких прогнозов с ужасом говорят о том, что человечеству предстоит столкнуться с многомиллионной безработицей, поскольку большинство людей не будет иметь возможности приложить свои усилия на созидательном поприще. И для таких авторов эта угроза кажется неизбежной и практически самоочевидной.

Единственным противоядием против грядущей всеобщей безработицы видится самое существенное расширение круга людей, занятых некими высшими проявлениями творческой активности, недоступной для техники. Работу будут иметь только “творцы”. И если человек им не стал, его ждет жалкая участь существования на пособие. В связи с этим постиндустриальное общество стало представляться социальной системой, в которой творческая активность

Значимость умения нравиться людям у людей и организаций

Принципиальное значение умения нравиться людям		Профессиональная деятельность		Жизнь вне работы	
		Организации	Люди	Организации	Люди
				Клуб по интересам или иное место проведения досуга, также сайты, сообщества, блоги в интернете	Друзья
		Рынок	Партнер по рыночным отношениям		
		Сеть	Блогер		Родственники
			Партнер в сети		
Приоритет профессионализма перед умением нравиться людям		Малоуровневая организация с плоской структурой	Работник в малоуровневой структуре		Соседи
		Традиционная иерархическая организация	Коллега	Организация, реализующая потребительские товары	Продавец
				Инфраструктурная компания (транспорт, ЖКХ, связь, энергетика, местная администрация и т.п.)	Тренер/наставник Врач
		Иерархическая организация, использующая автоматизацию и/или стандартизацию (унификацию)	Начальник		

сразу же охватит миллионы людей¹². Получается, что практически все “развитые” люди “развитого” постиндустриального мира должны быть охвачены творческим порывом. Но можно ли представить себе мир, состоящий из одних творцов?

¹² См., например: Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.

Реальная общественная практика однозначно опровергает подобные представления. Во-первых, даже на уровне обыденного сознания понятно, что отнюдь не все люди способны к творчеству — умеют и хотят творить. Есть большая когорта, что называется, чистых исполнителей, а также людей, по тем или иным причинам не способных ни к какому труду вообще. Обыденное сознание неслучайно воспринимает способность к творчеству как некий дар, очень неравномерно распределенный между людьми. Во-вторых, для реализации своих идей творцу необходимы исполнители, часто тысячи людей. Фигурально выражаясь, они выступают в качестве рук, ног, глаз, а иногда и мозгов творца. Но ни одна из этих ролей не подразумевает создания чего бы то ни было нового. Люди просто должны проводить в жизнь идею, созданную не ими. В-третьих, само поддержание жизни человечества требует усилий множества людей, которые должны изо дня в день выполнять свои обязанности, никоим образом не отклоняясь от шаблона.

Поэтому не следует рассчитывать на то, что в одночасье люди смогут переквалифицироваться в творцов. Однако исходя из предпосылки о возрастании роли личных качеств в современной экономике, даже совсем нетворческий человек может рассчитывать на определенную работу. Техника по большому счету лишена *soft skills*. Даже если роботов научат улыбаться, шутить и вызывать доверие, эти их качества все равно будут восприниматься как нечто искусственное. Ситуация будет схожа с той, о которой уже упоминалось выше и которая возникла в связи с распространением ценности клиенто-ориентированности в организациях. Человеку всегда нужна будет именно естественная доброта, естественная улыбка, естественная радость, естественный юмор... И это обстоятельство создает прочную основу для сохранения множества профессий и должностей, даже притом, что людей, работающих на них, в принципе сможет заменить техника. Вполне возможно, что в недалеком будущем мы столкнемся с ситуацией специфического искусственного (или естественного?!) отбора — ряд профессий действительно исчезнут, но некоторые из них, требующие специфических личных качеств, в том числе и умения нравиться людям, останутся. Именно возрастающая роль этих качеств сможет сохранить множество рабочих мест и в определенной мере сгладить пагубное воздействие современной техники на рынок труда.

Подводя итоги, следует еще раз обратить внимание на то, что в современной жизни умение нравиться людям из второстепенного качества, на которое порой даже не обращали внимания при отборе работников, становится одним из тех, которое определяет успех не

только в личной жизни, но и в профессиональной деятельности. При этом профессиональные качества (*hard skills*) даже в жизни людей вне работы никогда не утратят своей значимости, просто баланс между этими двумя группами характеристик за последние годы существенно изменился. Умение нравиться другим людям — это во многом врожденное или бессознательно приобретенное качество. Понятно, что осознание выгод от умения привлекать к себе людей заставит многих начать, что называется “работать над собой”, и из разрозненных приемов, практикуемых сегодня по большей части психологами, данное направление развития человека может стать областью приложения усилий множества людей. Так или иначе, как само умение нравиться людям, так и творческие подходы по его формированию, очевидно, будут все более востребованы в постиндустриальном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барков С.А. Организация и рынок: противоборство или согласие? М., 2008.
- Барков С.А. Теория организации (институциональный подход). М., 2009.
- Бгаишев М.В. К вопросу о технологии оценки личных качеств и стиля руководителя // Бюллетень науки и практики. 2018. № 5. С. 495–502.
- Бернар К. Как развить в себе харизму. М., 2018.
- Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5.
- Гандапас Р.И. Харизма лидера. М., 2007.
- Годованюк К.С. Роль личных и профессиональных качеств лидера в деятельности команды // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 195–197.
- Джинн Р. Харизма. М., 2018.
- Дмитриева Н.В., Буравцова Н.В., Платонов М.Ю. Технологии развития харизмы. СПб., 2015.
- Кабейн О.Ф. Харизма. Как влиять, убеждать и вдохновлять. М., 2017.
- Калинина Ю.В. Влияние личных качеств менеджеров на структуру капитала российских компаний // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 9. С. 231–240.
- Кинг П. Харизма. Как выстроить раппорт, нравиться людям и производить незабываемое впечатление. М., 2018.
- Короткова Т.Л. Социальная роль маркетинга как философии бизнеса // Практический маркетинг. 2006. № 8. С. 2–6.
- Коуз Р.Г. Природа фирмы // Природа фирмы: к 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза “Природа фирмы” / Под ред. О.И. Уильямсона, С.Дж. Уинтера. М., 2001. С. 33–52.
- Ксенофонтова Е.Г. Почему клиентоориентированность не гарантирует лояльности клиентов // Евразийский союз ученых (ЕСУ), ежемесячный журнал. 2016. № 3. С. 109–112.
- Лэй Э. Харизма. Искусство производить сильное впечатление. М., 2013.

Маркеева А.В. Формирование системы массового переобучения и переквалификации в условиях перехода Российской Федерации к цифровой экономике // Восточная Европа: контексты социально-экономического развития / Под ред. Н.Л. Мысливца, О.Н. Гаврилик, Т.А. Богуш. Гродно, 2019. С. 90–96.

Осеев А.А. Средства социологической диагностики в системе управления персоналом: диагностика причин трудовых конфликтов и профессионально важных личностных качеств руководителя. М., 2018.

Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.

Семина Т.В. Социология труда врача в эпоху глобализации. М., 2015.

Степнова М.Л. Женщины Лазаря. М., 2012.

Стотхарт К. Как ладить со всеми. Уверенность и харизма в общении с любым типом личности. М., 2020.

Чекалдин А.М. Об оценке деловых и личных качеств работников управления // Дневник науки. 2018. № 11.

REFERENCES

Barkov S.A. Organizatsiya i rynok: protivoborstvo ili soglasie? [Organization and market: antagonism or agreement]. M., 2008 (in Russian).

Barkov S.A. Teoriya organizatsii (institutsional'nyi podkhod) [Organization theory (institutional approach)]. M., 2009 (in Russian).

Bernar K. Kak razvit' v sebe kharizmu [How to develop charisma]. M., 2018 (in Russian).

Bgashev M.V. K voprosu o tekhnologii otsenki lichnykh kachestv i stilya rukovoditelya [To the question of the technology of the assessment of the personal qualities and the style of the leader] // Byulleten' nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]. 2018. N 5. P. 495–502 (in Russian).

Chekaldin A.M. Ob otsenke delovykh i lichnykh kachestv rabotnikov upravleniya [On the evaluation of the business and personal qualities of the management employees] // Dnevnik nauki [Science Journal]. 2018. N 11. P. 29 (in Russian).

Dmitrieva N.V., Buravtsova N.V., Platonov M.Yu. Tekhnologii razvitiya kharizmy. [Charismatic technologies]. SPb., 2015 (in Russian).

Dzhinn R. Kharizma [Charisma]. M., 2018 (in Russian).

Gandapas R.I. Kharizma lidera [Charisma of the leader]. M., 2007 (in Russian).

Godovanyuk K.S. Rol' lichnykh i professional'nykh kachestv lidera v deyatel'nosti komandy [Role of personal and professional qualities of the leader in the team activity] // V sbornike: Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii sbornik statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [In the collection: Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations — collection of articles of the VIII International scientific-practical conference]. M., 2017 (in Russian).

Kabein O.F. Kharizma. Kak vliyat', ubezhdat' i vdokhnovlyat' [Charisma. How to influence, persuade and inspire]. M., 2017 (in Russian).

Kalinina Yu.V. Vliyanie lichnykh kachestv menedzherov na strukturu kapitala rossiiskikh kompanii [Influence of personal qualities of managers on the capital structure of Russian company] // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy

i rezul'taty [Fundamental and applied research: problems and results]. 2013. N 9. P. 231–240 (in Russian).

King P. Kharizma. Kak vystroit' rapport, nraiv'sya lyudyam i proizvodit' nezabyvaemoe vpechatlenie [Charisma. How to build a rapport, like people and make an unforgettable impression]. M., 2018 (in Russian).

Korotkova T.L. Sotsial'naya rol' marketinga kak filosofii biznesa [Social role of marketing as a business philosophy] // Prakticheskii marketing [Practical marketing]. 2006. N 8. P. 2–6 (in Russian).

Kouz R.G. Priroda firmy: K 50-letiyu vykhoda v svet raboty R. Kouza "Priroda firmy" [The Nature of the Firm: On the 50th Anniversary of R. Coase's "The Nature of the Firm"] / Pod red. O.I. Uil'yamsona, S.Dzh. Uintera [Ed. by O.I. Williamson, S.J. Winter]. M., 2001. P. 33–52 (in Russian).

Ksenofontova E.G. Pochemu klientoorientirovannost' ne garantiruet loyality klientov [Why client orientation does not guarantee client loyalty] // Evraziiskii soyuz uchenykh (ESU), ezheemesyachnyi zhurnal [Eurasian Union of Scientists (ESU), monthly magazine]. 2016. N 3. P. 109–112 (in Russian).

Lei E. Kharizma. Iskustvo proizvodit' sil'noe vpechatlenie [Charisma. The art of making a strong impression]. M., 2013 (in Russian).

Markeeva A.V. Formirovanie sistemy massovogo pereobucheniya i perekvalifikatsii v usloviyakh perekhoda Rossiiskoi Federatsii k tsifrovoi ekonomike [Formation of a system of mass retraining and re-training in the conditions of transition of the Russian Federation to the digital economy (in Russian)] // Vostochnaya Evropa: konteksty sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Eastern Europe: contexts of socioeconomic development] / Pod red. N.L. Myslivetsa, O.N. Gavrilik, T.A. Bogush [Ed. by N.L. Myslivetsa, O.N. Gavrilik, T.A. Bogush]. Grodno, 2019. P. 90–96 (in Russian).

Oseev A.A. Sredstva sotsiologicheskoi diagnostiki v sisteme upravleniya personalom: diagnostika prichin trudovykh konfliktov i professional'no vazhnykh lichnostnykh kachestv rukovoditeley [Sociological diagnostics means in the system of personnel management: diagnostics of causes of labor conflicts and professionally important personal qualities of a manager]. M., 2018 (in Russian).

Pink D. Natsiya svobodnykh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menyayut zhizn' Ameriki [Nation of Free Agents: how new independent workers change the life of America]. M., 2005 (in Russian).

Schein E. Process consultation: its role in organization development. Addison-Wesley, 1969.

Semina T.V. Sociologiya truda vracha v e'poxu globalizatsii. M., 2015 (in Russian).

Stepnova M.L. Zhenshchiny Lazarya [Women of Lazarus]. M., 2012 (in Russian).

Stotkhart K. Kak ladi't' so vsemi. Uverennost' i kharizma v obshchenii s lyubym tipom lichnosti [How to get along with everyone. Confidence and charisma in communication with any type of personality]. M., 2020 (in Russian).

Veber M. Kharizmaticheskoe gospodstvo [Charismatic dominance] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 1988. N 5 (in Russian).

СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-193-202

СТАНОВЛЕНИЕ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ “ОБЩЕСТВА СРЕДНЕЙ ЗАЖИТОЧНОСТИ” (СЯОКАН)

Лян Цзянь, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассмотрено широко распространенное в Китае представление о сяокан, модели идеального общества. Сяокан можно перевести на русский как “общество малого достатка”, “общество средней зажиточности”. Понятие “сяокан” впервые было использовано в известном сборнике песен “Ши Цзин” или “Книге песен”. Отбор произведений в данный сборник, который содержит 305 песен и стихотворений, созданных в XI–VI вв. до н.э., и его редакция приписываются Конфуцию.

После того как в конце 1970-х гг. Китай начал проводить политику реформ и открытости внешнему миру, Дэн Сяопин использовал понятие “сяокан”, уже давно вошедшее в лексикон рядовых китайцев, для характеристики китайской модели модернизации. Сяокан стал целью, достижение которой Китай должен был обеспечить к концу XX в.

Актуальность данной работы заключается в том, что феномен “сяокан” не исследовался с точки зрения социального аспекта, и тем более с точки зрения основ государственной стратегии развития общества. Целью статьи является исследование предпосылок развития “общества средней зажиточности”, сяокан.

Ключевые слова: Китай, Коммунистическая партия Китая, XVI съезд КПК, сяокан, “общество средней зажиточности”, китайская экономика, внутреннее потребление, развитие и распространение китайского языка.

FORMATION AND BACKGROUND OF DEVELOPMENT “SOCIETY OF MEDIUM WELLNESS” (XIAOQANG)

Liang Jian, Postgraduate Student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: LiangJian@gmail.com

The article examines the widespread in China concept of xiaoqang, a model of an ideal society. Xiaoqang can be translated into Russian as “a society of low income”, “a society of average prosperity”. The term “xiaoqang” was first used in the famous songbook

* **Лян Цзянь**, e-mail: LiangJian@gmail.com

“Shi Jing” or “Book of Songs”. Selection of works for this collection, which contains 305 songs and poems, created in the XI–VI centuries. BC, and its editing is attributed to Confucius.

After in the late 1970s. China began to pursue a policy of reforms and openness to the outside world, Deng Xiaoping used the concept of “xiaolang”, which has long been included in the lexicon of ordinary Chinese, to characterize the Chinese model of modernization. Xiaolang became the goal that China was supposed to achieve by the end of the 20th century.

The relevance of this work lies in the fact that the phenomenon of “xiaokang” has not been studied from the point of view of the social aspect, and even more so from the point of view of the foundations of the state strategy for the development of society. The purpose of the article is to study the prerequisites for the development of the “average prosperity society”, xiaolang.

Key words: *China, the Chinese Communist Party, the 16th CPC Congress, xiaolang, “society of average prosperity”, the Chinese economy, domestic consumption, the development and spread of the Chinese language.*

По мнению древнекитайских мыслителей, “сяокан” — это модель идеального общества. “Сяокан”, на русском языке “общество малого достатка”, как и следовало ожидать, стал темой горячего обсуждения на экономическом форуме, прошедшем осенью 2019 г. в Китае. Всестороннее построение общества “сяокан”, как отмечается в докладе Цзян Цзэминя на открытии XVI съезда КПК 8 ноября 2002 г., — задача Китая на первое двадцатилетие нынешнего века.

Понятие “сяокан” впервые было использовано в известном сборнике песен “Шицзин” или “Книге песен”. Отбор произведений в данный сборник, который содержит 305 песен и стихотворений, созданных в XI–VI вв. до н.э., и его редакция приписываются Конфуцию. Древнекитайские мыслители использовали понятие “сяокан” для того, чтобы выявить представление жителей страны об “уютном, упорядоченном обществе”, основанном на дружных семьях, как полагают эксперты. По их мнению, сяокан — модель идеального общества, уступающего лишь обществу разряда да тун, в котором уже не будет классового расслоения и все будут равны и свободны.

После того как в конце 1970-х гг. Китай начал проводить политику реформ и открытости внешнему миру, генеральный архитектор реформ Дэн Сяопин использовал понятие “сяокан”, уже давно вошедшее в лексикон рядовых китайцев, для характеристики китайской модели модернизации. Сяокан стал целью, достижение которой Китай должен был обеспечить к концу XX в.

Актуальность данной работы заключается в том, что феномен “сяокан” не исследовался с точки зрения социального аспекта, и тем более с точки зрения основ государственной стратегии развития общества.

Целью статьи является исследование предпосылок развития “общества средней зажиточности”, сяокан.

Научно-методическим базисом социологического изучения китайского общества стали работы таких ученых, как А. Тарасов, А.В. Кива, Г.В. Осипов, Н.М. Великая, В.П. Гуселетов, Т. Гурова, М. Рогожников, Ден Сяопин, Цзян Цзэминь, Си Цзиньтао и др.

Придя к власти, Си Цзиньпин предложил Китаю новаторскую программу планирования, рассчитанную не как прежде на пять лет, а на целые десятилетия. Были обозначены основные вехи развития страны: к 2021 г., столетию основания Компартии, в Китае должно быть создано общество средней зажиточности (“сяокан”, как называл его Конфуций), к 2049-му г., столетию КНР, страна должна вступить в “эпоху процветания”, став мировой супердержавой.

Об итогах первого пятилетия на пути к “Китайской мечте” (так назван рассчитанный на долгосрочную перспективу план) пойдет речь на будущем съезде КПК.

По данным государственного статистического управления КНР, за период первой пятилетки среднегодовой рост ВВП составлял 7,2%, что почти втрое выше среднемировой отметки (2,6%). Сохранялся стабильный уровень занятости и товарных цен. Вклад Китая в мировую экономику достиг 30% и страна стала мировым лидером по этому показателю.

Важной движущей силой экономического роста является внутреннее потребление, что объяснимо: за этот период среднегодовой рост доходов китайцев увеличился на 7,4%. Система социальных гарантий охватила практически всех жителей страны.

Понятно, что новой экономической стратегии, направленной на интеграцию Китая в глобальную экономику, соответствует и новый внешнеполитический курс, заключающийся в дальнейшем развитии партнерских стратегических отношений с США как единственной сверхдержавой, и в повышении глобальной и региональной роли Китая при помощи механизмов многосторонней “открытой дипломатии”. В то же время, Китай неизменно придерживается трех принципов: не вступать в военно-политические блоки, не осуществлять политику конфронтации, не нацеливаться против третьих стран.

Главную цель установления нового международного порядка Китай видит в оптимизации своего места в полицентрическом мире, надежном обеспечении безопасности страны, минимизации внешнего вмешательства и получении неформального лидерства в АТР. Следовательно, реалистичным вариантом американо-китайских отношений в постбиполярный период, фактически, стало сосуществование США и КНР, основанное на соперничестве. Недаром часть

китайских политологов склоняется к мысли о том, что в двусторонних связях необходимо акцентировать именно соперничество, поскольку в американской стратегии Китай считается “ни врагом, ни другом, но потенциальным соперником”¹.

Серьезным фактором соперничества двух государств, на наш взгляд, являются и различия в подходах к важнейшим вопросам, например, к пониманию сути человеческой личности, ее прав и свобод, да и вообще соотношения личности и общества, личности и государства. Вместе с тем, Китай сформулировал достаточно гибкий (альтернативный советскому) вариант коммунистической идеи еще на этапе “новodemократической революции” 1949–1958 гг. Потом он удачно “оживил” ее, интегрировав с конфуцианской морально-этической системой и сначала с рудиментарными, а затем уже и с современными капиталистическими механизмами, сумев представить экономическую систему КНР в мире как альтернативную американской.

Еще на XVI съезде КПК 8–14 ноября 2002 г. отмечалось, что целью экономического развития КНР в первом двадцатилетии XXI в. является построение общества сяокан, или “общества среднего достатка”. Древнекитайские мыслители считали сяокан такой моделью идеального общества, которое уступает лишь обществу разряда да тун, в котором уже не будет классового расслоения и все будут социально равны и свободны².

Логическим развитием идеи общества сяокан стало решение октябрьского пленума ЦК КПК 2006 г. о “политике построения гармоничного социалистического общества”.

В США вызывает немалое беспокойство и то, что многие лидеры азиатских государств, которые динамично развиваются, и даже те из них, которые категорически не воспринимают идеологических постулатов Пекина, солидаризируются с ним в отстаивании общих для населения региона цивилизационных ценностей, собственно азиатского пути развития и “абсолютно не приветствуют американских уроков по поводу того, каким образом им следует обустроить свою жизнь”³.

Свидетельством острых противоречий между США и КНР в осознании человеческих ценностей стал Тяньаньменский кризис 1989 г., когда в ночь на 4 июня в историческом центре Пекина была жестко

¹ Волохова А. Изменения во внешнеполитических концепциях КНР (взгляды китайских политологов) // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 79.

² Joint US-China Statement 29 October, 1997. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zmgx/zywj/t36259.htm>

³ Madam Secretary. A memoir: Madeleine K. Albright and Bill Woodward. Washington, 2005. P. 603.

подавлена бессрочная студенческая демонстрация, что глубоко врезалось в политическое сознание американского общества. Республиканская администрация Дж. Буша-старшего резко отреагировала на эти события, заморозив военные связи, наложив эмбарго на экспорт в Китай вооружений и технологий прямого военного назначения, прекратив встречи на высшем уровне и сократив культурные и гуманитарные обмены. Однако реалии современного мира заставили новую администрацию Демократической партии США пересмотреть всю систему отношений с КНР. Уже через год после выборов в 1992 г. Президент Б. Клинтон предложил политику “вовлечения” Китая, противопоставив ее курсу республиканцев на “сдерживание”. Вполне логично, что всестороннее сотрудничество с Китаем обосновывалось, ростом его влияния в АТР и мире. Следовательно, вовлечение Китая в международные организации, торгово-экономическое и финансовое сотрудничество без каких-либо ограничений или оговорок уже не связывалось с недемократичным, с точки зрения Вашингтона, государственным строем Китая. Ярким подтверждением такой политики стало решение Белого дома отказаться от увязки предоставления режима наибольшего благоприятствования в торговле с проблемой соблюдения прав человека.

Экономическое чудо, которое последние десятилетия демонстрирует Китай, является результатом упорного труда, успешного решения многих сложных и острых хозяйственных и социальных проблем⁴.

Глобализационные процессы и активное включение в них Китая стали катализаторами рыночных реформ и открытости страны внешнему миру. За период с 1978 по 2017 г. повышение эффективности экономики привело к увеличению ВВП Китая более, чем в десять раз. Это второй после США показатель. Долларовая стоимость объема сельскохозяйственного и промышленного производства уже превышает показатели США. Однако доход на душу населения в Китае остается еще низким. По данным исследовательской группы “Morgan Stanley”, к 2020 г. ВВП Китая должен увеличиться до 10 трлн долл. Это означает, что китайская экономика по своему размеру будет такой же, как экономика США сегодня.

Попытки утвердить Китай в роли ведущей державы мира влекут за собой стремление повысить конкурентоспособность страны

⁴ Клипка К.К. Политика распространения китайского языка в России // Сборник научных трудов SWorld: Материалы Международной научно-практической конференции “Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании”. Юридические и политические науки. 2011. Вып. 4. Т. 28. С. 44–47.

в мировом масштабе и являются важным фактором внутренних преобразований. Главной задачей страны является реализация формулы “всестороннее строительство общества сяокан”, выдвинутой КПК в 2002 г. Она пришла на смену формуле Дэн Сяопина “строительство общества сяокан” (среднезажиточного общества) и предусматривала увеличение ВВП на душу населения до 800–1000 долл. Это означало обеспечение “тепла и сытости” для большинства населения страны⁵.

“Всестороннее строительство общества сяокан” предусматривает не только повышение жизненного уровня населения до показателей стран с высокими доходами, но и увеличение образовательного уровня, превращение Китая в глобальную державу, способную, по утверждениям китайских исследователей, активно и конструктивно вести за собой мировое сообщество. Амбициозные планы Китая — в течение века создать 1,5 миллиардное общество, которое по масштабам экономики, уровню благосостояния, научно-технического прогресса, влияния на глобальный мир не будет уступать странам “золотого миллиарда”. Однако в отличие от стран “золотого миллиарда”, которые обеспечили высокий уровень жизни большинству населения за три века, пройдя через войны и кризисы, Китай хочет воспользоваться опытом развитых стран, не допуская дестабилизации своего курса. Приоритетными направлениями являются тесная связь государства с бизнесом, рынком, формирование “человека экономического”, развитие предпринимательских, организационных задатков личности за счет мобильности талантливых людей из низших слоев общества. Необходимость постоянно совершенствовать инвестиционную среду для привлечения иностранного капитала, с одной стороны, и обеспечивать благоприятные условия для продвижения собственных товаров и капиталов — с другой, стимулирует вхождение страны в мировую экономику.

Долгосрочную стратегию закрепления на передовых позициях цивилизационного развития Китай реализует в русле современных общемировых тенденций, двигаясь к обществу знаний, инноваций и научно-технического прогресса. В ближайшие двадцать лет экономика Китая, как отмечалось выше, имеет все шансы стать второй в мире после США.

Превращение Китая в одну из самых мощных экономик мира способствует существенному изменению картины мировых экономических и политических отношений, а также языковой картины

⁵ *Сергеева А.* Китайский язык, как инструмент мягкой силы. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388#top

мира. Китайский язык (Мандарин) — язык, на котором разговаривает наибольшее количество людей в мире — около 130 млрд человек. В XX в. эта речь завоевала устойчивые позиции в мире информационно-коммуникационных технологий. В 2009 г. количество интернет-пользователей в Китае достигло 360 млн человек⁶.

Отметим, что начиная с 2000 г. в мире постоянно увеличивается количество людей, которые стремятся изучать китайский язык. Согласно информации Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань), в 2010 г. желающих изучать китайский насчитывалось 100 млн человек, а в 2013 г. — почти 150 млн. Как видим, обозначенные нами выше тенденции экономического развития Китая, которые способствовали усилению экономической мощи страны, укреплению ее позиций и влияния в глобализирующемся мире, стали залогом популярности китайского языка. Изучение китайского языка для многих превращается в средство успешного карьерного роста, дает возможность найти престижную работу, открывает доступ к огромному рынку и т.п.

Мы не можем оставить без внимания Международный Институт китайского языка и культуры в составе Дунбейского финансово-экономического университета (г. Далянь), которому принадлежит особая роль в подготовке иностранных студентов. Основываясь на интернет-публикациях, заметим, что это специальное заведение для обучения иностранных студентов китайскому языку. С этой целью создаются кратко- и долгосрочные курсы, реализуется специальный бизнес-курс на китайском языке, разработаны различные бакалаврские, магистерские, докторские программы и т.п. Студенты-иностранцы за выдающиеся успехи имеют возможность получать денежные премии.

В 1988 г. институт подготовил несколько тысяч иностранных студентов более, чем из 20 государств мира, в том числе Южной Кореи, России, Канады, Великобритании, Индонезии, Северной Кореи, Японии, Пакистана, Монголии, Таиланда, США, Германии, Австралии, Вьетнама, Замбии, Филиппин и др. Заслуживает внимания и деятельность Фонда Цзян Цзинго (названного по имени экс-президента Тайваня), который финансирует проекты и предоставляет гранты иностранным китаеведами.

Следующее направление, по которому осуществляется языковая экспансия — “политика выхода за границу”. Она предусматривает развитие системы институтов Конфуция и культурных и научно-ис-

⁶ Клипка К.К. Указ. соч.

следовательских центров. Глобальной сетью институтов Конфуция охвачено множество стран мира. В 113 странах функционируют более 350 институтов и классов Конфуция, которые являются некоммерческими общественными организациями. Их цель — преподавание китайского языка и распространение китайской культуры, а также организация научных конференций, популяризация языка и культуры с помощью разнообразных мероприятий, конкурсов, посвященных Китаю, проведение квалификационных тестов на знание китайского языка (HSK), подготовка и публикация учебной литературы по китайскому языку, студенческие и преподавательские стажировки в Китае, консультации по обучению в КНР⁷.

С 2007 г. по всему миру начали открываться китайские культурные центры (ККЦ). Опираясь на исследования О. Сергеевой и на публикации в интернете, приведем статистические данные относительно ККЦ. В конце 2014 г. таких центров насчитывалось девять, в частности в Египте, Франции, Германии, Японии, Южной Корее, Монголии и других странах. В 2015 г. были открыты ККЦ в таких столицах, как Москва, Бангкок, Мадрид. В Лондоне, например, функционирует четыре Института Конфуция, а по всей Великобритании насчитывается более двадцати культурных центров. В России действуют более двадцати институтов и классов Конфуция — в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Казани, Новосибирске, Екатеринбурге и других городах. В 2017 г. открылись ККЦ в Сингапуре, Пакистане, Сербии, Мексике, Канаде, Шри-Ланке. Планируется открытие таких центров в Турции, Румынии, Венгрии, Италии, Индии. За период с 2007 по 2017 г. в ККЦ обучалось свыше 26 тыс. человек, было проведено более 2500 мероприятий.

Еще одно направление распространения китайского языка — использование возможностей диаспоры и ассоциаций зарубежных китайцев. В этом случае речь идет о странах, где этнические китайцы занимают лидирующие позиции в экономике благодаря концентрации в своих руках огромных финансовых потоков. Заметим, что почти 80% всех иностранных инвесторов в экономику КНР составляют этнические китайцы (хуацяо), проживающие за рубежом⁸.

Прежде всего, это касается стран Юго-Восточной Азии, где открываются детские сады и школы с изучением китайского языка, высшие учебные заведения, средства массовой информации. Поскольку бизнес этих стран ориентирован на Китай, на долгосрочное

⁷ Экономика Китая. Основные черты и перспективы развития. URL: <http://www.creditkoop.info/articles/article-06.html>

⁸ National Bureau of statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn>

торгово-экономическое сотрудничество с КНР, то для многих специалистов крупных компаний изучение китайского языка становится необходимым и даже обязательным при приеме на работу. Среди китайской диаспоры, по утверждению А.И. Завьяловой⁹, большой популярностью пользуются бесплатные краткосрочные программы с изучением китайского языка “Припасть к родным корням”. Они дают возможность представителям зарубежной диаспоры посылать своих детей и внуков на историческую родину (в КНР и на Тайвань) для изучения языка, истории, культуры¹⁰.

Все это во многом — результат структурной перестройки китайской экономической модели. Приоритетом стали инновационные производства, массовое освоение альтернативных источников энергии, внедрение технологий будущего во все сферы хозяйствования. Из мировой “фабрики товаров” Китай превращается в мировую “инновационную лабораторию”.

Дальнейшее развитие модели “социализма с китайской спецификой”, не имеющей аналогов, — предмет исследования как экономистов, так и социологов.

Итак, можно сделать вывод о том, что в настоящее время китайскому народу в целом обеспечена “жизнь средней зажиточности”, сяокан. Вместе с тем, как заявил Цзян Цзэминь в своем докладе, Китаю следует развернуть всестороннее строительство среднезажиточного общества более высокого уровня: к 2020 г. в четыре раза увеличить ВВП в сравнении с уровнем 2000 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волохова А. Изменения во внешнеполитических концепциях КНР (взгляды китайских политологов) // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 74–82.

Завьялова О.И. Языковая ситуация и языковая политика в КНР // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 492–499.

Клипка К.К. Политика распространения китайского языка в России // Сборник научных трудов SWorld: Материалы Международной научно-практической конференции “Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании”. Юридические и политические науки”. 2011. Вып. 4. Т. 28. С. 44–47.

Сергеева А. Китайский язык, как инструмент мягкой силы. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388#top

Экономика Китая. Основные черты и перспективы развития. URL: <http://www.creditkoop.info/articles/article-06.html>

⁹ Завьялова О.И. Языковая ситуация и языковая политика в КНР // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 492–499.

¹⁰ Там же.

REFERENCES

Ekonomika Kitaya. Osnovnye cherty i perspektivy razvitiya [China's economy. Main features and development prospects]. URL: <http://www.creditkoop.info/articles/article-06.html> (in Russian).

Joint US-China Statement 29 October, 1997. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zmgx/zywj/t36259.htm>

Klipka K.K. Politika rasprostraneniya kitajskogo yazyka v Rossii [The policy of spreading the Chinese language in Russia] // Sbornik nauchnyh trudov SWorld: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno- prakticheskoy konferencii "Sovremennye problemy i puti ih resheniya v nauke, transporte, proizvodstve i obrazovanii". YUridicheskie i politicheskie nauki". 2011 . Vyp. 4. T. 28. S. 44–47 (in Russian).

Madam Secretary. A memoir: Madeleine K. Albright and Bill Woodward. Washington, 2005.

National Bureau of statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn>

Sergeeva A. Kitajskij yazyk, kak instrument myagkoj sily [Chinese language as an instrument of soft power]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388#top (in Russian).

Volohova A. Izmeneniya vo vneshnepoliticheskikh koncepciyah KNR (vzglyady kitajskih politologov) [Changes in the foreign policy concepts of the PRC (views of Chinese political scientists)] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2016. N 3. S. 74–82 (in Russian).

Zav'yalova O.I. Yazykovaya situaciya i yazykovaya politika v KNR [Language situation and language policy in the PRC] // Kitaj: poisk garmonii. K 75-letiyu akademika M.L. Titarenko. M., 2009. S. 492–499 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-203-213

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ “ОБЩЕСТВА СРЕДНЕЙ ЗАЖИТОЧНОСТИ” (СЯОКАН) В КИТАЕ

Лян Цзянь, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье продолжено рассмотрение широко распространенного в Китае представления о сяокан, модели идеального общества. Сяокан можно перевести на русский как “общество малого достатка”, “общество средней зажиточности”. В конце 1970-х гг. Китай начал проводить политику реформ и открытости внешнему миру, после чего Дэн Сяопин использовал понятие “сяокан” в качестве характеристики китайской модели модернизации. Сяокан стал целью, достижение которой Китай должен был обеспечить к концу XX в.

В течение многих лет партийное руководство, политики и исследователи Китая обсуждали класс в марксистско-ленинских терминах: “рабочие”, “крестьяне” и “интеллигенция”. Коммунистическая партия Китая (КПК) не признавала никакой социальной, экономической или политической роли среднего класса, а конечной целью социального развития было создание “бесклассового общества”. Однако в эпоху реформ взгляды на классы начали эволюционировать, и на XVI съезде Коммунистической партии Китая в 2002 г. Цзян Цзэминь провозгласил цель “контролировать рост верхнего слоя общества, расширять средний слой и сокращать нижний”. После этого КПК начала развивать поддерживаемый государством дискурс о “гармоничном среднем классе”. Новая цель состояла в том, чтобы создать общество среднего класса, в котором основная масса населения была бы “экономически удовлетворенной”, “общество средней зажиточности”, сяокан, и это общество было бы гармоничным.

Ключевые слова: Китай, Коммунистическая партия Китая, XVI съезд КПК, сяокан, “общество средней зажиточности”, понятие “средний класс”, китайский средний класс, внутреннее потребление, экономические и социальные реформы в Китае, сбалансированное развитие.

* Лян Цзянь, e-mail: LiangJian@gmail.com

SOCIO-ECONOMIC FACTORS INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF “SOCIETY OF MEDIUM WELLNESS” (XIAOQANG) IN CHINA

Liang Jian, Postgraduate Student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: LiangJian@gmail.com

The article continues the consideration of the widespread in China notion of xiaoqang, the model of an ideal society. Xiaoqang can be translated into Russian as “a society of low income”, “a society of average prosperity”. In the late 1970s. China began to pursue a policy of reform and openness to the outside world, after which Deng Xiaoping used the concept of “xiaoqang” as a characteristic of the Chinese model of modernization. Xiaoqang became the goal that China was supposed to achieve by the end of the 20th century.

For years, party leaders, politicians, and Chinese scholars have discussed class in Marxist-Leninist terms: “workers”, “peasants”, and “intellectuals”. The Chinese Communist Party (CCP) did not recognize any social, economic or political role for the middle class, and the ultimate goal of social development was to create a “classless society”. However, during the reform era, views of classes began to evolve, and at the 16th Congress of the Chinese Communist Party in 2002, Jiang Zemin proclaimed the goal of “controlling the growth of the upper strata of society, expanding the middle strata and shrinking the bottom”. Thereafter, the CCP began to develop a state-sponsored discourse about the “harmonious middle class”. The new goal was to create a middle-class society in which the bulk of the population would be “economically satisfied,” a “middle-class society”, xiaoqang, and this society would be harmonious.

Key words: China, the Chinese Communist Party, the 16th CPC Congress, xiaoqang, “middle class society”, the concept of “middle class”, the Chinese middle class, domestic consumption, economic and social reforms in China, balanced development.

В течение многих лет партийное руководство, политики и исследователи Китая обсуждали класс в марксистско-ленинских терминах: “рабочие”, “крестьяне” и “интеллигенция”. Коммунистическая партия Китая (КПК) не признавала никакой социальной, экономической или политической роли среднего класса, а конечной целью социального развития было создание “бесклассового общества”. Однако в эпоху реформ взгляды на классы начали эволюционировать, и на XVI съезде Коммунистической партии Китая в 2002 г. Цзян Цзэминь провозгласил цель “контролировать рост верхнего слоя общества, расширять средний слой и сокращать нижний”. После этого КПК начала развивать поддерживаемый государством дискурс о “гармоничном среднем классе”. Новая цель состояла в том, чтобы создать общество среднего класса, в котором основная масса населения была бы “экономически удовлетворенной”, “общество средней зажиточности”, сяокан, и это общество было бы гармоничным.

Понятие “средний класс” в китайских СМИ и научной литературе идентифицируется и разграничивается, в то время как феномен “общества средней зажиточности”, сяокан, представляется крайне неуловимым. Это во многом связано с отсутствием концептуальной ясности самого понятия “сяокан” и социально-экономических факторов, на него влияющих.

Целью статьи является исследование понятия “сяокан” в современном Китае, а также социально-экономических факторов, влияющих на его развитие.

Д. Гудмен пишет, что понятие “сяокан” является скорее стремлением, чем тщательно продуманной идеей, но что идентификация среднего класса как потенциального движущего фактора изменений очень четкая. “Людей поощряют следовать новым социальным нормам идентичности среднего класса, часто определяемым вокруг потребительских практик. Гражданин новой модели — это человек с высоким культурным капиталом, а также с экономической способностью потреблять”¹.

Рост китайского среднего класса может иметь значительные последствия как на международном, так и на внутреннем уровне. Растущий средний класс означает растущий рынок потребительских товаров и услуг, а также потенциальные последствия для геополитической ситуации. История западных стран иногда используется для демонстрации того, что рост среднего класса был связан с внедрением и углублением политической демократии. Например, новое исследование с использованием статистических данных, касающихся большого числа развитых и развивающихся стран, выявило доказательства в поддержку гипотезы о том, что рост численности среднего класса способствует институциональным реформам и распространению демократии².

Однако не ясно, повлияет ли рост китайского среднего класса на политическую систему Китая и каким образом. Например, М. Тан считает, что представители китайского среднего класса (относимые к нему по роду занятий и самоидентификации) уделяют политике больше внимания, чем те, у кого меньше средств. Помимо этого, представители среднего класса также участвуют в неформальной/личной деятельности в случае конфликтов с правительственной по-

¹ Goodman D. Class in contemporary China. Cambridge, 2014. P. 13.

² Loayza N., Rigolini J., Kkirebte G. Do middle class bring about institutional reform? // Economic Letters. 2012. Vol. 116. P. 440–444; Chun N., Hasan R., Rahman M.H., Ulubasoglu M. The role of middle class in democratic diffusion // International Review of Economics and Finance. 2016. Vol. 42. P. 536–548.

литикой или должностными лицами³. Другие исследователи, однако, пришли к выводу, что в Китае деятельность среднего класса “как совокупности” существенно не отличается от деятельности других классов, когда речь заходит о политической деятельности, требующей большой гражданской активности или конфронтации с политической системой. Если КПК сможет успешно контролировать тенденции в развитии интересов среднего класса, то его рост не обязательно вызовет фундаментальный вызов политической системе Китая. Однако даже если рост среднего класса в Китае оставит политическую систему нетронутой, большая доля его представителей в обществе может изменить политические приоритеты.

С начала 2000-х гг. многие социологи стали писать о среднем классе в Китае. Ли Чэн перечисляет одиннадцать авторитетных китайских исследователей, которые изучали средний класс⁴. Работа, опубликованная в 2002 г. Лу Сюэем, который в то время был директором Института социологии, считается эпохальным исследованием по двум причинам. Во-первых, Лу Сюй впервые классифицировал подавляющее большинство рабочего класса как принадлежащее к низшим или средним слоям. Такая категоризация была политически и идеологически новой. Во-вторых, Лу Сюй определил средний слой, состоящий из менеджеров, частных предпринимателей, технических клерков и частных владельцев малого бизнеса. Используя данные 1978, 1988 и 1991 гг., он оценил рост этой группы людей. Ли Чэн пишет, что в своей более поздней работе Лу Сюй отмечал, что доля среднего класса в китайском обществе увеличилась с 15% в 2001 г. до 23% в 2009 г.⁵

Социологи часто определяют средний класс по роду занятий и занятости и основывают классификацию на нескольких критериях. Исследователи предлагают множество различных определений среднего класса, что, конечно, создает различные представления о среднем классе и приводит к дискуссиям. Вопрос о среднем классе заключается в том, является ли средний класс просто статистической категорией или “классом в социологическом смысле”. Чтобы считаться классом в социологическом смысле, у среднего класса должны были бы выработаться согласованная идентичность, классовая культура, социально-политические установки и ценности, и,

³ *Tang M.* The political behavior of the Chinese middle class // *Journal of Chinese Political Science*. 2011. Vol. 16. P. 373–387.

⁴ *Li Cheng.* Chinese scholarships on the middle class: from social stratification to political potential // *China's Emerging Middle Class. Beyond Economic Transformation* / Ed. by L. Cheng. Washington, 2010.

⁵ *Li Cheng.* Op. cit.

возможно, средний класс мог бы предпринять некоторые классовые политические действия. Некоторые авторы подчеркивают неоднородность китайского среднего класса, говоря скорее о средних классах, чем об одном среднем классе⁶.

Экономисты, как правило, сосредотачиваются на связи среднего класса с потреблением. Считается, что рост среднего класса в Китае изменяет структуру потребления и повышает спрос на потребительские товары. Те, кто часто бывал и бывает в Китае, видят, как значительно увеличилось число разнообразных товаров, которые теперь могут купить все, у кого есть средства⁷.

Принадлежность к среднему классу также связана с жильем и домовладением. Во времена плановой экономики почти все городское население проживало в съемных квартирах. Арендная плата была очень низкой, впрочем, как и качество жилья. Сегодня все изменилось. Политика, начатая правительством в 1990-е гг., постепенно привела к приватизации городского жилья: арендаторами в городах Китая была предоставлена возможность купить свои квартиры по ценам, обычно более низким, чем на формирующемся рынке. Сегодня уровень домовладения в Китае очень высок⁸. Бум в строительной отрасли и развитие рынка жилой недвижимости привело к тому, что большое число китайских семей теперь живут в домах, которые по площади и качеству практически соответствуют жилью среднего класса в развитых странах. Некоторые представители верхнего сегмента живут в закрытых поселениях, четко отделенных от кварталов, в которых живут люди с более низкими доходами⁹.

В литературе, посвященной среднему классу в развитых странах, дается определение понятия “средний класс” на основе располагаемого дохода домохозяйств (обычно в сравнении с доходами других домохозяйств в той же стране). Исследования Дж. Горника и М. Джанти содержат большое разнообразие определений среднего класса. Например, к среднему классу можно отнести домохозяйства, имеющие доход в интервале от 75 до 125% от среднего дохода по стране¹⁰. Похожие исследования для Китая проводил Г. Андерсон

⁶ Ibid.

⁷ Chio J. A landscape of travel. The work of tourism in rural ethnic China. Seattle; L., 2014.

⁸ Sato H., Sicular T., Yue X. 2013. Housing ownership, incomes, and inequality in China, 2002–2007 // *Rising Inequality in China: Challenges to a Harmonious Society* / Ed. by S. Li, H. Sato, T. Sicular. N.Y., Ch. 3. P. 85–141.

⁹ Li Zhang. In search of paradise. Middle-class living in a Chinese metropolis. Ithaca; L., 2010.

¹⁰ Gornick J., Jantti M. Income inequality. Economic disparities and the middle class in affluent countries. Stanford, 2013.

с соавторами¹¹. В них использовались данные по шести городским провинциям и эконометрический подход для определения категорий бедных, низшего среднего класса, верхнего среднего класса и богатых. Одна из особенностей такого подхода заключается в том, что предложенное определение среднего класса носит локальный характер без привязки к каким-либо универсальным стандартам или критериям.

Нынешняя проблема Китая заключается не в недостаточном развитии, а в необходимости достижения справедливого, равноправного, оправданного, всестороннего и сбалансированного развития. Бывший лидер Китая Дэн Сяопин говорил, что сначала необходимо дать возможность некоторым народам и некоторым регионам стать процветающими, чтобы быстрее достичь общего процветания. Как, исходя из стратегии Дэн Сяопина, которая подразумевает, что некоторым людям должно быть “позволено разбогатеть раньше других”, “разбогатеть горсткой”, можно прийти к “обществу средней зажиточности”, сяокан, которым “наслаждаются все”?

Недавно китайское правительство объявило о 13-м пятилетнем плане экономического и социального развития (2016–2020 гг.), который предусматривал развитие производственных мощностей путем создания интеллектуального производства¹². В документе подчеркивается, что содействие совместному развитию необходимо для развития общества сяокан во всех отношениях. Предполагается, что развитие должно быть ориентировано на людей, т.е. развитие “предназначено” для людей, развитие зависит от людей, люди должны делиться результатами развития. Выдвигаются пять целей: инновационное развитие, гармоничное развитие, экологическое развитие, развитие открытости и совместное развитие.

Китайский подход к технологическому регулированию до сих пор глубоко укоренен в комбинировании даосизма, конфуцианства и легализма (жесткого контроля). Эти направления развития должны быть сбалансированы в соответствии со спецификой рассматриваемых технологий и с общими социальными последствиями. Китайский подход, базирующийся на традиционных представлениях, по-видимому, доминирует благодаря вмешательству правительства в управление, руководство, планирование и координацию; такой

¹¹ Anderson G., Farcomeni A., Pittau M.G., Zelli R. A new approach to measuring and studying the characteristics of class membership: examining poverty, inequality and polarization in urban China // *Journal of Econometrics*. 2016. Vol. 191. P. 348–359.

¹² The 13th Five-Year Economic and Social Development Plan of the People's Republic of China. URL: http://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_1445312?from=groupmessage&isappinstalled=0 (accessed: 01.11.2019).

вывод можно сделать, если сравнивать эти параметры с теми же параметрами западного либерального подхода к рынку и регулированию. Объем, темпы, частота, интенсивность и эффективность проводимой китайским правительством политики по стимулированию технологического развития и модернизации промышленности весьма значительны.

Наука, техника и инновации являются основными факторами построения процветающего общества, принятыми китайским национальным планом на 2006–2020 гг.¹³. Таким образом, правительство разработало “специальную промышленную политику”, направленную на развитие стратегических отраслей промышленности. Ключевые инновационные компании получили прямую поддержку в рамках национальной программы развития науки и техники на среднесрочную и долгосрочную перспективу на 2006–2020 гг. Существуют программы децентрализованной инновационной политики, которые дают региональному правительству больше автономии в стратегических инновациях, хотя есть данные о том, что это еще больше увеличивает региональный разрыв¹⁴.

Помимо своих философских основ Китай также уникален в своем принятии широкого спектра идей, которые сопровождают социальные и правовые преобразования. Хотя эти идеи выражены решительными, лаконичными, емкими и язвительными лозунгами, они, тем не менее, часто кажутся западным читателям расплывчатыми и непонятными. Поэтому крайне важно знать исторический и культурный контекст, стоящий за ними. Представим ниже отдельные ключевые лозунги, которые правительство использовало в контексте развития.

Начнем с рассмотрения лозунга о построении “гармоничного общества”. “Гармоничное общество” является ключевой целью экономического развития и подчеркивает “баланс” по следующим параметрам: ограниченные различия между городскими и сельскими районами, между развитыми и менее развитыми регионами, между богатыми и бедными, а также баланс между правительством и обществом и баланс во всех секторах экономики. Предполагается, что такой баланс позволит свести к минимуму социально-экономические диспропорции в развитии, которые можно проследить по книге Чжунъюна (“Учение о среднем”), в которой состояние “равновесия” называется ключом к состоянию “гармонии”: “Когда

¹³ The 13th Five-Year Economic and Social Development Plan of the People's Republic of China.

¹⁴ Ibid.

нет никаких волнений удовольствия, гнева, печали или радости, можно сказать, что ум находится в состоянии равновесия. Когда эти чувства пробуждены и действуют в должной степени, возникает то, что можно назвать состоянием гармонии. Это равновесие — великий корень, из которого произрастают все человеческие поступки в мире, и эта гармония — универсальный путь, по которому все они должны идти”¹⁵.

Исходя из этого, все должно быть “сделано в меру”. Крайний, радикальный подход редко считался уместным или “устойчивым” в истории Китая.

Как уже упоминалось выше, нынешнее китайское правительство в качестве цели развития приняло Концепцию “общества средней зажиточности”, сяокан, в недавнем плане развития. “Общество средней зажиточности” можно охарактеризовать как состоятельное, умеренно процветающее общество, в котором люди ведут довольно комфортную жизнь. Термин “сяокан” происходит из двух источников: “Ши Цзи” (“Книга истории”), которая подразумевает идеальный жизненный уровень обычных людей, и “Ли Цзи” (“Книга обрядов”) (551–479 до н.э.), в которой говорится о “вторичном идеальном обществе”, сравниваемом с утопией — татонг (*tatong*). Татонг — это высшая идеальная утопия, разделяемая обществом, в которой люди наслаждаются социальной цивилизацией, стабильным порядком и безопасностью, но без социальных классов и эксплуатации. Сяокан — общество уровнем ниже, чем общество татонг. В обществе сяокан частная собственность и социальные классы существуют, но соблюдается определенный социальный порядок.

Татонг же — это идеальный мир равенства, братства, гармонии, благополучия и справедливости: “Когда проводился Великий курс, общественный и общий дух управлял всеми Под небом; они выбрали людей талантов, добродетели и способностей; их слова были искренни, и то, что они культивировали, было гармонией. Таким образом, люди любили не только своих родителей и относились как родители не только к своим собственным сыновьям. Существовали надлежащее обеспечение престарелых до самой их смерти, занятость трудоспособных и средства для воспитания молодых. Они проявляли доброту и сострадание к вдовам, сиротам, бездетным мужчинам и тем, кто был искалечен болезнью, так что все они были достаточно обеспечены. У мужчин была своя работа, а у женщин — свои дома. Они хранили ценные вещи, не желая, чтобы их выбрасывали на

¹⁵ Zhongyong // The Internet Classics Archive. URL: <http://classics.mit.edu/Confucius/doctmean.html> (accessed: 28.10.2019).

землю, но и не желая хранить их для собственного удовольствия. Они усердно трудились, но прилагали усилия не только с целью собственной выгоды. Таким образом, (эгоистические) интриги были подавлены и не нашли развития”¹⁶.

Общество же сяокан изображается как “семья”: “Теперь, когда Великий курс пришел в упадок и безвестность, Королевство — это семейное наследство. Каждый любит (прежде всего) своих собственных родителей и лелеет (только) своих собственных сыновей. Люди накапливают предметы и прилагают свои силы для собственной выгоды. Великие люди воображают, что это правило, по которому их государства должны спускаться в их собственные семьи. Их цель — сделать крепкими стены своих городов и пригородов, а рвы — надежными. Правила приличия и того, что правильно, рассматриваются как нити, с помощью которых они стремятся поддерживать в своей правильности отношения между правителем и министром; в своем великодушном отношении — между отцом и сыном; в своей гармонии — между старшим братом и младшим; и в общности чувств — между мужем и женой; и в соответствии с ними они строят здания и меры; обустраивают поля и хутора (для жилищ земледельцев); выносят решения о превосходстве над людьми доблести и знания; и регулируют свои достижения с целью их собственной выгоды”¹⁷.

В обществе татонг люди будут видеть других как свою собственную семью без дифференциации, но в обществе сяокан они будут относиться к другим в соответствии с их близостью себе, в сяокан любовь к себе и семье превосходит любовь к обществу. Конфуцианские философы считали основным отличием сяокан от татонг снижение общественной морали. Идеальное общество татонг — это ностальгия по “первоначальному обществу” человечества в древние эпохи. Общество сяокан — промежуточный этап, “средство” восстановления бескорыстного мира утопии в долгосрочной перспективе. Другими словами, сяокан — это реалистичная, практичная и достижимая ступенька к конечной утопии татонга.

Теория общества сяокан разумно признает слабость человека в том, что он отделяет себя и свою семью от общества. Итак, повторим, сяокан — промежуточное звено на пути достижения конечного мира татонг, в котором “общественный и общий дух под небом умяют” индивидуальные преимущества и собственность.

Итак, подведем некоторые итоги сказанного. Китай стремится построить общество сяокан и ликвидировать крайнюю нищету к

¹⁶ Chinese Text Project. URL: <http://ctext.org/liji/li-yun> (accessed: 28.10.2019).

¹⁷ Chinese Text Project.

концу 13-й пятилетки (2016–2020 гг.). Реформы, изложенные в предложениях пятого пленума 18-го Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и решениях третьего пленума, обеспечивают прочную основу для достижения этих целей. 13-й пятилетний план включает конкретные реформы.

Выделим основные социально-экономические факторы, влияющие на современное развитие сяокан.

Во-первых, достижение умеренно быстрого роста в течение 13-й пятилетки. Хотя рост ВВП Китая немного замедлился в 2016–2020 гг., проекты Всемирного банка, которые продолжают осуществление реформ, поддерживают рост достаточно высоким для достижения целевого удвоения ВВП в период с 2010 по 2020 г.

Во-вторых, политические и институциональные реформы для повышения производительности и инноваций. С 1978 г. Китай повысил производительность за счет политических и институциональных реформ, которые децентрализовали решения и “открыли” экономику. Третий пленум призвал к усилению роли рынка в распределении ресурсов, а 13-й пятилетний план дает возможность построить институты, необходимые для этого. Ключевыми институциональными реформами, которые могут стимулировать производительность и инновации, являются те, которые повышают конкуренцию, улучшают управление государственными предприятиями, лучше защищают права интеллектуальной собственности и повышают мобильность рабочей силы.

В-третьих, налогово-бюджетная политика, направленная на поддержку спроса и реформ. Поскольку структурные реформы и институциональные инновации трансформируют предложение в экономике, спрос может нуждаться в дальнейшей государственной поддержке. Рост экспортного спроса в ближайшие годы будет оставаться небольшим, внутреннее же потребление будет постепенно нарастать.

Кроме того, переход Китая к более производительному и инновационному обществу, вероятно, заставит значительное число людей искать новые рабочие места. Поддержка их и их семей в переходный период может помочь ускорить реформы, а инвестирование в укрепление системы социальной защиты станет приоритетной задачей.

Наконец, нынешние низкие цены на энергоносители и низкая инфляция позволяют отчасти решить экологические проблемы, поскольку есть возможность повысить цены на экологически значимые товары, экологические налоги, например, на уголь и другие виды топлива. Это будет способствовать развитию как экологической, так и финансовой устойчивости Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Anderson G., Farcomeni A., Pittau M.G., Zelli R. A new approach to measuring and studying the characteristics of class membership: examining poverty, inequality and polarization in urban China // *Journal of Econometrics*. 2016. Vol. 191. P. 348–359. Chinese Text Project. URL: <http://ctext.org/liji/li-yun> (accessed: 28.10.2019).

Chio J. A landscape of travel. The work of tourism in rural ethnic China. Seattle; L., 2014.

Chun N., Hasan R., Rahman M.H., Ulubasoglu M. The role of middle class in democratic diffusion // *International Review of Economics and Finance*. 2016. Vol. 42. P. 536–548.

Goodman D. Class in contemporary China. Cambridge, 2014.

Gornick J., Jantti M. Income inequality. Economic disparities and the middle class in affluent countries. Stanford, 2013.

Li Cheng. Chinese scholarships on the middle class: from social stratification to political potential // *China's Emerging Middle Class. Beyond Economic Transformation* / Ed. by L. Cheng. Washington, 2010.

Li Zhang. In search of paradise. Middle-class living in a Chinese metropolis. Ithaca; L., 2010.

Loayza N., Rigolini J., Kkirebte G. Do middle class bring about institutional reform? // *Economic Letters*. 2012. Vol. 116. P. 440–444.

Sato H., Sicular T., Yue X. 2013. Housing ownership, incomes, and inequality in China, 2002–2007 // *Rising Inequality in China: Challenges to a Harmonious Society* / Ed. by S. Li, H. Sato, T. Sicular. N.Y., Ch. 3. P. 85–141.

Tang M. The political behavior of the Chinese middle class // *Journal of Chinese Political Science*. 2011. Vol. 16. P. 373–387.

The 13th Five-Year Economic and Social Development Plan of the People's Republic of China. URL: http://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_1445312?from=groupmessage&isappinstalled=0 (accessed: 01.11.2019).

Zhongyong // The Internet Classics Archive. URL: <http://dassics.mit.edu/Confucius/doctmean.html> (accessed: 28.10.2019).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-214-225

ПРОЦЕСС МИГРАЦИИ КРЕСТЬЯН В РАМКАХ СИСТЕМЫ ХУКОУ В КИТАЕ

Ван Лили, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Китай создал двойную систему хукоу в целях модернизации и управления миграцией из сельских районов в города. Система ограничила мобильность большинства китайцев и ограничила миграцию крестьян из села в город. В 1978 г. спрос на рабочую силу резко вырос, и правила, регулирующие миграцию, включая систему хукоу, были ослаблены, чтобы стимулировать переселение. Создание в 1991 г. полукапиталистической рыночной системы еще больше стимулировало приток рабочей силы и вынудило либерализовать некоторые аспекты политики регистрации, а к 2014 г. в ответ на продолжающийся экономический рост китайское правительство внедрило единую систему хукоу для обеспечения равенства между сельскими и городскими жителями. В этой статье будут рассмотрены реформы миграционной системы. Мы утверждаем, что система хукоу может играть важную роль в развитии Китая.

Ключевые слова: система хукоу, сельско-городская миграция, равенство, население и развитие.

PEASANT MIGRATION PROCESS WITHIN THE HUKOU SYSTEM IN CHINA

Van Lili, Postgraduate Student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vanlili@gmail.com

China has created a dual hukou system to modernize and manage rural-urban migration. The system limited the mobility of most Chinese people and limited the migration of rural peasants. In 1978, the demand for labor grew rapidly and the rules governing migration, including the hukou system, were loosened to encourage resettlement. The creation of a semi-capitalist market system in 1991 further stimulated labor inflows and forced liberalization of some aspects of registration policies, and by 2014, in response to continued growth, the Chinese government introduced a unified hukou system to ensure equality between rural and urban residents. ... In this brief overview, we look at reforms and argue that the hukou system can play an important role in China's development.

Key words: hukou system, rural-urban migration, equality, population and development.

* **Ван Лили**, e-mail: vanlili@gmail.com

Китайское правительство, стремясь управлять сельским и городским населением и наращивать свой потенциал для развития сельского хозяйства и промышленности, ввело систему хукоу в 1949 г. Последовал ряд правительственных реформ, в том числе в июле 2014 г., которые устранили двойственный сельский/городской характер хукоу, чтобы эффективнее решить проблему неравенства в проживании и предоставить более справедливый доступ к федеральным услугам всем китайцам. Реформы бросили вызов давним убеждениям относительно значения, роли и ценности сельских и городских районов Китая для строительства нации, а также неравенства, практики и различий, которые отделяют население, живущее в сельских районах, от населения, живущего в городах.

Анализ последних исследований и публикаций

Большая часть современных исследований системы хукоу идет по одному из трех путей. Во-первых, есть исследователи, которые изучают проблемы, возникшие в результате стремления скоординировать сельское и городское развитие, что может породить разрыв между городским и сельским населением¹. Для многих система хукоу была барьером на пути развития и модернизации. Она ограничивала рост равенства и препятствовала свободному потоку рабочей силы, концентрируя индустриализацию в восточных городах в процессе обострения социального разрыва между сельскими и городскими районами². Система хукоу была оценена как основное препятствие для сельских трудящихся-мигрантов, поскольку они селились в растущих городах и получали доступ к рабочим местам; это было главной причиной того, что те же самые трудящиеся-мигранты имели более низкую заработную плату³. Во-вторых, существует направление исследований, которое сосредоточено на ходе реформ и той роли, которую должно играть правительство, если система хукоу призвана улучшить экономическое благосостояние и создать

¹ Yang C. Rethinking about the reform of the Hoku system // Journal of China Agricultural University. 2010. Vol. 27. N 3. P. 161–167.

² Wang H. A macroscopic analysis of the formation and evolution of the Chinese present domicile system // Journal of Chinese Communist Party History Studies. 2003. Vol. 58. N 4. P. 22–29; Liang Q. Household registration reform, labor mobility and optimization of the urban hierarchy // Social Sciences in China. 2013. Vol. 216. N 12. P. 61–67.

³ Wu X., Zhuoni Z. Household registration, occupational segregation and income inequality in urban China // Social Sciences in China. 2014. Vol. 222. N 6. P. 118–140; Qiao M., Qian X., Yao X. Labor market segmentation, Hoku and 334 urban-rural difference in employment // Chinese Journal of Population Science. 2009. Vol. 133. N 4. P. 32–42.

возможности для сельских трудящихся-мигрантов⁴. В-третьих, часть исследований посвящена (и подвергалась критике) влиянию хукоу на сельские семьи, а также бремени, которое несут мигранты и которое связано с обязательным лицензированием и разрешением на проживание⁵, а также роли, которую лицензирование и разрешение на проживание играют в ограничении и концентрации экономического развития⁶.

Наша статья дополняет эти направления исследования и ставит вопрос: каков потенциал реформы в свете последней политики правительства относительно хукоу? Мы начнем с открытия Китая в 1978 г. и некоторых ранних реформ, проведенных в соответствии с системой хукоу региональными и государственными правительствами. Во второй части статьи мы сосредоточимся на региональных изменениях в системе хукоу, а также на различиях в правилах регистрации и проживания, которые последовали за введением рыночных реформ в 1992 г. В третьей части статьи мы рассмотрим несколько реформ системы хукоу последних лет, которые были сделаны в ответ на либерализацию рынка и изменения в экономическом планировании со стороны правительства. Мы утверждаем, что реформы системы хукоу последних лет начинают решать некоторые проблемы, которые были центральными для первоначального этапа системы хукоу и которые требуют решения по мере продвижения Китая в будущее, а также некоторые из неравенств, которые были укоренены в дуалистической природе сельского и городского типа проживания по системе хукоу.

Основные материалы исследования

Китайская экономика открылась для внешнего участия и инвестиций в 1978 г. Трудящиеся страны, особенно сельские работники, получили возможность перемещаться в зависимости от экономического роста и развития. Рост иностранных инвестиций и частичная приватизация, а также сдвиг в сторону развития частной предпринимательской инициативы привели к быстрой индустриализации экономики и внесли ряд изменений в систему хукоу.

⁴ Yan G. Household register's character history and China's household registration reform // *Tribune of Study Journal*. 2008. Vol. 24. N 5. 71–75; Qiao M., Qian X., Yao X. *Op. cit.*

⁵ Wang Q. From the compulsory license to conditions permit, the analysis of the change of the contemporary China urban household registration migration's licensing system // *Southeast Academic Research*. 2010. Vol. 216. N 2. P. 36–43.

⁶ Zhao W. Economic factors in modern China: an account of migration and institutional change // *Journal of Historiography*. 2005. Vol. 379. N 5. P. 96–100.

Исходя из того, что крестьяне стали переселяться в быстро растущие города, в октябре 1984 г. Государственный совет опубликовал доклад о поселении крестьян в городах. В этом докладе местным органам власти предписывалось поддерживать интеграцию сельских крестьян, разрешать им регистрироваться в городских центрах, а городам было позволено считать новых иммигрантов частью своего несельскохозяйственного населения⁷. Эти изменения были закреплены и продолжены в июле 1985 г. Министерством общественной безопасности во Временных положениях об управлении временным населением в городах.

Временные положения отменили правило, ограничивающее временное проживание в городах тремя месяцами без изменения статуса постоянного жителя или возвращения в свои общины⁸. В сентябре того же года Всекитайский народный конгресс опубликовал положение об удостоверении личности резидента. И хотя это правило требовало, чтобы любой гражданин старше 16 лет подавал заявление на удостоверение личности, оно ослабило правила системы хукоу с целью обеспечить доступ к работе, что изменяло региональную идентичность. В результате сельские жители мигрировали во все большем количестве в растущие города, где к тому времени проживало более 6,5 миллионов молодых людей⁹, более двух миллионов работающих пар получили возможность воссоединиться.

К 1989 г. по меньшей мере 30 миллионов китайцев переселились в города, и крупные города, включая Пекин, Шанхай и Гуандун, создали зоны “трудящихся-мигрантов” с названиями “деревня Чжэцзян” и “деревня Хэнань”: “В то время когда к 1990 году реформы охватили всю страну, появилось множество систематических злоупотреблений. Например, многие продавали сельским крестьянам фальшивые городские регистрационные карточки”¹⁰. И хотя государство пыталось пресечь эти злоупотребления, но по оценкам, к концу 1993 г. более трех миллионов крестьян купили городские документы, выдаваемые по системе хукоу, что принесло более 25 миллиардов юаней черному рынку¹¹.

⁷ Ho S.P.S. *Rural China in transition: non-agricultural development in rural Jiangsu, 1978–1990*. Oxford, 1994.

⁸ Yusuf S., Saich T. *China urbanizes: consequences, strategies, and policies*. Washington, 2008.

⁹ Yang Y. *China's population migration and long-term development strategy*. Wuhan, 1994.

¹⁰ Yin Z., Yu Q. *China's household registration reform*. China University of Political Science and Law press. 1996. P. 36.

¹¹ Yan G. *Op. cit.*

Контроль резидентства оставался проблемой для местных и национальных правительственных программ, поэтому Государственный совет в 1989 г. опубликовал Уведомление о чрезмерном росте “урбанизации”, чтобы управлять движением и уменьшить злоупотребление системой хукоу. К сожалению, эти реформы имели тенденцию изолировать сельских жителей и ограничивать им доступ к государственным программам. Другими словами, политика хукоу по-прежнему была барьером, который эффективно разделял сельских и городских жителей Китая.

Рыночные реформы продолжались по мере того, как урбанизация и индустриализация ускорили новый виток изменений в системе хукоу, начавшийся в 1992 г. Первое направление изменения политики хукоу заключалось в том, чтобы выбор места жительства и передвижение высококвалифицированных трудовых мигрантов из деревни в город. Люди, которые вложили один миллион юаней в специально отведенные места, купили коммерческую недвижимость, имели профессиональное звание или стабильную работу, могли подать заявку на регистрацию по месту жительства с “синим штампом” (“голубая печать”). Посредством “голубой печати” регистрации сельские жители могли стать городскими, подобная политика проводилась в городах Нанкин, Тяньцзинь, Гуанчжоу и Шэньчжэнь¹². Даже Пекин представил свою версию регистрации рабочих мигрантов под названием “сертификат рабочей ложи”. В 1999 г. Министерство кадров и Министерство общественной безопасности расширили программу. Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай и Дунгуань внедрили “точечную систему”, в соответствии с которой сельские мигранты-рабочие могли бы накапливать баллы ради регистрации в городах, эффективно осваивая новую систему хукоу.

Второе направление реформы системы хукоу предусматривало создание специальных зон и новых районов для содействия экономическому развитию и высокотехнологичной индустриализации в растущих городах. Министерство общественной безопасности в 1992 г. создало специальную систему регистрации для этих особых зон, установив две формы резидентуры для всех участников — сельскую или городскую хукоу для отдельных семей и направленную на специальные зоны работы. Это изменение добавило гибкости дуалистической системе хукоу и позволило крестьянам получить доступ к возможностям городов (включая рабочие места, образование и социальное обеспечение), не теряя своих традиционных связей с

¹² *Vendryes T.* Migration constraints and development: Hukou and capital accumulation in China // *China Economic Review*. 2011. Vol. 22. N 4. P. 669–692.

родными деревнями. Тем не менее, программа оказалась односторонней и была сосредоточена исключительно на перемещении “успешных” сельских жителей только в несколько растущих городов, остальные же таких преимуществ не получили¹³.

Третье крупное изменение в системе хукоу было основано на реформировании правил, ограничивающих проживание крестьян. В 1997 г. Министерство общественной безопасности и Государственный Совет издали Проект по реформированию системы прописки хукоу в малых городах. Реформы позволили крестьянам регистрироваться в качестве постоянных жителей и селиться в небольших городах, где они могли бы пользоваться равными правами с теми гражданами, которые и до этого имели городскую прописку. Эта политика вызвала бум в развитии пригородных районов и примерно за два года привела к миграции более миллиона сельских жителей в 382 города по всей стране¹⁴. Согласно инструкции, заявки на постоянное проживание в малых городах больше не были привязаны к конкретным целям, а расселение перестало быть связанным с федеральными программами; сельские мигранты с “синим штампом” стали равны городским жителям. Государственный Совет официально оформил большую часть этих реформ в 2012 г. Реформы управления системой хукоу происходили под пристальным наблюдением Государственного Совета. Существовало убеждение, что правительство должно направлять развитие несельскохозяйственных отраслей, а также перемещение сельского населения в малые и средние города и формирование равенства между сельскими и городскими районами.

Спрос на рабочую силу в расширяющейся рыночной экономике и роль Китая как “мировой фабрики” рабочей силы побудили правительство “выращивать рабочую силу”, которая могла бы идти в ногу с экономическим ростом. Именно с этой целью четвертое направление реформы системы хукоу ослабило правила проживания, помогло сельским жителям Китая обосноваться в растущих городах и повысило внутренний потребительский спрос¹⁵.

¹³ *Bach J.* They come in peasants and leave citizens urban villages and the making of Shenzhen, China // *Cultural Anthropology*. 2010. Vol. 25. N 3. P. 421–458.

¹⁴ *Wang H.* A macroscopic analysis of the formation and evolution of the Chinese present domicile system // *Journal of Chinese Communist Party History Studies*. 2003. Vol. 58. N 4. P. 22–29.

¹⁵ *Rietig V.* Migration with Chinese characteristics: Hukou reform and elite emigration, migration policy institute. 2014. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/top-10-2014-issue-10-migration-chinese-characteristics-hukou-reform-and-elite-emigration> (accessed: 12.10.2014).

Реформы системы хукоу предоставили сельскому и городскому Китаю новые возможности. Однако реформы потеряли свою силу после публикации в 2003 г. административных законов, ограничивающих временные изменения (включая льготы, связанные с городской жизнью). Административные поправки 2003 г. предписывали большинству сельских жителей, уже получивших свое место жительства в городах, вернуться в свои села. Другими словами, несмотря на многочисленные реформы сельская прописка все еще создавала серьезные препятствия сельским жителям, которые хотели бы переселиться в города. В Пекине, например, ограничения запретили мигрантам определенных профессий (всего 103 различных направления) получать жилье и услуги, положенные жителям городов¹⁶. Крестьяне часто были вынуждены выбирать ту работу, которая была “стигматизирована” и рассматривалась как культурно неприемлемая для городских жителей, часто это были формы занятости в теневой сфере экономики, а это превращало бывших сельских жителей в представителей низшего класса, который не имел представительства своего голоса.

Конечно, с 1992 по 2013 г. реформа системы хукоу все-таки шла, разрыв, разделяющий городские и сельские районы в Китае, был устранен, однако, изменения в этой области не были постоянными и непременно успешными. Реформы в значительной степени зависели от руководителей городов и их интерпретации системы хукоу, их ожиданий в отношении реформы и их планов на будущее¹⁷. Изменения также были обусловлены сложностями, которые лежат далеко за пределами компетенции местного или даже общенационального руководства и были связаны с давно сложившимися представлениями о различиях между сельским и городским населением. Изменения часто были сосредоточены на конкретных людях с их уникальными навыками или на особых зонах, связанных с конкретными промышленными процессами, в целом же интересы сельских жителей Китая игнорировались. Таким образом, несмотря на все изменения система Хукоу продолжала блокировать свободный поток людей и интеграцию сельских и городских районов Китая¹⁸.

Итак, двойственная система хукоу с ее уникальным набором сельских и городских правил ограничивала развитие китайского

¹⁶ Li Q. China's social structure during the transition. Heilong Jiang, 2002.

¹⁷ Liu Y., Stillwell J., Shen J., Daras K. Interprovincial migration, regional development and state policy in China, 1985–2010 // *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2014. Vol. 7. N 1. P. 47–70.

¹⁸ Fan C.C. Rural-urban migration and gender division of labor in transitional China // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. Vol. 27. N 1. P. 24–47.

общества и формирование социальной справедливости несмотря на экономическую интеграцию страны¹⁹. Учитывая сохраняющиеся проблемы и, опираясь на изменения, происходящие на местах в результате реформ 1990-х гг. и начала XXI в., Центральный Комитет Коммунистической партии Китая переосмыслил и реформировал систему регистрации хукоу. По мере углубления реформ правительство ослабляло контроль над сельскими жителями, которые переезжали в города. КПК также ослабила ограничения, запрещающие сельским жителям селиться в среднего размера городах, установила ряд логичных и легко исполняемых требований, обращенных к сельским жителям, желающим получить регистрацию в крупных городах, определила “оптимальное население” мегаполисов. В марте 2014 г. КПК под руководством премьер-министра Ли Кэцзяна предоставила городскую прописку сельским жителям, которые переехали в города, и осуществила дальнейшие реформы политики хукоу, которые не имели временных ограничений. Однако эти реформы не смогли устранить неравенство между сельскими и городскими районами, которое формировало и неравенство двух групп населения, сельского и городского. Правительство действительно пересмотрело систему проживания мигрантов и тех сельских жителей, которые в будущем также могут переселиться в города. Два важных результата этих реформ заключались, во-первых, в воссоединении детей с их родителями в городах и предоставлении этим детям права посещать школу, включая среднюю школу и колледж, и, во-вторых, в гарантировании профессиональной подготовки неквалифицированным и/или недостаточно квалифицированным сельским трудящимся-мигрантам.

В июле 2014 г. Госсовет дал поручения по дальнейшему продвижению реформы системы хукоу и высказался за адаптацию к внутренней миграции (политика, которая фактически положила бы конец отдельным сельской и городской системам хукоу). Новая программа резидентства направлена на решение проблемы неравенства сельского и городского населения и создание ориентированной на людей стандартизированной системы хукоу к 2020 г., которая будет поддерживать движение сельскохозяйственных рабочих и крестьян в города²⁰. Эта новая политика изменяет систему хукоу и превращает ее из системы, которая разделяла сельских и городских жителей, в

¹⁹ *Young J.* China's Hukou system: markets, migrants and institutional change. N.Y., 2013.

²⁰ *Kochan D.* Visual representation of internal migration and social change in China // *China Information*. 2009. Vol. 23. N 2. P. 285–316.

систему, которая управляет населением и поддерживает рост и развитие китайского рабочего класса.

Управление по законодательным вопросам Государственного Совета в декабре 2014 г. опубликовало Положение о разрешении на проживание (проект экспозиции) с целью выявления общественного мнения относительно предлагаемых изменений и определений государственных услуг, которые будут установлены новыми правилами проживания, включая равные права на бесплатное образование, отсутствие дискриминации на рабочем месте, расширение профессиональной подготовки, поддержку занятости, жилье, пенсионные услуги, социальное обеспечение, социальную помощь и воссоединение семей бывших сельских жителей. Несмотря на предлагаемые изменения сельские жители, как правило, скептически относятся к реформам и, учитывая опыт прошлых лет, часто не решаются принять новые правила хукоу. Многие крестьяне не намерены на постоянной основе жить в китайских городах. Например, только 10,7% сельских трудящихся-мигрантов из провинции Сычуань готовы перебраться на постоянное место жительства в город²¹. Сельских жителей волнуют конкретные детали новой политики, которая еще не до конца разработана, и неравенство, которое продолжает разделять сельский и городской Китай. Кроме того, реформа системы хукоу — это не просто изменение регистрации по месту жительства. Она также затрагивает проблемы доступа к рабочим местам, образованию, здравоохранению и многому другому. Перераспределение ресурсов также создает некоторые трения между старыми городскими жителями и мигрантами из села²².

Крестьяне имеют “три права” — право на землю и управление ею, право на свое хозяйство, “усадебу”, и право коллективного распределения доходов, — и они не готовы обменять эти права на право просто жить в городе. Изменения усложняют жизнь, увеличивают разрыв между уровнем жизни в сельских и городских районах, ограничивают доступ к ресурсам. Трудно отказаться от прямых субсидий производителям зерна, от медицинского обслуживания в сельских кооперативах и политики преференций в планировании семьи, а также от традиционных “трех прав”²³. И хотя традиционная система не всегда “максимизировала доходы”, но зато она минимизировала риски. Поэтому многие сельские захотят сохранить свой сельский

²¹ Gu Z. People's Daily's view on household registration reform: give peasants more choices and provide small cities more resources // People's Daily. 2014. 25 Aug.

²² Iredale R.R., Bilik N., Su W., Guo F., Hoy C. Contemporary minority migration, education, and ethnicity in China. Cheltenham, 2001.

²³ Bach J. Op. cit.

образ жизни, чтобы избежать риска урбанизации, даже если реформы поощряют переселение сельских жителей в города и получение ими новых возможностей²⁴.

Выводы

Система хукоу была создана для содействия развитию, сокращения разрыва между сельскими и городскими районами и оказания помощи недавно сформированному центральному правительству в его планах преобразований. К сожалению, вместо того чтобы стимулировать перемены и формировать равенство, система хукоу разделила сельских и городских жителей Китая и подавила развитие.

Городские жители извлекали выгоду из своего положения в системе хукоу, оттесняя сельских жителей на второй план, где они не могли получить доступ к городским программам и преимуществам, горожане продолжали находиться в привилегированном положении по отношению к сельской бедноте. Для сравнения, сельские жители Китая, как правило, страдают от системы хукоу, которая ставит их в неблагоприятные условия, закрепляя крайнюю нищету и лишения. Вместо того чтобы служить инструментом реформ, хукоу породила систему статусов, которая дифференцирует городское и сельское население и мало что делает для решения проблемы социального неравенства или несправедливого распределения ресурсов.

Современные реформы, безусловно, имеют потенциал для преобразования системы хукоу и делают это так, чтобы не ограничиваться избранной группой городов, как это было в конце 1990-х и начале XXI в.²⁵ Правительство Китая и КПК опираются на ранее достигнутые успехи, учитывая всесторонние изменения, тем самым формируя основу для преодоления разрыва, который продолжает разделять сельских и городских жителей. Реформы должны уменьшить барьеры, которые ограничивают поселение сельских жителей в городах. Они должны также открыть доступ к товарам и услугам, что будет способствовать укреплению чувства равенства и сбалансированности между сельскими и городскими общинами. Реформы также позволят государству лучше управлять сельскими мигрантами и работать с ними, а мигранты смогут “выйти из тени” и открыто получить доступ к новым возможностям²⁶.

²⁴ *Young J.* China's Hukou system: markets, migrants and institutional change; *Yusuf S., Saich T.* China urbanizes: consequences, strategies, and policies. Washington, 2008.

²⁵ *Wang Q.* From the compulsory license to conditions permit, the analysis of the change of the contemporary China urban household registration migration's licensing system // *Southeast Academic Research*. 2010. Vol. 216. N 2. P. 36–43.

²⁶ *Fan C.C.* Op. cit.

Потенциал реформирования системы хукоу и устранения некоторых видов неравенства, определяющих жизнь населения, весьма велик и позитивен, учитывая успех не очень масштабных местных программ, которые были осуществлены городами в 1990-х и начале XXI в. в целях более эффективного управления сельско-городским населением и перераспределением рабочей силы.

Мы считаем, что продолжение реформ системы хукоу неизбежно, если учитывать рост китайской экономики как с точки зрения потребления, так и с точки зрения производства. Такая возможность созрела в результате развития страны, управляемого государством и стимулируемого частными инвестициями. Реформа хукоу должна опираться на эти возможности, преодолевать неравенство, пока еще определяющее жизнь, и ликвидировать разрыв, который разделяет сельских и городских жителей Китая. При этом реформа системы хукоу способствует политике, направленной на решение проблем государственной системы образования, рынков труда, рынков капитала, потребительского кредитования и непрерывного роста.

Реформа системы хукоу может создать новую систему, которая станет неотъемлемой частью развития Китая. Вместо того чтобы ограничивать доступ к развитию и возможности, реформы должны предоставить сельским жителям те же права и возможности, которые есть у городских жителей, устранить препятствия, ограничивающие свободный поток людей и семей, способствовать равенству в соответствии с законом. Мы надеемся, что самый последний раунд реформ, которые предусмотрены государством и опираются на опыт городов по всей стране, являются лишь первым шагом в продолжающемся процессе роста, который будет ускоряться по мере дальнейшего развития Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Bach J. They come in peasants and leave citizens urban villages and the making of Shenzhen, China // *Cultural Anthropology*. 2010. Vol. 25. N 3. P. 421–458.

Cai Y., Yew-Kwang Ng. Part-peasants: incomplete rural-urban labour migration in China // *Pacific Economic Review*. 2014. Vol. 19. N 4. P. 401–422.

Fan C.C. Rural-urban migration and gender division of labor in transitional China // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. Vol. 27. N 1. P. 24–47.

Gu Z. People's Daily's view on household registration reform: give peasants more choices and provide small cities more resources // *People's Daily*. 2014. Aug. 25.

Ho S.P.S. Rural China in transition: non-agricultural development in rural Jiangsu, 1978–1990. Oxford, 1994.

Iredale R.R., Bilik N., Su W., Guo F., Hoy C. Contemporary minority migration, education, and ethnicity in China. Cheltenham, 2001.

- Kochan D.* Visual representation of internal migration and social change in China // *China Information*. 2009. Vol. 23. N 2. P. 285–316.
- Li Q.* China's social structure during the transition. Heilong Jiang, 2002.
- Liang Q.* Household registration reform, labor mobility and optimization of the urban hierarchy // *Social Sciences in China*. 2013. Vol. 216. N 12. P. 61–67.
- Liu Y., Stillwell J., Shen J., Daras K.* Interprovincial migration, regional development and state policy in China, 1985–2010 // *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2014. Vol. 7. N 1. P. 47–70.
- Qiao M., Qian X., Yao X.* Labor market segmentation, Hukou and 334 urban-rural difference in employment // *Chinese Journal of Population Science*. 2009. Vol. 133. N 4. P. 32–42.
- Rietig V.* Migration with Chinese characteristics: Hukou reform and elite emigration, migration policy institute. 2014. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/top-10-2014-issue-10-migration-chinese-characteristics-hukou-reform-and-elite-emigration> (accessed: 12.10.2014).
- The Ministry of public security administration // The Collection of Laws, Regulation and Policy on China's Household Registration System. 2001. The Chinese people public security press.
- Vendryes T.* Migration constraints and development: Hukou and capital accumulation in China // *China Economic Review*. 2011. Vol. 22. N 4. P. 669–692.
- Wang H.* A macroscopic analysis of the formation and evolution of the Chinese present domicile system // *Journal of Chinese Communist Party History Studies*. 2003. Vol. 58. N 4. P. 22–29.
- Wang Q.* From the compulsory license to conditions permit, the analysis of the change of the contemporary China urban household registration migration's licensing system // *Southeast Academic Research*. 2010. Vol. 216. N 2. P. 36–43.
- Wu X., Zhuoni Z.* Household registration, occupational segregation and income inequality in urban China // *Social Sciences in China*. 2014. Vol. 222. N 6. P. 118–140.
- Yang C.* Rethinking about the Reform of the Hukou System // *Journal of China Agricultural University*. 2010. Vol. 27. N 3. P. 161–167.
- Yan G.* Household register's character history and China's household registration reform // *Tribune of Study Journal*. 2008. Vol. 24. N 5. 71–75.
- Yang Y.* China's population migration and long-term development strategy. Wuhan, 1994.
- Yin Z., Yu Q.* China's household registration reform. Beijing, 1996.
- Young J.* China's Hukou system: markets, migrants and institutional change. N.Y., 2013.
- Yusuf S., Saich T.* China urbanizes: consequences, strategies, and policies. Washington, 2008.
- Zhao W.* Economic factors in modern China: an account of migration and institutional change // *Journal of Historiography*. 2005. Vol. 379. N 5. P. 96–100.

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-226-238

ПУТИ И ФОРМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МИГРАЦИИ КРЕСТЬЯН В ГОРОДА В КИТАЕ

Ван Лили, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Внутренняя миграция часто отличается от международной миграции представлениями граждан о свободной мобильности внутри территории. Однако внутренние мигранты могут по-прежнему сталкиваться со значительными препятствиями на пути интеграции в городскую среду в силу институциональных структур, существующих в странах. Система хукоу, изначально задуманная как средство предотвращения потенциального перехода сельских жителей в города в “маоистскую эру”, создала пропасть между сельскими и городскими районами и ограничила доступ к социальному обеспечению в регионе, где граждане официально зарегистрированы. В настоящей статье рассматривается жесткая система хукоу, устаревшая для нынешнего социального контекста в Китае, поскольку она уже не может остановить миграцию людей из сельских районов в города и лишь способствует усилению неравенства между сельскими мигрантами и принимающим их городским населением, подчеркивая при этом различия в социальном статусе и дискриминацию в отношении мигрантов из сельских районов. Кроме того, в настоящей статье освещаются основные препятствия на пути ослабления ограничений на основе хукоу и приводятся некоторые рекомендации в отношении политики, которые могут оказаться полезными для создания более инклюзивного общества.

Ключевые слова: внутренняя миграция, система хукоу, дискриминация, экономические реформы, пути совершенствования системы хукоу.

WAYS AND FORMS OF IMPROVING THE MIGRATION OF PEASANTS TO CITIES IN CHINA

Van Lili, Postgraduate Student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vanlili@gmail.com

Internal migration often differs from international migration in terms of citizens' ideas about free mobility within the territory. However, domestic migrants may still face significant obstacles to integration due to institutional structures in countries. The Hukou system, originally conceived as a means of preventing the potential transition of rural residents to urban masses during the Maoist era, created a clear divide between

* **Ван Лили**, e-mail: vanlili@gmail.com

rural and urban areas and limited access to social security in the region where citizens are legally registered. This article examines the rigid Hukou system, which is outdated in the current Chinese social context, as it can no longer stop migration from rural areas to cities and only contributes to increasing inequality between rural migrants and their host urban populations, while highlighting differences in social status and discrimination against migrants from rural to urban areas. In addition, this article highlights the main obstacles to easing Hukou-based constraints and provides some policy recommendations that can be helpful in building a more inclusive society.

Key words: *internal migration, Hukou, discrimination, economic reforms, ways of improvement.*

Национальное бюро статистики Китая сообщает, что в 2016 г. число сельских трудящихся-мигрантов в Китае достигло более 281 миллиона человек. По оценкам, к 2025 г. китайские города примут еще 243 миллиона мигрантов. Мигранты в общей сложности составят около 40% городского населения¹. Следует отметить, что число внутренних мигрантов в Китае превышает общее число международных мигрантов (244 миллиона в 2015 г.) в мире², что делает пример Китая очень важным для понимания миграционных процессов, учитывая, что это касается благосостояния большого числа трудящихся-мигрантов. Значительная миграция из сельских районов в города в Китае привела к сохраняющемуся неравенству между сельским и городским населением, причем многие сельские трудящиеся-мигранты испытывают различные формы изоляции в городских районах — от трудовой эксплуатации до плохих жилищных условий и недостаточного доступа к основным услугам и образованию для детей-мигрантов³.

Цель настоящей статьи заключается в изучении ситуации с миграцией из сельских районов в города в Китае, которая является самой масштабной миграцией в мире и которая регулируется уникальной системой регистрации домашних хозяйств страны (известной как “система хукоу”) в современных условиях, а также в поиске путей и форм ее совершенствования. В настоящей статье будут рассмотрены

¹ Woetzel J., Mendonca L., Devan J., Negri S., Hu Y., Jordan L., Li X., Maasry A., Tsean G., Yu F. et al. Preparing for China's urban McKinsey & Company. 2009. URL: <http://www.mckinsey.com/global-themes/urbanization/preparing-for-chinas-urban-billion> (accessed: 03.12.2019).

² United Nations, 2016. International Migration Report 2015. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (accessed: 03.12.2019).

³ Wang L. Hukou system and its reform exclusion and inclusion in China // Development Research Centre of the State Council of China. 2015. URL: [http://www.in.undp.org/content/dam/india/docs/hukou system and its reform exclusion and inclusion in china.pdf](http://www.in.undp.org/content/dam/india/docs/hukou%20system%20and%20its%20reform%20exclusion%20and%20inclusion%20in%20china.pdf) (accessed: 03.12.2019).

барьеры на пути интеграции в различных сферах: на национальном и местном уровнях управления, а также в повседневных социальных отношениях. Основное внимание будет уделено институционализированной системе хукоу в Китае и широко распространенным социальным предрассудкам как корням такого отчуждения сельских трудящихся-мигрантов, также будут предложены пути дальнейшего совершенствования всей системы в возможности для всех заинтересованных сторон.

Основная часть

Рассмотрим барьеры, которые создает система хукоу на различных уровнях.

Во-первых, сначала охарактеризуем барьеры, которые создает хукоу на национальном уровне: дискриминация по признаку хукоу в отношении сельских трудящихся-мигрантов.

Система хукоу была впервые внедрена в Китае в 1958 г. с целью ограничения массовой миграции из сельских районов в города и обеспечения структурной стабильности страны. Это было тесно связано с характером командной экономики, которая должна была гарантировать адекватное предложение продукции в сельском хозяйстве⁴. Кроме того, система хукоу также имела жизненно важное значение в плане предоставления демографических данных с целью централизованного планирования⁵ и социально-политического управления различными группами населения⁶. Во-первых, система хукоу классифицирует граждан на две большие категории: сельские и городские жители. Граждане с сельским статусом по системе хукоу автоматически рассматриваются как “неполноценные”, поскольку они не могут пользоваться теми же социальными льготами, что и их городские коллеги. Во-вторых, система хукоу в значительной степени определяет, где гражданам разрешено жить, поскольку граждане имеют право на доступ к социальному обеспечению, такому как образование, здравоохранение и пенсии, только в том месте, в котором они официально зарегистрированы. В-третьих, статус по хукоу в первую очередь наследуется от родителей в момент рождения, а потому дети, рожденные сельскими трудящимися-мигрантами, обозначаются как имеющие сельскую прописку по хукоу, даже если они родились

⁴ *Laurd T. Rethinks peasant 'apartheid' // BBC. 2015. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4424944.stm> (accessed: 19.05.2017).*

⁵ *The Workers Movement in China, 2000–2004 // China Labour Bulletin. 2007. URL: <http://www.clb.org.hk/en/content/standing-workers-movement-china-2000-2004> (accessed: 03.12.2019).*

⁶ *Wang L. Op. cit.*

в городе. Замена сельского статуса по системе хукоу на городской предполагает ряд трудоемких и дорогостоящих бюрократических процедур. Однако в большинстве случаев имеющие сельский статус по хукоу люди не могут поменять свою регистрацию с сельской на городскую, поскольку им мешают критерии отбора, которым они, скорее всего, никогда не будут соответствовать⁷. Сельские мигранты, которые рассматривают возможность временной работы в городских районах, также не хотят менять свой сельский статус, поскольку получение местного городского хукоу означает отказ от сельского и от всех связанных с ним социальных льгот в их родном селе. Временные мигранты могут жить в нескольких местах одновременно: и в селе, и в городе.

Система хукоу сыграла важную роль в предотвращении массовой миграции между китайскими городскими и сельскими районами во время маоистского режима. Однако успешная реализация экономических реформ конца 1970-х гг. в Китае привела к значительным социальным преобразованиям в стране. Быстрые процессы урбанизации и индустриализации сделали китайские города свидетелями крупномасштабного притока мигрантов из сельских районов: большое число сельских рабочих устремилось в города в поисках лучших перспектив и реализации своих стремлений к стабильному будущему для своих семей. Правительственный контроль территориальной мобильности и его способность обеспечить соблюдение системы хукоу были значительно ослаблены и внутренняя миграция продолжилась в больших масштабах⁸.

Драматические социальные изменения, произошедшие с начала экономических реформ, трансформировали систему хукоу⁹. Однако несмотря на то что система хукоу больше не оказывает решающего влияния на предотвращение миграции из сельских районов в города, она по-прежнему имеет решающее значение в дифференциации жизненных шансов людей в рамках административной классификации городских и сельских категорий¹⁰. Будучи ущемленными в

⁷ Farrar P. China's new generation of urban migrants // *The Diplomat*. 2016. June. URL: <http://thediplomat.com/2016/06/chinas-new-generation-of-urban-migrants/> (accessed: 03.12.2019).

⁸ Liang Z., Ma Z. China's floating population: new evidence from the 2000 Census. 2004. URL: <http://soc.thu.edu.tw/firework/conference2002120708/conference%20paper/Zhongdong.pdf> (accessed: 03.12.2019).

⁹ Yang Z. End gaokao bias toward migrant workers' kids // *China Daily*. 2014.08.12. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2014-08/12/content_18292120.htm (accessed: 03.12.2019).

¹⁰ Kuang L., Liu L. Discrimination against rural-to urban migrants: the role of the 仇tow system in China. 2012. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/>

социально-экономическом плане, сельские трудящиеся-мигранты помимо этого еще и институционально лишены доступа к достойным условиям жизни в городе. Например, дети сельских мигрантов не могут свободно посещать государственные школы, поскольку у них нет местного статуса по системе хукоу. Альтернативой государственным школам для них являются частные школы для мигрантов, которые характеризуются более низким качеством преподавания, нестандартизированными учебными программами, ненадежными условиями обучения и при этом высокой платой¹¹. Если же они захотят получить государственное образование, то исходя из их сельской прописки, они могут сделать это в своем родном селе, но при этом они будут разлучены с родителями, которые работают в городе, таких детей в Китае 60 млн человек¹². По-прежнему существует множество рабочих мест, особенно в крупных компаниях или в государственных секторах, которые открыты только для обладателей городской или местной регистрации по системе хукоу. В некоторых регионах сельские мигранты не имеют права на социальное жилье. Кроме того, система хукоу также способствовала неравенству в области здравоохранения, поскольку сельские трудящиеся-мигранты обычно не имеют доступа к местным медицинским услугам и планам медицинского страхования, несмотря на их плохие условия жизни и тяжелую рабочую нагрузку¹³. Таким образом, система хукоу значительно снижает качество жизни и чувство принадлежности сельских трудящихся-мигрантов к принимающему их обществу и имеет дополнительные последствия для расширения социального разрыва между сельскими и городскими районами.

Во-вторых, обратимся к тем барьерам, которые создает для мигрантов система хукоу на местном уровне, которые являются последствиями децентрализации власти от центрального к местному правительству.

Центральное правительство Китая уже давно признало неидеальность системы хукоу и ее негативное воздействие на китайское общество. Начиная с середины 1980-х гг. центральное правительство

PMC3489849/ (accessed: 03.12.2019).

¹¹ *Pai H.* China's rural migrant workers deserve more respect from the city-dwellers // *The Guardian*. 2012. 25 Aug. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/aug/25/china-rural-migrants-more-respect> (accessed: 03.12.2019).

¹² *Sudworth J.* Counting the cost of China's left-behind children // *BBC News*. 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-35994481> (accessed: 03.12.2019).

¹³ *Shao C., Meng X., Cui S., Wang J., Li C.* Income-related health inequality of migrant workers in China and its decomposition: an analysis based on the 2012 China labor-force dynamics survey data // *Public Health Rep.* 2008. Mart–Apr. Vol. 123. N 2. P. 189–197. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2239328/> (accessed: 03.12.2019).

приняло различные меры с целью постепенного ослабления ограничений на основе хукоу, в том числе предприняло попытку “отделить уровень благосостояния от возможности получить статус по системе хукоу, оно снизило порог для приобретения городского статуса по хукоу”¹⁴. Правительство также взяло на себя обязательства проводить постоянные изменения в системе хукоу и создать новую систему регистрации домашних хозяйств к 2020 г.¹⁵

Однако, как утверждают Чан и Бекингем, совокупные усилия по реформированию системы хукоу фактически привели к децентрализации власти¹⁶. Несмотря на то что центральное правительство взяло на себя повышенные обязательства по борьбе с дискриминацией в отношении внутренних мигрантов, на местном уровне не было эффективно обеспечено применение новых нормативных актов¹⁷. Местные органы власти сохраняют решающий голос в деле проведения дискриминационной политики в отношении сельских мигрантов. В действительности крупные муниципалитеты уже установили более высокие пороговые значения, чтобы исключить сельских мигрантов из городского общества. Например, по вопросу об образовании детей сельских мигрантов правительство Пекина внедрило “политику пяти сертификатов”, которая требует, чтобы родители мигрантов оформляли пять сертификатов (временный вид на жительство, разрешение на работу, подтверждение места жительства, сертификат с места происхождения, регистрация домашнего хозяйства), чтобы подтвердить местное проживание¹⁸. Таким образом, вместо того чтобы предоставить учащимся-мигрантам альтернативу зачислению в государственную школу¹⁹, “политика пяти сертификатов” усугубила проблемы сельских мигрантов, поскольку требования настолько обременительны, что практически ни один трудящийся-мигрант не в силах их выполнить²⁰. Что еще более тревожно, так это то, что

¹⁴ Wang L. Op. cit.

¹⁵ An B. Hukou reforms target 2020: official // China Daily. 2013.12.18. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-12/18/content_17180844.htm (accessed: 03.12.2019).

¹⁶ Chan K., Buckingham W. Is China abolishing the Hukou system? 2008. URL: <http://faculty.washington.edu/kwchan/Chan-WSB-Hukou-Abolition-CQ2008.pdf> (accessed: 03.12.2019).

¹⁷ Amnesty International. 2015. People’s Republic of China Internal migrants: Discrimination and abuse-The human cost of an economic ‘miracle’.

¹⁸ Feng E. 2014. Beijing migrant education: challenges and prospects in light of the five certificate policy. URL: <https://core.ac.uk/display/37750430/tab/similar-list> (accessed: 13.05.2017).

¹⁹ Feng E. Op. cit.

²⁰ On the margins: migrant education in Beijing // The Huffpost. China Hands. 2015. URL: http://www.huffingtonpost.com/china-hands/on-the-margins-migrated_b_7250284.

ожидается, что средние и малые города последуют примеру крупных муниципалитетов, таких как Пекин или Шанхай, чтобы ужесточить ограничения²¹.

В-третьих, обратимся к тем барьерам, которые создает система хукоу на уровне общества и которые вызваны глубоко укоренившимися предрассудками.

Обилие дешевой рабочей силы из сельских районов в значительной степени способствовало стремительному росту глобальной экономики Китая, которая тесно связана с бумом в производственном секторе. Однако хотя сельские трудящиеся-мигранты составляют в Китае половину городской рабочей силы и обеспечивают половину ВВП, они по-прежнему страдают от глубоко укоренившихся предрассудков и дискриминации, помимо того, что им институционально отказано в доступе к государственным услугам²². Китайское слово для сельских рабочих-мигрантов 农民工 (Nóngmín gōng), которое можно буквально перевести как “крестьянские рабочие”, несет глубоко укоренившуюся негативную коннотацию, которая подразумевает отсутствие у них образования, их низкие “экономические способности” и низкий социальный статус²³. Коренные жители городов постоянно связывают сельских трудящихся-мигрантов с высокой мобильностью, высоким уровнем преступности и социальными беспорядками. Сельские трудящиеся-мигранты часто рассматриваются как угроза, как конкуренты в борьбе за скудные городские ресурсы.

Помимо того, что горожане почти постоянно вешают на сельских мигрантов клеймо “крестьянина”, унаследованное от системы хукоу, так еще и средства массовой информации создают негативный образ сельских трудящихся-мигрантов, что дополнительно укрепляет предубеждение против них, как утверждает Х. Пай. Вот как СМИ описывают миграцию из сельской местности в город: “слепой поток” (盲流, Mángliú), что характеризует миграционный приток как иррациональный, бессмысленный и неконтролируемый²⁴. Подобные языковые образы способствуют формированию и укреплению социальных предрассудков в отношении сельских мигрантов.

В том числе и из-за этого глубоко укоренившегося предубеждения коренные городские жители часто демонстрируют сложное

html (accessed: 03.12.2019).

²¹ Migrant children have right to education // China Daily. 2016.10.26 URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2016-10/26/content_27173504.htm (accessed: 03.12.2019).

²² *Pai H.* Op. cit.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

отношение к сельским трудящимся-мигрантам. С одной стороны, большинство городских жителей считают ограничения, порожденные системой хукоу, несправедливыми и проявляют большую симпатию к сельским трудящимся-мигрантам. С другой стороны, есть те, кто опасается, что потенциальная либерализация системы хукоу побудит еще большее число сельских жителей переезжать в города, а это потребует от горожан необходимости делиться и без того скудными городскими ресурсами. «Проводя свое исследование, я опросил пятерых обладателей городского статуса по системе хукоу в возрасте от 25 до 55 лет. Все они без исключения, высказывая недовольство нынешней системой хукоу и двойной системой городского и сельского управления, в то же время заявили, что не будут проводить время в районах, где живет много сельских трудящихся-мигрантов, поскольку автоматически связывают эти районы с опасностью. Два человека из числа моих собеседников, у которых есть дети, сказали, что они не хотели бы видеть большое количество детей сельских мигрантов в одном классе со своими собственными детьми, потому что боятся, что дети мигрантов могут оказывать “плохое влияние” на их детей, поскольку над первыми нет должного родительского надзора и надлежащего “поведенческого руководства”»²⁵. Это предубеждение затрудняет местным органам власти разработку и осуществление соответствующей политики в ответ на инициативы центрального правительства по ослаблению ограничений на основе хукоу, поскольку местные органы власти вынуждены учитывать преобладающее мнение местных граждан.

Пути и формы совершенствования системы хукоу в современных условиях

Крупномасштабная миграция из сельских районов в города будет по-прежнему оставаться реальностью Китая, которую необходимо учитывать и приспособливаться к ней. Однако сельские мигранты и сегодня сталкиваются с многочисленными препятствиями на пути к достойным условиям жизни в городе. Сложность этого вопроса, а также тот факт, что из-за его нерешенности формируются различные “слои” социальной дискриминации, с очевидностью показывают, что необходим комплексный подход к его решению, в реализации которого будут задействованы как центральные, так и местные органы власти, а также совместные усилия разных групп общества. Следует, однако, признать, что приоритеты в разработке той или иной политики чаще всего устанавливаются сверху. Но в то же время,

²⁵ *Farrar P. Op. cit.*

безусловно, необходимо уделять внимание изменению общественных предубеждений в отношении сельских мигрантов. Следовательно, с учетом всех вышеупомянутых факторов можно предложить следующие пути совершенствования рассматриваемой политики.

1. На национальном уровне центральное правительство должно выполнить свое обещание продолжать работу по реформированию системы хукоу, с тем чтобы постепенно вписать ее в социальный контекст современного Китая. Во-первых, следует ликвидировать институционализированную дихотомию между сельскими и городскими районами. Во-вторых, все граждане Китая по всей стране должны иметь доступ к основным социальным услугам, таким как образование и здравоохранение, независимо от их места жительства. В то же время местные органы власти должны работать над снижением порога доступа сельских мигрантов к социальным услугам, а также осуществлять надзор за тем, чтобы местные школы, больницы и компании проводили изменения, гарантирующие равные права трудящимся-мигрантам, многие из которых живут в разных районах.

2. Что касается негативной коннотации термина “крестьянские рабочие” (民工, Mín míngōng), то необходимо разработать новый термин, который будет обозначать сельских рабочих-мигрантов. Многие трудящиеся-мигранты говорят о том, что им не нравится, когда их называют “крестьянскими рабочими”. Значение этого изменения будет выходить далеко за рамки языка, учитывая то, что язык может “создавать” то или иное восприятие. Кроме того, изменение этого термина будет свидетельствовать о большей готовности принимающего общества к более эффективной интеграции сельских трудящихся-мигрантов. Вот некоторые альтернативные термины, которые могут быть использованы для замены существующего: “новый городской житель” (新城市居民, Xīn chéngshì jūmín) и “новый контрактный работник” (新型合同工, Xīnxíng hétónggōng).

3. Теперь обратимся к роли средств массовой информации. Более широкое освещение рассматриваемой проблемы должно быть направлено на изменение социально обусловленных предубеждений, которые принимающее население городов имеет по отношению к сельским мигрантам. Доминирующий дискурс, описывающий мигрантов как угрозу социальному порядку или как конкурентов в распределении городских ресурсов, должен быть изменен. Средства массовой информации должны уделять больше внимания вкладу сельских мигрантов в быстрое развитие городов, которое Китай переживает в последние десятилетия. Они должны также сосредоточиться на преимуществах, которые общество может получить от

инклюзивной модели. Например, школьная сегрегация нанесет вред обществу в долгосрочной перспективе, а инклюзивное образование уменьшит неравенство и принесет пользу как обществу в целом, так и каждому, кто в нем живет в отдельности.

4. В соответствии с вышеупомянутыми политическими рекомендациями следует проводить больше кампаний, направленных на повышение осведомленности общественности о преимуществах более инклюзивного и менее разделенного общества. Исторические уроки апартеида в Южной Африке и формализованной расовой сегрегации в Соединенных Штатах могут быть рассмотрены в качестве примеров долгосрочных опасностей и социальных разногласий, которые могут породить такие институционализированные системы.

5. Влиять на развитие ситуации следует таким образом, чтобы было больше взаимодействия между коренными городскими жителями и вновь прибывшими. Необходимо разработать программы, которые помогут обеим группам устанавливать контакты друг с другом с целью разрушения стереотипов. Например, городские государственные школы могут начать с организации внеклассных мероприятий с мигрантскими школами в присутствии родителей как городских, так и сельских детей-мигрантов.

6. Необходимо усилить правовую защиту мигрантов из села, чтобы гарантировать им такие же условия труда, в которых работают их городские коллеги. По сравнению со своими городскими коллегами, сельские мигранты часто сталкиваются с серьезными проблемами в сфере труда, а также в том, что касается уровня прожиточного минимума, незащищенности доходов, незащищенности рабочих мест, более продолжительного рабочего времени, все это влияет на их благосостояние.

7. Еще один момент улучшения политики, касающейся мигрантов — это повышение роли гражданского общества в поощрении равных прав сельских трудящихся-мигрантов и членов их семей. Несмотря на то что гражданское общество в Китае по-прежнему сталкивается с многочисленными ограничениями в рамках нынешнего режима, оно начинает играть все более важную роль в предоставлении социальных услуг и повышении осведомленности общественности²⁶. Необходимо прилагать усилия на всех уровнях для расширения возможностей гражданского общества, поощрения его деятельности и формирования условий для создания новых групп и общин гражданского общества.

²⁶ Zhang Y. Migrant women workers and the emerging civil society in China. 2003. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/APCITY/UNPAN005477.pdf> (accessed: 03.12.2019).

Выводы

Несмотря на радикальные социальные и экономические изменения, произошедшие за последние четыре десятилетия, система хукоу остается прочным институтом. Ее непреходящее значение показывает, как мало Китай “отклонился” от своего “социалистического пути”. Помимо контроля за миграцией система хукоу была механизмом организации рабочей силы ради быстрой индустриализации в первые три десятилетия существования Народной Республики. Сам факт того, что крестьяне продолжали жить в деревнях и заниматься сельскохозяйственным трудом, позволил государству труд и продукты их деятельности для поддержки политики индустриализации.

В эпоху реформ система хукоу была перестроена так, чтобы служить новому, ориентированному на экспорт процессу индустриализации государства, который требовал все большего числа рабочих, и такими рабочими должны были стать крестьяне, поэтому им было позволено переезжать в города. Новый бесправный класс мигрантов, вчерашних крестьян, обеспечил огромный приток дешевой рабочей силы, что было использовано как государством, так и промышленниками, в том числе глобальными. Китайские крестьяне-мигранты сделали эффективным и конкурентоспособным экономический механизм Китая.

За последние шесть десятилетий система хукоу хорошо послужила государству в деле превращения Китая в крупную промышленную державу. Однако недавние массовые протесты крестьян и трудовых мигрантов поставили под угрозу политическую стабильность и экономическую устойчивость Китая в долгосрочной перспективе. Трудящиеся-мигранты остро осознают серьезную дискриминацию, с которой они сталкиваются, и борются с ней. Китаю необходимо ускорить реформы хукоу и демонтировать эту мегадискриминационную систему в разумные сроки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

An B. Hukou reforms target 2020: official // China Daily. 2013.12.18. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-12/18/content_17180844.htm (accessed: 03.12.2019).

Amnesty International. 2015. People's Republic of China Internal migrants: Discrimination and abuse-The human cost of an economic ‘miracle’.

Chan K., Buckingham W. Is China abolishing the Hukou system? 2008. URL: <http://faculty.washington.edu/kwchan/Chan-WSB-Hukou-Abolition-CQ2008.pdf> (accessed: 03.12.2019).

Chan K. Migration and development in China: trends, geography and current issues // Migration and Development. 2012. Vol. 1. N 2. P. 187–205.

Farrar P. China's new generation of urban migrants // *The Diplomat*. 2016. June. URL: <http://thediplomat.com/2016/06/chinas-new-generation-of-urban-migrants/> (accessed: 03.12.2019).

Feng E. 2014. Beijing migrant education: challenges and prospects in light of the five certificate policy. URL: <https://core.ac.uk/display/37750430/tab/similar-list> (accessed: 13.05.2017).

Kuang L., Liu L. Discrimination against rural-to urban migrants: the role of the hukou system in China. 2012. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3489849/> (accessed: 03.12.2019).

Laurd T. Rethinks peasant 'apartheid' // *BBC*. 2015. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4424944.stm> (accessed: 19.05.2017).

Liang Z., Ma Z. China's floating population: new evidence from the 2000 Census. 2004. URL: <http://soc.thu.edu.tw/firework/conference2002120708/conference%20paper/Zhongdong.pdf> (accessed: 03.12.2019).

Migrant children have right to education // *China Daily*. 2016.10.26 URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2016-10/26/content_27173504.htm (accessed: 03.12.2019).

Ministry of Human Resources and Social Security of the People's Republic of China, 2017. 国家统计局公布报告：农民工总量达2.8亿，月均收入达3275元. URL: http://www.mohrss.gov.cn/SYrlzyhshbzb/dongtaixinwen/buneiyaowen/201705/t20170502_270_286.html (accessed: 03.12.2019).

On the margins: migrant education in Beijing // *The Huffpost*. *China Hands*. 2015. URL: <http://www.huffingtonpost.com/china-hands/on-the-margins-migrated-b-7250284.html> (accessed: 03.12.2019).

Pai H. China's rural migrant workers deserve more respect from the city-dwellers // *The Guardian*. 2012. Aug. 25. URL: <https://www.theguardian.com/commentsfree/2012/aug/25/china-rural-migrants-more-respect> (accessed: 03.12.2019).

Shi L. Rural migrant workers in China: scenario, challenges and public policy // Working Paper. 2008. N 89. Policy Integration and Statistics Department at International Labor Office Geneva. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/553d/1d594a28e5ffbb95cdf101eecb6604b8d7e6.pdf> (accessed: 03.12.2019).

Shao C., Meng X., Cui S., Wang J., Li C. Income-related health inequality of migrant workers in China and its decomposition: an analysis based on the 2012 China labor-force dynamics survey data // *Public Health Rep.* 2008. Mart–Apr. Vol. 123. N 2. P. 189–197. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2239328/> (accessed: 03.12.2019).

Sudworth J. Counting the cost of China's left-behind children // *BBC News*. 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-35994481> (accessed: 03.12.2019).

The Workers Movement in China, 2000–2004 // *China Labour Bulletin*. 2007. URL: <http://www.clb.org.hk/en/content/standing-workers-movement-china-2000-2004> (accessed: 03.12.2019).

United Nations, 2016. International Migration Report 2015. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (accessed: 03.12.2019).

Wang L. Hukou system and its reform exclusion and inclusion in China // Development Research Centre of the State Council of China. 2015. URL: [http://www.in.undp.org/content/dam/india/docs/hukou system and its reform exclusion and inclusion in china.pdf](http://www.in.undp.org/content/dam/india/docs/hukou%20system%20and%20its%20reform%20exclusion%20and%20inclusion%20in%20china.pdf) (accessed: 03.12.2019).

Woetzel J., Mendonca L., Devan J., Negri S., Hu Y., Jordan L., Li X., Maasry A., Tsean G., Yu F. *et al.* Preparing for China's urban McKinsey & Company. 2009. URL: <http://www.mckinsey.com/global-themes/urbanization/preparing-for-chinas-urban-billion> (accessed: 03.12.2019).

Yang Z. End gaokao bias toward migrant workers' kids // China Daily. 2014.08.12. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2014-08/12/content_18292120.htm (accessed: 03.12.2019).

Zhang Y. Migrant women workers and the emerging civil society in China. 2003. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/APCITY/UNPAN005477.pdf> (accessed: 03.12.2019).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента).

Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”.

Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны).

Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению. В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии. В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru, а также по телефону ответственного секретаря журнала Ильиных Ольги Владимировны +7 (903) 268-89-69.

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы

в № 1 (январь–март) — до 20 августа,

в № 2 (апрель–июнь) — до 20 ноября,

в № 3 (июль–сентябрь) — до 20 февраля,

в № 4 (октябрь–декабрь) — до 20 мая

каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается.

Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

**Рукописи, подаваемые в журнал,
должны соответствовать следующим требованиям**

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

- 1) название статьи на русском и английском языках;
- 2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).
- 3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждая);
- 4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- 5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробелами, знаками рисунков, оформительскими страницами);
- 6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие пристатейного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

- а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;
- б) второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский вышеприведенного списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала <http://vestnik.socio.msu.ru/jour> Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п.

Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

*С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”*